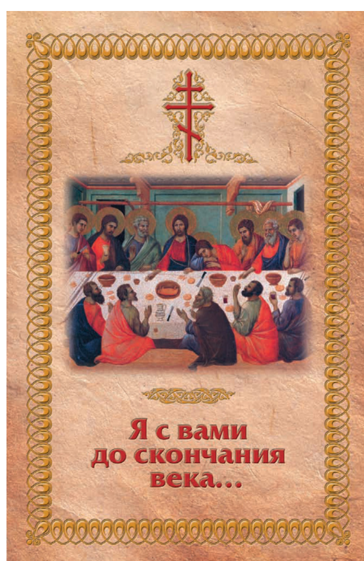

Я с вами
до скончания
века...

Николай С. Посадский
Я с вами до скончания века…

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=304862
Я с вами до скончания века…: Сибирская Благозвонница; М.; 2009
ISBN 978-5-91362-136-8

Аннотация

В книге предлагается подробное изложение, объяснение и толкование последних глав евангельской истории – от входа Господня в Иерусалим до Его святых спасительных Страстей, Светлого Воскресения и Вознесения.

Содержание

Я с вами до скончания века…

По благословению Митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ***ВЛАДИМИРА***

Последние дни пребывания Господа на земле

Три с половиною года служения Господа нашего Иисуса Христа спасению человеческого рода приближались к концу. Непрестанною проповедью Евангелия и бесчисленными явлениями всемогущей силы в чудотворениях Спаситель утвердил веру в Своих учениках и последователях. Но еще не был исполнен предвечный совет Пресвятой Троицы об искуплении человеческого рода от греха, осуждения и вечной смерти кровью великой Жертвы: *Агнцу непорочному и пречистому Христу, предуведеному прежде сложения мира,* надлежало пролить честную Кровь Свою (1 Пет. 1, 19, 20) *для очищения грехов всего мира* (1 Ин. 2, 2), чтобы привести нас к Богу (1 Пет. 3, 18), разрушить дела диавола (1 Ин. 3, 8) отверсть нам двери Царства Небесного (Еф. 2, 6) и сделать наследниками жизни вечной (Тит. 3, 7). Наступала Пасха, единственная в бытописании человечества, когда истинная *Пасха наша – Христос – за ны пожрен бысть* (1 Кор. 5, 7), *да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола* (Евр. 2, 14), *и изведет верующих из плена духовного в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 21).

Первый день последней седмицы

Торжественный вход Господа в Иерусалим
Мф. 21, 1–16; Мк. 11, 1–10; Лк. 19, 29–46; Ин. 12, 12–19

Господь наш Иисус Христос предначал последние дни Своей земной жизни таким действием, в котором явился перед всеми как предвозвещенный пророками и ожидаемый Израилем Спаситель. Пока еще не настало время Его (Ин. 7, 6), пока не пришел час крестного прославления Его (17, 1), Он тщательно избегал всех случаев, где народный восторг желал бы видеть исполнение заветной мечты о восстановлении древней славы Царства израильского (Ин. 6, 15); с тою же целью, во избежание перетолкований и затемнения истины примесью суетных ожиданий, Он нередко запрещал Своим ученикам и последователям разглашать всенародно, что Он есть ожидаемый Христос Спаситель (Мф. 12, 16; 16, 20; 17, 9; Мк. 5, 43; Лк. 5, 14). Теперь, ввиду страданий, мечтательность народная не могла дойти до какой-либо прискорбной крайности, а крест «решительно полагал конец в последователях Его всем подобного рода замыслам». «Часто и прежде сего, говорит – святитель Иоанн Златоуст, – Иисус Христос ходил в Иерусалим, но никогда не ходил с такою славою, потому что тогда было еще начало строительства Его, – время страданий еще не было близко; посему Он жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя». По мысли святого отца, славное явление Его в Самом начале «было бы не нужно и бесполезно: оно лишь возбудило бы в иудеях большой гнев». Во время спасительного служения Иисуса Христа одни веровали, слыша учение или видя чудные дела Его, а другие желали еще прямого объявления с Его стороны о том, что Он Мессия-Христос (Ин. 10, 24). И вот первый день седмицы, окончившейся смертью Богочеловека, был тем великим, знаменательным днем, которым решалась судьба не только многих современников Господа, но и всего народа иудейского. Для окончательного научения неведущих, вразумления упорствующих устранения сомнений людей, колеблющихся в вере наконец для укрепления веры истинных последователей Иисус Христос в последний раз предстал пред *дщерию Сиона,* избранным народом Своим, во всем неземном величии *Царя кроткаго, праведнаго и спасающаго* (Зах. 9, 9). Отвергнув Спасителя своего, иудеи уже не могли сказать, что отвергли Его по неведению, и по всей справедливости должны были испытать грозный суд Божий: «идет открыто, – по выражению блаженного Феофилакта, – дабы они, если пожелают, уразумели славу Его и через исполнение на Нем пророчеств познали истину: а ежели не пожелают уразуметь, то чтоб это обстоятельство послужило к большему осуждению их».

Кроме сего, вход Господень в Иерусалим имел еще особый знаменательный смысл. День этого события, без сомнения, не случайно совпал с тем днем, в который, по закону Моисееву (Исх. 12, 3), каждое семейство избирало агнца для Пасхальной вечери. Служа для израильского народа видимым знаком древнего благодеяния Божия, оказанного праотцам в Египте, пасхальный агнец прообразовал также *Агнца непорочнаго и пречистаго* (1 Пет. 1, 19), *заколенаго от сложения мира* (Откр. 5, 12; 13, 8), *Агнца Божия, вземлющаго грехи мира* (Ин. 1, 29). Когда пришло время, прообразуемый Агнец Который был, по глубокомысленному выражению святитель Григория Богослова, «Жертвою, но и Архиереем, жрецом, но и Богом», Сам Себя уготовлял ввиду всего народа, чтобы, исполнив знаменование ветхозаветной Пасхи, сделаться для нового Израиля новою Пасхою. Вступив в святой город, как жертва, венчаемая на заклание, Иисус Христос провел немногие остающиеся дни Своей земной жизни в ясном предведении приближающихся страданий и смерти. Впоследствии для уче-

ников Господа, по научению их от Духа Святаго (Ин. 14, 26) и отверзению ума к уразумению Писаний (Лк. 24, 45), радостные восклицания народа и победные знамения, сопровождавшие вход в Иерусалим, могли иметь еще иной Таинственный смысл – победы Спасителя над смертью и адом (1 Кор. 15, 55, 57). Святая Церковь, в своих песнопениях прославляя Господа как «Победителя смерти», изъясняет, что еврейские дети сретали Его с ветвьми и ваиями, «предвозвещая победу Воскресения», и самые ветви древесные и ваии финиковые называет «знамениями Воскресения».

Торжественное шествие Господа в Иерусалим, несмотря на те необычайные почести, с какими народ и ученики приветствовали Божественного Учителя, само по себе было чуждо всяких признаков земного величия. Не видно было здесь пышности, какой обыкновенно окружают себя земные цари в шествиях своих, не видно было, скажем словами святого Прокла, «ни оружий, ни щитов, ни копий, ни порфир, ни грозных и могучих телохранителей, а видно все противоположное: осля слабое, младое, чуждое, к ярму готовимое, и сопровождающие – ученики». И могло ли быть иначе? Это, по выражению святителя Мефодия Патарского, «добрый и верный Пастырь грядет положить добровольно жизнь Свою за овец Своих, – грядет Бог на диавола, не с открытым могуществом, которого и зрение снести не может, но в немощной плоти, дабы связать сильного, – грядет Царь на мучителя, не с силою Вседержителя, не с премудростью, но с мнимым буйством креста, дабы посредством его исторгнуть добычу у змия, мудрого на зло». В великий день посещения Иисус Христос является перед лицем иудейского народа с обычною простотою, кротостью и смирением, в таком виде, который всего менее соответствовал мечтательным ожиданиям земного могущества. Хотя это событие и произвело движение в народе, но движение, не выходившее за пределы обыкновенного порядка, так что даже злейшие враги Господа, собирая отовсюду обвинения против Него, не осмелились сделать ни малейшего намека на вход Его в святой город. Да и римляне, ревнивые охранители своей верховной власти в Иудее, не щадившие ни огня, ни железа для подавления действительных или только воображаемых посягательств на свои права, не обратили внимания на торжество входа Господня в Иерусалим: так оно представлялось им невинным и чистым от всякой тени и подозрения! На другой день после вифанской вечери Спаситель продолжал путь Свой к Иерусалиму. Скоро Он поравнялся с селением Виффагиею, находившимся по соседству с Вифаниею на восточном склоне горы Елеонской (Мк. 11, 1; Лк. 19, 29), и, подозвав двух учеников, сказал им: *идита в весь, яже есть прямо вама, и абие входяща в ню, обрящета осля привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе, – отрешивша приведита Ми, и аще кто вами речет: что творита сие? почто отрешаета? – сице рцыта ему, яко Господь требует е, и абие послет е семо*. Святой евангелист Иоанн замечает, что ученики не понимали тогда цели и смысла величественного события, которое начинало раскрываться перед очами их (12, 16). Они знали древнее пророчество о Царственном пришествии Христа Спасителя в Иерусалим, но, не отрешившись еще от распространенных в народе ожиданий земного владычества Мессии, могли думать, что это пророчество исполнится в свое время иным образом. Утешая народ израильский среди бедствий, постигших его, пророк Захария предвещал о Царе, Который принесет с Собою мир и спасение: *се Царь твой грядет тебе кроток и всед на осля и жребя, сына подъяремнича* (9, 9). *Егда прославися Иисус,* говорит святой евангелист Иоанн, т. е. по Воскресении и вознесении Его, ученики *тогда помянуша, яко сия быша о Нем писана и сия сотвориша Ему* (12, 16). Но ученики и прежде этого случая не всегда ясно понимали слова и действия своего Учителя, а посему и на этот раз считали долгом исполнить поручение Его, не предаваясь излишней пытливости. Все произошло так, как предрек им Господь, и из этого соответствия события с предсказанием они еще более должны были удостовериться в Божественном всеведении и всемогущей силе Иисуса Христа. При самом входе в селение Виффагию посланные нашли ослицу, привязанную у ворот на улице и при

ней молодого осла, и когда начали отвязывать, стоявшие там хозяева сказали им: *что отрешаета жребя?* Ученики отвечали, как повелел Иисус, и те беспрепятственно отпустили их. «Этого не могло бы быть, – по толкованию блаженного Феофилакта, – если бы на владетелей жребяти не действовала сила Божия, побуждающая отпустить жребя: они были люди бедные и рабочие».

Посланные возвратились и привели с собою ослицу с молодым ослом. Тогда все могли понять, что, при всей простоте обстановки, предстоит нечто знаменательное и священное, потому что животные, не носившие ярма, в древности были избираемы для какого-либо особенно важного назначения (Чис. 19, 2; Втор. 21, 3; 1 Цар. 6, 7), а осел, в противоположность коню, служившему для военных нужд, считался символом мира. Это животное, отличаясь ровным и твердым шагом, было весьма полезно в домашнем быту жителей Востока и обыкновенно употреблялось и простыми, и знатными людьми для путешествий по горным и утесистым дорогам Палестины (Исх. 4, 20; Суд. 10, 4; 12, 14; 2 Цар. 17, 23; 19, 26; 3 Цар. 2, 40). На приведенного осленка ученики накинули свои верхние одежды, и когда Господь воссел, шествие продолжалось, представляя духовному взору, проникавшему будущее, Таинственный смысл. В торжественном входе Господа в Иерусалим святитель Иоанн Златоуст, кроме исполнения пророчества Захарии, находит еще «пророчество дел». По мысли блаженного Феофилакта, Господь, «прообразуя Своими действиями будущее, предвозвестил сим призвание нечистых язычников, т. е. что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Здесь через осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус Христос, соделался чистым. Обрати внимание, – продолжает святой отец, – и на послушание осленка: как он, вовсе не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно; – и это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни». Ослица, следовавшая за осленком, предозначала сонмище иудейское, вначале отверженное, но потом последовавшее примеру язычников: «наша блаженная и славная участь, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка; и действительно, после того как Иисус Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи по своей ревности приидут к Нему». В церковных песнопениях также толкуется, что Господь «на жребя восшел образно, – языки укротевая»; «стропотное языков седалище жребца прообразоваше, из неверия в веру претворяемое», и призывается род иудейский придти и видеть, «Егоже виде Исаия во плоти нас ради приити имуща, како уневещает Себе, яко целомудренный, новый Сион и отлагает осужденную сонмицу». И это «худое жребя» было как бы «высоким престолом», на котором воссел Христос, никогда не удалявшийся от недр Отца, не оставлявший и Херувимского престола, потому что «как долу с плотию Он присущ смертным, так точно горе Он с Отцем, как неложный и истинный Бог» (святитель Епифаний Кипрский).

Дорога к Иерусалиму шла по отлогому спуску Елеонской горы. Услышав, что Иисус идет в Иерусалим, множество народа, пришедшего на праздник, вышло к Нему навстречу. Не простое любопытство влекло эти толпы богомольцев к Спасителю, но искреннейшее желание сердца – приветствовать в Нем давно ожидаемого Мессию, благословенного потомка Давидова, грядущего, как они думали, восстановить древнюю славу Израиля. Все, предшествовавшие и сопровождавшие Господа, при виде кроткого Царя, предсказанного пророком, пришли в восторг и в жару усердия старались выказать перед Ним все знаки величайшего почтения. Одни постилали по дороге свои одежды, – почесть, которую воздавали царям лишь в исключительных случаях (4 Цар. 9, 13); другие, срезая ветви с дерев, бросали их по пути. Такое торжество привело многим на память один из величайших праздников Израиля, установленный для прославления чудного странствования в пустыне: для выражения своих чувств, они воспользовались стихами псалма (Псал. 117, 25, 26), который, по давнему обычаю, было принято петь в праздник кущей, и к псаломским словам присоединили и свои

задушевные пожелания. Потрясая пальмовыми ветвями, заповеданным в законе знамением священной радости (Лев. 23, 40), многолюдная толпа народа восклицала: *осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Благословенно грядущее Царство во имя Господа, отца нашего Давида! Благословен грядый во имя Господне Царь Израилев! Осанна в вышних!* Торжественное *осанна*, т. е. *спаси, помоги,* слышалось со всех сторон. Всем казалось, что наступало исполнение давних чаяний славного Царства Мессии; общий восторг достиг высшей степени, и к радостным воплям народа ученики Господа присовокупили и свои громкие восклицания: *благословен грядый Царь во имя Господне! Мир на небеси и слава в вышних!* Хотя Сердцеведец ясно зрел в этих восторженных возгласах примесь мечтательных ожиданий, но, предоставляя ближайшему времени очистить понятия Своих последователей, не препятствовал радости народа выражаться свойственным ей образом.

Ликование народа, прославлявшего Спасителя, было неприятно всегдашним завистникам Его – фарисеям. Вмешавшись в толпу, они внимательно наблюдали за всем происходившим. Хитрые лицемеры, не смея обнаружить себя перед народом, решились обратиться к Самому Господу и, улучив минуту, среди шума восклицаний сказали Ему тоном упрека и угрозы: *Учителю, запрети учеником Твоим.* Они как будто хотели дать понять, что такая восторженная встреча, оказанная Ему, может вызвать подозрение со стороны языческого правительства и навлечь кару на увлекшийся народ. Господь видел, из какого источника проистекает эта мнимая заботливость о благе народном, и отвечал им кратким, но многознаменательным присловием (Авв. 2, 11), показывавшим, что настоящее событие совершается по непреложному определению свыше и что конечная причина его в тайнах Божественного Промысла, употребляющего в служебное орудие для себя и одушевленную, и неодушевленную природу: *глаголю вам, яко аще сии умолчат, камение возопиет.* Когда смолк голос воплощенной Истины, это свидетельство вопиющих камней, которые расселись во время крестной смерти Богочеловека (Мф. 27, 51), враги Христовы могли наблюдать собственными глазами.

Шествие, подвигаясь по склону Елеонской горы, приближалось к городу. С покатой возвышенности, где теперь находились путники, Иерусалим представлялся во всем величии: на первом плане, за потоком Кедронским, возвышался храм; около него, уступами, виднелись величественные портики с исполинскими колоннадами и многочисленные пристройки для помещений богослужебных принадлежностей и служащих лиц, а на северозападной стороне храма, как свидетельство того унижения, какое римские орлы принесли Израилю, выдвигалась крепость Антония с высокою башнею, господствовавшею над всею окрестностью. Влево от храма, за глубоким рвом, древние стены и башни, венчавшие Сионскую гору, служили памятником счастливых времен царей Иудейских. При виде города, сохранявшего еще следы своей вековой славы, Божественное лицо Господа выразило глубокую скорбь. Взорам Его, под покровом наружного великолепия, ясно представлялось приближающееся запустение Иерусалима и отвержение богоубийственного народа. Окруженный ликующею толпою, среди радостных криков, Всеведущий зрел, что настоящий день посещения, который мог бы составить славу и счастье Израиля, сделается для него началом ужасных бедствий. Он знал, что торжественное осанна через несколько дней сменится яростными воплями: *возми, возми, распни Его!* (Ин. 19, 15), знал что дщерь Сионова, приветствующая своего Царя, скоро перед лицем чужеземной власти отречется от Него: *не имамы царя!* (ст. 15), знал, что, по выражению святителя Филарета Московского, «Царствие Небесное, как молния, открывшееся над Иеру салимом, и поглотится, как молния, областью темною». А за сим Он уже видел исполнение грозного суда Божия над отверженным городом и народом, – и из очей Его потекли слезы, обильные слезы беспредельной любви, желающей спасения заблуждающим и встретившей упорное сопротивление. Обратив взор Свой к городу, Спаситель произнес голосом, в котором слышалось искреннее участие к судьбе его: *яко аще*

бы разумел и ты, в день сей твой, еже к миру твоему! Ныне же скрыся от очию твоею, яко приидут дни на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсюду, и разбиют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не разумел еси времене посещения твоего. Многим из спутников Господа суждено было видеть исполнение этого пророчества во всей поразительной точности. Еще не успело одно поколение смениться другим, как под стенами Иерусалима явились римские легионы (в 70 г. по Р. Х.), чтобы сломить последний оплот возмутившихся иудеев, Тит окружил город окопами, обвел его стеною и сильно стеснил осажденных, вынуждая их к сдаче голодом. Несмотря на упорную защиту, Иерусалим был взят и предан совершенному разорению: все здания его были сравнены с поверхностью земли, и плуг пахаря прошел по тому месту, где стоял преступный город.

По вступлении Господа Иисуса Христа в Иеру салим, весь город пришел в движение. При виде многочисленной толпы, сопровождавшей Его и громко выражавшей свое восторженное настроение, жители города, а также богомольцы, собравшиеся на праздник, спрашивали: кто есть Сей? Народ говорил: *Сей есть Иисус Пророк, Иже от Назарета галилейска.* При этом пришедшие из Вифании и знавшие все подробности воскрешения Лазаря рассказывали любопытным, как Он вызвал четверодневного мертвеца из гробовой пещеры и возвратил его к жизни. Слава чуда, переходя из уст в уста, возбуждала во всех непритворное удивление. Одни только завистники Христовы – фарисеи не разделяли общей радости народа. В крайнем смущении от всего, чего пришлось им быть невольными свидетелями, они говорили друг другу: *видите, яко никаяже польза есть, – се мир по Нем идет.* Шествие направилось туда, куда стремились благочестивые израильтяне всеми желаниями сердца (Пс. 41, 2, 3), – к храму, составлявшему славу и величие святого города. Здесь, в святилище Иеговы, подобало всенародно явиться предвозвещенному пророками Мессии и в знаменательный день посещения Своего еще раз засвидетельствовать чудесами о Своем Божественном посланничестве. Много раз во время общественного служения Своего приходил Господь в храм, но настоящее пришествие Его напоминало иудеям внушительнее, чем когда-либо, древнее пророчество: *внезапу приидет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел завета, Егоже вы хощете, – се грядет* (Мал. 3, 1). Когда Владыка храма вступил в священную ограду, Он увидел здесь то, против чего еще в начале Своей проповеди выражал праведное негодование (Ин. 2, 13–17), увидел, как в месте молитвы и богомыслия приютилась злая страсть корысти: воспылав ревностью о славе Отца Небесного, Он очистил святилище от всех продающих и покупающих, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: *писано есть: храм Мой – храм молитвы наречется, вы же сотворис те и вертеп разбойником?* Слова сии читаются у пророков Исаии (56, 7) и Иеремии (7, 11). Присутствие Господа в храме тотчас сделалось ощутимым, и к милосердому Целителю недугов собрались все чаявшие получить от Него не простой дар, а тот, который только Он мог дать – исцеление: слепые, хромые окружили Его и получили то, чего ожидали – исцеление. Эти чудеса увеличили общую радость дня, к которой присоединились даже малые дети. В невинном детском восторге от всего виденного и слышанного поспешив за Иисусом Христом в храм, они огласили дворы и портики святилища своими криками: *осанна Сыну Давидову!* Не понимая смысла слов, они повторяли только то, что недавно слышали при торжественной встрече Господа. Но и эта, не вполне сознательная хвала не была отвергнута Тем, Кого славословят все *дела рук Его,* и даже самая неодушевленная природа (Пс. 18, 2). Первосвященники и книжники, приведенные в негодование чудесным исцелением недужных и восклицаниями детей, прославлявших Иисуса Христа, обратились к Нему с насмешливым упреком: *слышиши ли, что сии глаголют?* Господь отвечал Своим завистникам словами псалма, в котором изображается величие Божие, видимое во всем мире, в великих и малых творениях, даже в неразумных младенцах и грудных детях: *ей, несте ли чли николиже, яко из уст младенец и*

ссущих совершил еси хвалу (Пс. 8, 3)? Так, замечает святитель Иоанн Златоуст, «дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба, а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия».

Речь о прославлении в страданиях и гласс неба; наставление народу и ученикам *Ин. 12, 20–50; Мф. 21, 17; Мк. 11, 11*

Вчисле богомольцев, пришедших в Иерусалим на праздник Пасхи, были также еллины – язычники, заимствовавшие от иудеев веру в единого Творца мира, и, по всей вероятности, – так называемые *прозелиты врат,* которые, не принимая обрезания и не подчиняясь обрядовому закону во всей подробности, считали, однако, своею обязанностью являться в храм на великие праздники. Строго отличаясь во мнении народа от *прозелитов правды,* принимавших все иудейские верования и обряды, начиная с обрезания, они могли иметь доступ только к вратам храма, не далее внешних притворов святилища. Некоторые из этих прозелитов, привлеченные славою Господа, пожелали видеть Его несколько ближе и, если можно, вступить с Ним в беседу. Но они сами не смели приблизиться к Иисусу Христу и, подойдя к одному из учеников Господа – Филиппу, просили содействия его: *господи, хощем Иисуса видети.* Как ни просто и невинно само по себе было желание этих полуязычников, но исполнение его представило апостолу немало затруднений. Памятно было наставление Господа, обращенное к двенадцати апостолам, при отправлении их на проповедь: *на путь язык не идите, идите же паче к овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 10, 5, 6); не забыты были слова, сказанные Им о Себе Самом: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (15, 24).

«Ясно, – мог думать Филипп, – Учитель желает ограничить Свою деятельность пределами народа избранного, и домогательство еллинов не соответствует видам Его, а поэтому не может быть принято благоволительно». Святой апостол счел за лучшее посоветоваться с Андреем, первозванным учеником, происходившим из одного с ним селения – Вифсаиды галилейской (Ин. 1, 44) и вместе с ним пользовавшимся перед Господом особым дерзновением (6, 7–10). Они оба, по совещании, решились рассказать Иисусу Христу о желании еллинов.

Это случайное повидимому появление еллинов представилось взору Богочеловека событием глубоко знаменательным. Три с половиною года служения спасению погибших чад Израиля прошли; предстояло великое крестное служение спасе ния всего падшего человечества. Настал час страш ный, но спасительный, час всемирной Жертвы; пришло время прославления Сына Человеческого через смерть, и смерть крестную, и распространения веры в Него между всеми языками (Флм. 2, 8–11). Пора, оставив иссыхающую смоковницу – дщерь Сионову, обратиться к *дикой маслине* (Рим. 11, 17) – язычникам, жаждущим истины и правды; и привить их к единой плодоносной *Лозе* (Ин. 15, 5). Пора доброму Пастырю *положить душу Свою за овцы* (Ин. 10, 11) и послужить многоплодным семенем для Царства Небесного, вознестись через крест в предвечную славу Свою (Лк. 24, 26; Ин. 17, 5) и, собрав крестом всех верных Своих последователей, привлечь их горе – в светлые обители Отца небесного (Ин. 14, 2, 3).

Язычники у дверей Царства Божия: это, по мысли Господа, – знамение и для Него Самого (ст. 23–30), и для всего мира (31–33), и в частности для Израиля (34–36). Не отвечая прямо на желание еллинов, переданное Андреем и Филиппом, Он мысленно созерцает перед Собою спасительный крест, открывающий всему человечеству путь новый и живый (Евр. 10, 19). *Прииде час, да прославится Сын Человеческий. Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, мног плод сотворит. Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга*

Мой будет, и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой. Эти слова, сказанные в такой торжественный час, с величием, подобающим Сыну Божию, должны были глубоко напечатлеться в умах и сердцах апостолов, не вмещавших еще мысли о страданиях и смерти Господа. Теперь они слышат, что крест для Учителя есть путь к прославлению, – что смерть Его необходима для распространения Евангелия во всем мире, подобно тому, как зерно, истлев в земле, дает растению жизнь, – что наконец и для последователей Его нет другого пути к вышней почести, как путь самоотвержения, лишений и страданий.

Но этот крест, предопределенный в предвечном совете Пресвятой Троицы и добровольно воспринятый Сыном Божиим, приводит в смущение человеческое естество, ипостасно соединенное с Божеством в Лице Богочеловека. Иисус Христос, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «был не чужд человеческих ощущений, и душа Его до того была возмущена, что Он даже искал бы избавления от смерти, если бы только можно было ее избежать». Безгрешная душа Его скорбит и смущается при мысли о смерти, потому что смерть есть следствие греха (Рим. 6, 23), а Искупитель наш чужд всякого греха (Евр. 4, 15), но это смущение быстро сменяется глубоким чувством самоотверженной преданности воле Отца Небесного, пославшего Его совершить дело спасения людей (Ин. 4, 34). Эта воля Отца Небесного, при единосущии Отца и Сына (10, 30), есть вместе изволение Сына, а посему Богочеловек, проявив в Себе то, что свойственно человечеству, в торжественной молитве к Отцу Небесному указывает на Свои страдания и смерть, как на неизменное определение, которое должно совершиться, и как на славу Самого Отца в Сыне (Ин. 14, 13; 17, 1, 4, 5, 24). *Ныне душа Моя возмутися, и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего, но сего ради приидох на час сей. Отче, прослави имя Твое.* Тогда пришел громоподобный глас с неба: *и прославих, и паки прославлю, – прославих,* изъясняет святитель Иоанн Златоуст, «в предшествовавших событиях», *прославлю* – «после креста». Страшный час есть переход от одной славы, в тесных пределах Израиля, к другой, всемирной, между всеми народами земли, и к той предвечной которую Он имел у Отца *прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5) и в которую ввел, по совершении искупления, и Свое человечество.

В третий раз глас Отца Небесного свидетельствует о Сыне Божием. При начале общественного служения Иисуса Христа, когда Он выходил из воды после крещения, небесный глас уверял, что крестившийся от Иоанна есть возлюбленный Сын, в Котором все благоволение Бога Отца (Мф. 3, 17), и в другой раз, на горе Преображения, тот же глас приглашал избранных учеников внимать сему возлюбленному Сыну (17, 5). Теперь небесный глас был обращен ко всему народу, окружавшему Господа, но произвел на него неодинаковое впечатление: одни, стоявшие в отдалении, слышали только звуки и говорили, что это – внезапный гром; другие же, находившиеся вблизи, могли различить, что это не раскаты грома, а слова, и, не понимая значения их, утверждали: *Ангел глагола Ему.* Различие впечатления зависело также от различного духовного состояния и настроения иудеев, «людей грубых, плотских и беспечных». Видя, что слушатели не вразумились этим Божественным гласом, Спаситель прямо объявил, что такое чрезвычайное свидетельство нужно было не для Него Самого, а именно для народа, который должен понять важность наступающего часа.

Это будет час великого переворота в мире – решительный час низвержения власти князя тьмы над падшим человечеством, – победный час восстановления на земле Царства Божия крестной смертью Искупителя. *Не Мене ради глас сей бысть, но народа ради: ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего изгнан будет вон. И аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе,* привлеку не только иудеев, но и язычников, «так как их держит тиран и сами по себе они не могут придти и освободиться из рук его, потому что он не пускает их». *Вознесением* же Господь и прежде называл Свою крестную смерть (Ин. 8, 28), а также и теперь, по замечанию святого евангелиста, этим выражением давал разуметь, *коею смертию хотяше умрети.* Поняв, что Господь говорит об отшествии из мира, народ отве-

чал Ему: *мы слышахом от закона, яко Христос пребывает во веки: како Ты глаголеши, вознестися подобает Сыну Человеческому? Кто есть сей Сын Человеческий?* Возвышенные вещания древних пророков, в которых Царство Мессии представляется непоколебимым и вечным (2 Цар. 7, 16; Пс. 88, 37, 38; Ис. 9, 6, 7; Мих. 5, 2), народ объяснял о земном владычестве Мессии, которое, возвратив иудеям утраченное могущество, сделает их навсегда обладателями мира. Речь Господа Иисуса Христа о вознесении от земли, о смерти, и при том позорной – на кресте, ясно и резко противоречила мечтательным ожиданиям, льстившим народному самолюбию, а посему слушатели Его пришли в крайнее недоумение: они не знали, как согласить предсказание о смерти Сына Человеческого, т. е. Самого Христа, с Его достоинством Мессии. Быть может, они думали, что этот Сын Человеческий отличен от Христа, Который называл Себя Мессиею, или же Сам Христос не более, как предтеча Мессии. Но теперь не время уже было рассматривать и исследовать вопрос, который в течение трех с половиною лет служения Христа-Спасителя был окончательно решен проповедью Его и чудесами. Поэтому, не отвечая прямо Своим совопросникам, Господь преподал им нравственное наставление, в котором они, как видно, нуждались. *Светлый день Христов* (Ин. 8, 56) приближался к концу: тем, которые еще блуждали в отчуждении от Христа и лишены были животворного света истинного *Солнца правды* (Мал. 4, 2), нужно было пользоваться сиянием этого Солнца, чтобы найти верный путь ко спасению. *Еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет, и ходяй во тме, не весть, камо идет. Дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете.*

Упорство иудеев было так велико, что вразумление Господа и на этот раз, как и прежде (Ин. 7, 33), бесследно коснулось их отяжелевшего слуха. Святой евангелист Иоанн, передав слова Божественного Учителя, горько жалуется на неверие народа, не обращавшего внимания даже на самые поразительные доказательства Божественного посланничества Его: *толика знамения сотворшу Ему пред ними, не вероваху в Него.* При этом евангелист вспоминает сетования древнего великого пророка и над своими современниками видит исполнение предсказаний его: *да сбудется слово Исаии пророка, еже рече: Господи, кто верова слуху нашему и мышца Господня кому открыся?* Пророческое слово, взятое из 53-й главы (Ис. 53, 1), изображающей в самых поразительных чертах уничижение Мессии, дает понять, как мало будет верующих проповеди и чудесам Его. Другим выражением, заимствованным у того же пророка (Ис. 6, 9, 10) и приведенными не по букве, а по смыслу, св. евангелист объясняет причину неверия народа крайними ослеплением и ожесточением, потерею всякой способности к восприятию откровенной истины: *сего ради не можаху веровати, яко паки рече Исаия: ослепи очи их и окаменил есть сердца их, да не видят очима, ни разумеют сердцем и обратятся, и исцелю их.* К этому святой евангелист присовокупляет, что даже из уверовавших многие, и притом люди, облеченные начальственною властью, быть может, члены синедриона (Ин. 3, 1, 2; 7, 50), скрывали свою веру из опасения подвергнуться преследованию фарисеев: *и от князь мнози вероваша в Него, но фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут, возлюбиша бо паки славу человеческую, неже славу Божию.*

С целью как можно глубже запечатлеть в умах Своих учеников и ближайших последователей мысль о непреложной истине Своего учения и Божестве Лица Своего, Спаситель произнес речь, в которой соединил и сопоставил прежние изъяснения, высказанные в разное время (Ин. 3, 17–19; 6, 63; 7, 16, 28–29; 8, 12, 19, 26, 28; 9, 5; 10, 30, 38). *Веруяй в Мя не верует в Мя, но в пославшаго Мя, и видяй Мя видит пославшаго Мя* – такими словами Господь начал речь, внушая о Своем единосущии с Богом Отцом. Это видение, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, духовное или «умственное», и «если, по словам святителя Кирилла Александрийского, Отец виден в Сыне, то, конечно, познается в Нем, как в равном Себе, ибо только существа равные объясняют себя взаимно», так что Сын есть *образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15) по изъяснению святителя Василия Великого, «образ живый, лучше же сказать,

самосущая жизнь, образ не в подобии очертания, но в самой сущности всегда сохраняющей неразличимость». Через это видение, к которому приводит вера, Господь делается светом души. *Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тме не пребудет.* Откровение Отца через Сына спасительно людям, а посему неверующий, отвергая Евангелие, сам становится виновником своей погибели: *аще кто услышит глаголы Моя и не верует, Аз не сужду ему: не приидох бо, да сужду мирови, но да спасу мир. Отметаяйся Мене и не приемляй глагол Моих имать судящаго ему: слово, еже глаголах,* т. е. Евангелие, *– то судит ему в последний день, яко Аз от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю, и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю.*

День клонился к вечеру, и время было позднее. Осмотрев все, Господь оставил храм и город, и с двенадцатью учениками опять удалился в Вифанию, которую Он избрал местом ночного отдохновения на все время – до самой последней ночи, проведенной в Гефсиманском саду. В этом тихом селении, в кругу дружественного Ему семейства вдали от многолюдной толпы, наполнявшей город в дни праздника, Он мог спокойно предаться молитвенной беседе с Отцом Небесным, а также в доверенных беседах с учениками запечатлеть в умах их величие и важность последних дней Своей земной жизни.

Второй день – Великий понедельник

Проклятие смоковницы
Мф. 21, 18–22; Мк. 11, 12–14

На другой день после знаменательного входа в Иерусалим Господь Иисус Христос утром опять пошел в город, в сопровождении двенадцати учеников, тою же, как и вчера, дорогою, но без всякой торжественности. Мысль Богочеловека, естественно, обращалась ко вчерашнему событию, в котором, вместе с скоропреходящим восторгом народа, обнаружилось с поразительною ясностью крайнее ослепление представителей иудейской синагоги, руководителей и наставников народа. Эти лицемеры, прикрывавшие недостаток истинного благочестия внешнею набожностью и добрыми делами напоказ, были злейшими врагами Иисуса Христа и нередко подвергались сильным обличениям воплощенной Истины. Для наглядного изображения духовного неплодия их, а за ними и всего иудейского народа, Господь в Своих беседах воспользовался выразительным образом бесплодной смоковницы: это дерево, украшаясь широкими листьями, но не имея плода, оказывалось не достигающим своего назначения, а посему могло служить наилучшим подобием одной внешности сеновного закона без внутреннего духа жизни. Смоковница, представленная в притче, три года оставалась бесплодною; она была уже обречена домовладыкою на посечение, чтобы не занимала напрасно места, но по совету виноградаря оставлена еще на один год для испытания, не принесет ли плода при новых усиленных попечениях (Лк. 13, 6–9). Такова была иудейская синагога во время спасительного служения Господа Иисуса Христа. Теперь было видно, что и этот год долготерпения Божия, данный ей для вразумления, прошел для нее бесполезно и даже увеличил ожесточение и упорство ее. Отвергнув своего Мессию и не прияв в себя начатков новой жизни, с заменою ветхого закона *сени* и обрядов (Евр. 10, 1) заветом благодати, она теряла последние остатки жизненности и приближалась к своему концу. То знаменательное действие, которое Господь намеревался совершить теперь перед воими учениками, было как бы продолжением и заключением прежней притчи о смоковнице.

Жители библейского Востока всегда любили образные действия, наглядно представлявшие их пламенному воображению разные отвлеченные понятия. Еще древние пророки нередко употребляли такие действия, чтобы сильнее напечатлеть слова свои в умах и сердцах современников (3 Цар. 11, 30; Иер. 19, 10; 27, 2). Таким же выразительным образом, встретившимся на пути, воспользовался и Христос Спаситель для объяснения Своей мысли. Уступая требованиям плоти или, как выражается блаженный Феофилакт, «по особенному смотрению», Он взалкал. Вдали, при дороге, виднелась одинокая смоковница, и хотя время собирания смокв еще не наступило, но покрывавшие дерево листья, которые обыкновенно появляются после плодов, подавали надежду найти там или осенние фиги (фиолетового цвета), часто остававшиеся на дереве целую зиму, или же (белые) ранние фиги, которые созревали весною и отличались особенно хорошими качествами (Иер. 24, 2). Эти смоквы, или фиги, издавна служили любимою пищею жителей Палестины (1 Цар. 30, 12); туда – к придорожному дереву Господь направил Свой путь, впрочем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «не для того, чтобы утолить голод, но для учеников, с тем, чтобы преподать им важный нравственный урок. Всеведущий наперед знал, какою найдет смоковницу. Время собирания плодов еще не наступило, но смоковница оказалась совершенно бесплодною: не оставалось на ней зимовалых плодов, не было признака и летних, новых смокв; только одни листья густо покрывали сучья. Господь приблизился к этому дереву, величе-

ственному по наружности, но бесполезному и обманчивому по отсутствию плодов, – и взору Его как бы представилась иудейская синагога со всеми руководителями ее – первосвященниками, книжниками и фарисеями, со всем слепотствующим народом, ведомым слепцами (Мф. 15, 14). Это, по выражению церковных песней, «неплодное иссохшее соборище, покрывающееся листием письменносеновного разума, плодов же дел не имущее», было весьма подобно неплодной смоковнице. То лицемерие, которое Господь обличал так часто и внушительно, теперь предстало пред Ним и учениками Его в живом образе. В предостережение для лицемеров и в назидание для Своих учеников, Он изрек этой смоковнице Свой всемогущий приговор: *да николиже от тебе плода будет во веки – да не ктому от тебе во веки никтоже плода снесть!* Ученики слышали слово Учителя и скоро должны были убедиться в действенной силе его: смоковница тотчас засохла. Для ближайших последователей Господа это чудо имело ту нравственную пользу, что показало им в Спасителе также и нелицеприятного Судию, карающего всякое притворство и обман, и еще раз ободрило их ввиду приближающихся событий. «Он всегда благодетельствовал и никого не наказывал, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – надлежало Ему показать и опыт Своего правосудия и отмщения, дабы и ученики, и иудеи знали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице, Своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие. Увидев, что смоковница засохла, ученики удивились и говорили: *како абие изсше смоковница?* Но Господь обратил это чудо к нравственному назиданию их: *аминь глаголю вам, аще имате веру и не усумнитеся, не токмо смоковничное сотворите, но еще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, – будет, и вся, елика аще воспросите в молитве, верующе, приимите.*

Изгнание торжников из храма
Мк. 11, 15–19; Лк. 19, 47–48

По вступлении в город Иисус Христос пришел в храм, из которого вчера изгнал торжников с тою целью, чтобы возвратить дому молитвы подобающую ему святыню. Но чувство лицемерных и корыстолюбивых людей мирилось с крайним пренебрежением святыни. Во дворе и притворах святилища Господь нашел те же беспорядки, против которых восставал вчера и с такою силою еще в Самом начале Своего служения в первую Пасху (Ин. 2, 14–16). С того времени прошло три года, и со стороны священников и старейшин храма ничего не было сделано к восстановлению благочиния там, куда стекались израильтяне не из одной Палестины, но с разных концов света: то же корыстолюбие, та же алчность, со всеми свойственными им проявлениями, гнездились в преддверии святилища. Первое, что представлялось взорам вступавшего в священную ограду, не располагало к молитвенной сосредоточенности: здесь было шумное торжище, нимало не соответствовавшее святости места; между богослужебными принадлежностями были выставлены на продажу жертвенные животные и скамьи с клетками голубей; для размена денег и обмена иностранных монет на еврейские для уплаты подати на храм (Исх. 30, 11–16) стояли столы меновщиков; вокруг толпилось множество народа, и вместо благоговейной тишины, подобающей храму, повсюду слышался говор многолюдной толпы, раздавались крики животных, совершались торговые сделки, сопровождаемые спорами и обманом. Все это делало преддверие святилища похожим на вертеп разбойников. При виде такого забвения святыни храма, Владыка его – Господь Иисус Христос опять приступил к очищению его. Он опять начать выгонять из храма продающих и покупающих и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей; при этом, обратившись с упреком к Своим современникам, забывшим наставления праведных предков, напомнил им вещания древних пророков Исаии (Ис. 6, 7) и Иеремии (7, 11): *несть ли писано, яко храм Мой, храм молитвы наречется всем языком? Вы же сотвористе его вертеп разбойником.* Алчность, соединенная с обманом, или, как выражается учитель Церкви – святитель Филарет Московский, «искание собственной корысти в доме Божием», делали торжников похожими на разбойников, делящих добычу, и самый храм – на притон хищников. С удалением нарушителей тишины и благочиния все пришло в должный порядок. Свою ревность о благолепии храма Господь простер до того, что не позволял даже проносить через двор его и притворы вещи, хотя не излишние в обыденной жизни, но не приличные месту молитвы. Впрочем, в этом действии очищения святилища от всего не свойственного ему, – действии, совершенном Господом в конце Своего служения, в предведении наступающего великого жертвоприношения Голгофского, сокрыт был более глубокий смысл скорого прекращения ветхозаветных жертв (Евр. 9, 12; 10, 9). «Изгнав волов и голубей, – замечает блаженный Феофилакт, – Он этим хотел показать отменение жертв и предсказал, что нет более нужды в жертвоприношении или заклании животных, но нужна молитва». Господь ясно видел, что наступает время, когда святой храм Его будет домом молитвы не для иудеев, но для всех народов, для всех истинных поклонников, покланяющихся Отцу духом и истиною (Ин. 4, 23) без прообразовательных обрядов и жертвоприношений.

Строгое обличение, которым Спаситель сопровождал очищение храма, относилось не к одним торжникам, превратившим дом Божий в место купли и продажи, но и к первосвященникам, книжникам и старейшинам народа, допустившим беспорядок. Ослепленные неверием и враждою, они еще прежде положили убить Иисуса Христа (Ин. 11, 53), а теперь начали придумывать, каким именно способом привести в исполнение свое решение. При этом они чувствовали себя в крайнем затруднении и не находили, что бы сделать с своим Обличителем: они боялись Его, потому что народ, постоянно окружая Его, слушал пропо-

ведь и удивлялся учению Его. В случае какого-либо насилия – так предполагали враги Христовы – весь народ мог восстать на защиту Учителя, по одному слову Его, и не только отмстить им, но и навлечь гнев иноплеменных властителей на всю страну. Такое опасение было высказано уже раньше в собрании синедриона (Ин. 11, 48, 50).

Третий день – Великий вторник

Наставление о силе веры и молитвы *Мк. 11, 20–26*

После ночи, проведенной в Вифании, утром Господь Иисус Христос с учениками Своими в последний раз направил путь в Иерусалимский храм. Проходя мимо иссохшей смоковницы, все заметили, что на ней не было уже и следа зелени и что дерево засохло до корня. Петр, вспомнив, что было вчера, обратил внимание Учителя на засохшее дерево и сказал: *Равви, виждь: смоковница, юже проклял еси, усше.* Господь, желая глубже напечатлеть в сердцах учеников Своих наставление, преподанное вчера, в Своем ответе на замечание Петра опять показал и ту внутреннюю причину, которая производит недомыслимо дивные дела, – веру, и то могущественное средство, через которое эта причина действует, – молитву, и наконец ту благотворную цель, к которой должно быть направлено это действие, – мир и любовь к ближним: *имейте веру Божию,* – веру в Бога, утверждаемую в сердце благодатью Его (Деян. 3, 16; Еф. 2, 8). *Аминь бо глаголю вам, яко иже еще речет горе сей: двигнися и верзися в море, – и не размыслит в сердце своем, но веру имет, яко еже глаголет, бывает, – будет ему, еже аще речет.* Из Евангельского повествования не видно, чтобы апостолы когда-либо воспользовались этим обетованием, данным твердой вере (Мф. 17, 20; Лк. 17, 6), но, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «они сделали гораздо более»: кроме поразительных чудес – исцеления больных, воскрешения мертвых, они совершили величайшие нравственные дела, сдвинув горы многобожия и вековых заблуждений и всю вселенную обратив ко Христу. Притом, по словам того же святого отца, «апостолы могли бы и сдвигнуть гору, ежели бы только нужно было, да и Господь не сказал: передвинете непременно, но можете передвинуть». *Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете, – и будет вам.* Впрочем, такая чудодейственная сила присуща лишь молитве, направленной ко благу ближних, миру и спокойствию их, а не ко вреду, расстройству и вражде: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша; аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших.* Вражда, гнездящаяся в сердце, делает человека преступником существенной заповеди Нового Завета о взаимной любви (Ин. 13, 34; 15, 12, 17) и лишает его благодати Божией. Наставление о прощении обид для благоуспешности молитвы Господь высказал не только ученикам, но и всем верующим еще прежде – во время Нагорной проповеди (Мф. 6, 14, 15).

Вопрос синедриона
Мф. 21, 23–27; Мк. 11, 27–33; Лк. 20, 1–8

Между тем торжественный вход Господа Иисуса Христа в Иерусалим и изгнание из храма торжников привели врагов Его в крайнее замешательство. Ослепленные неверием члены верховного иудейского судилища – синедриона, которому принадлежало право решать вопросы веры, незадолго перед сим положили убить Спасителя и дали приказание, чтобы всякий, знающий, где Он находится, объявил о местопребывании Его (Ин. 11, 53, 57).

И вот, осужденный ими опять всенародно является в качестве Мессии, принимает чествование народа и усвояет Себе господственную власть в доме Божием. Употребить против Него силу, задержать и предать суду представлялось преждевременным и далее небезопасным, ввиду многолюдной толпы народа, теснившегося вокруг Божественного Учителя. Посему они на некоторое время отсрочили исполнение богоубийственного намерения своего, и когда Господь вошел в храм и начал учить, подступили к Нему и спросили: *рцы нам, коею властию сия твориши и кто Ти даде власть сию, да сия твориши?* Этот хитрый вопрос был предложен с тою целью, чтобы, как замечает толковник, «привести Его в затруднение и уловить» (блаженный Феофилакт). Совопросники, без сомнения, ожидали, что Он объявит Себя вслух всего народа Мессиею, а этого было бы достаточно для того, чтобы выставить Его перед римским правительством опасным возмутителем, перед народом—богопротивником. Последующие события доказали, что они могли рассчитывать на успех такой клеветливой уловки (Мф. 26, 65, 66; Лк. 23, 25). Но Христос, истинная Премудрость, Сам «уловляет мудрецов в коварстве их». *Вопрошу вы и Аз слово едино, отвечал Он, еже аще речете Мне, и Аз вам реку, коею властию сия творю. Крещение Иоанново откуду бе с небесе ли или от человек? – Отвещайте Ми.* В прямом, бесхитростном ответе на этот вопрос заключалось решение и того вопроса, который был предложен Господу врагами Его. Служение Иоанна находилось в неразрывной связи с служением Иисуса Христа. Предтеча Господень был послан от Бога, чтобы свидетельствовать о свете истинном, просвещающем всякого человека, – Христе (Ин. 1, 6–9), и сам себя считал не более как другом Божественного Жениха, недостойным развязать ремень у обуви Его (Ин. 1, 27; 3, 29–31). Если же служение Иоанна было так высоко, то еще выше служение и Лице Того, Кого Иоанн называл пришедшим свыше, с небес, и высшим всех (Ин. 3, 31). Признав Иоанна посланником Божиим, совопросники принуждены были бы принять свидетельство его о Христе. Но и сказать, что Иоанн был простой человек и что служение его не заключало в себе ничего Божественного, представляло для них большую опасность со стороны народа. Совопросники увидали себя в крайне затруднительном положении и начали рассуждать между собою: *аще речем: с небесе, речет нам: почто убо не веровасте ему? Аще ли же речем: от человек, боимся народа, – аще речем: от человек, еси людие камением побиют ны, известно бо бе о Иоанне, ибо Пророк бе, вси бо имеяху Иоанна, яко воистинну Пророк бе.* На этот раз враги Христовы, с затаенною в сердцах злобою, сочли за лучшее сознаться в неведении: не вемы, откуду. Ни Аз вам глаголю, отвечал им Господь Иисус Христос, *коею властию сия творю.* Указанием на служение Иоанново все было сказано, что нужно для обличения синедриона, который сначала не признал Предтечу Господня, а потом отверг и самого Мессию.

Притчи о двух сынах, посланных отцом в виноградник, о злых виноградарях и о брачном пире сына царева *Мф. 21, 28–31; 22, 2–14; Мк. 12, 1–12; Лк. 20, 9–19*

Продолжая речь, Господь Иисус Христос, по обычаю, в выразительных притчах показал иудеям нераскаянность и ожесточение их, указал на горестную судьбу, ожидающую их, и заставил их самих произнести над собою приговор. *Что же ся вам мнит?* – спросил Господь Своих слушателей, чтобы обратить особенное внимание их на то, что намеревался сказать. *Человек некий имяше два сына, и пришед к первому, рече: чадо, иди днесь, делай в винограде моем. Он же отвещав рече: не хощу; последи же раскаявся иде. И приступль к другому, рече такожде; он же отвещав рече: аз, господи, иду, и не иде. Кто от обою сотвори волю отчю?* Не понимая еще, куда клонится цель притчи, и, считая себя выше всякого обвинения, иудеи отвечали: первый. Между тем, по мысли Господа, виноградник означал благодатное Царство Его, к которому Он призывал и через Предтечу Своего Иоанна, и Сам непосредственно, всех сынов Израиля, наследников древних обетований Божиих (Рим. 9, 4). И тогда как люди презираемые, мытари и грешники, пови димому непослушные сыны Небесного Отца, с сокрушенным сердцем приняли это призвание, покаялись в своих грехах и вступили на спасительный путь к Царству Божию, те, которые считали себя *вождями слепым, светом сущим во тме, показателями безумным, имущими образ разума и истины в законе* (Рим. 2, 19–20), – книжники и фарисеи, взявшие ключ разумения (Лк. 11, 52), и по-видимому ревновавшие о законе и исполнении заповедей его, оказались чадами преслушания, упорными и нераскаянными противниками Царства Божия. *Аминь глаголю вам,* сказал им Господь, *яко мытари и любодейцы варяют вы в Царствии Божии; прииде бо к вам Иоанн Креститель путем праведным,* – именно вы, представители народа, прежде всех могли убедиться в непререкаемой истине вещаний его, – и не веровасте ему, мытари же и любодейцы вероваша ему; вы же видевше не раскаястеся последи веровати ему.

В следующей притче Господь еще с большею ясностью изобразил упорное неверие иудеев, многократно отвергавших призвание Божие, а также предсказал страдания и смерть Свою. *Ину притчу слышите. Человек некий бе домовит, иже насади виноград и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и созда столп для стражей, и вдаде и делателем, и отыде – на лета многа. Егда же приближися время собирания плодов, посла к делателем раба – прияти от плода винограда. – Делатели, емше побиша и отослаша тща. Паки посла к ним другаго раба: они же и того камением бивше пробиша главу ему, – и досадивше (ему), послаша тща. И приложи, послами третияго; они же и того уязвлше изгнали; – паки посла ины рабы множайша первых, и сотвориша им такоже, – овы убо биюще, овы же убивающе. Еще убо единаго сына име возлюбленнаго своего и рече господин винограда: что сотворю? Послю сына моего возлюбленнаго. Посла и того к ним последи, глаголя; еда како, его видевше, усрамятся. Видевше же его делателе, мышляху в себе глаголюще: сей есть наследник, приидите, убием его и удержим достояние его, – и наше будет наследствие. И емше его, изведоша вон из винограда, и убиша. Егда убо приидет господин винограда, что сотворит делателем тем?* Слушатели, еще не вдумавшись в смысл притчи, направленной против них, отвечали: *злых зле погубит их и виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя.* Да, подтвердил Спаситель приговор их над самими собою, *приидет и погубит делатели сия и вдаст виноград иным.*

Смысл этой притчи был настолько ясен, что упорствовать в непонимании ее было невозможно. В ней наглядно выражено Спасителем то промыслительное попечение, с каким Бог приготовлял избранный народ к принятию откровения Нового Завета. Еще в песни древ-

него пророка этот народ представляется виноградником на верху утучненной горы, который Домовладыка обнес оградою, очистил от камней, насадил в нем отборные виноградные лозы, построил башню посреди его, выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. *Что сотворю еще винограду Моему, говорит Пророк от лица Божия, и не сотворих ему* (Ис. 5, 1–2, 4)? Этим знаменательным пророческим образом воспользовался Господь для того, чтобы сделать речь Свою вполне понятною слушателям, знавшим писания пророков. Сам Бог насадил виноградник Свой, вызвав Авраама, родоначальника евреев, из земли языческой и возрастив племя его в многочисленный народ. Избранный народ Свой Он обнес *оплотом*, т. е. отделил его от прочих языческих народов, обрезанием и разными обрядовыми заповедями поставив его в безопасности от смешения с иноплеменниками. В сем винограднике Он ископал *точило*, – поставил жертвенник, на котором прообразовательно проливалась кровь животных, и построил *столп*, т. е. храм, и затем отдал ого *делателям* – учителям и правителям иудейским (блаженный Феофилакт). Для вразумления и наставления Бог неоднократно посылал к избранному народу слуг Своих – пророков. Он послал сперва одного раба, т. е. как можно думать, замечает блаженный Феофилакт, «пророков, бывших около времени Илии, например, Михея, которого бил лжепророк Седекия (3 Цар. 22, 24); послал другого, которому камнями пробили голову и таким образом нанесли полное поругание: можно относить это ко временам Осии и Исаии; послали и третьего раба, что можно разуметь о пророках времен плена иудейского, например о Данииле и Иезекииле. Наконец Бог послал Сына Своего говоря: *усрамятся Сына Моего;* сказав же это, не зная, что они сделают с Сыном Его, но выражая то, чему, по намерению Его, надлежало быть и что было возможно». Притча приподнимала перед глазами иудеев завесу приближающихся событий и предсказывала, что они, отвергнув *наследника*, Христа, выведут Его вон из виноградника, т. е. Иерусалима, и умертвят, и что Господин виноградника, Отец убиенного Сына или, лучше, сам убиенный Сын погубит преступный народ, предав его римлянам, а виноградник вручит *иным делателем,* апостолам, и призовет в духовное Царство Свое язычников».

Грозные слова Господа о гибели злых виноградарей и о призвании в виноградник новых делателей произвели на слушателей особенное впечатление, так что они поспешили отозваться: *да не будет сего,* – избави Бог, чтобы дошли до такого положения и принуждены были потерять свои древние преимущества! Тогда Иисус Христос, взглянув на Своих собеседников взором, проникающим сердца, припомнил им стихи 22 и 23 псалма 117-го, в которых пророчески изображено поведение их в отношении к Нему: *несте ли чли николиже в Писаниих: камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла; от Господа бысть сей и есть дивно во очию вашею.* Образ, употребленный Псалмопевцем, заимствован из строительного искусства, где для опоры двух стен, сходящихся в угле, полагается самый твердый и большой камень. Таким камнем для здания святой Церкви сделался Глава ее Христос (Деян. 4, 11; 1 Пет. 2, 7; Рим. 9, 33), соединяя и связуя всех – иудеев и язычников – одною верою. *Сего ради глаголю вам,* – продолжал Господь, – *яко отымется от вас Царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его,* – тому духовному Израилю, который будет состоять из потомков Авраама по вере (Рим. 4, 16), не иудеев только, но и язычников. Иудеи своим упорным неверием отвергли зиждимый камень, но во вред себе, потому что *всяк падый на камени том сокрушится, а на немже падет, сотрыет его.* Одни сами претыкались о камень, соблазняясь уничиженным видом Богочеловека: такие, лишаясь благодатного участия в Царстве Христовом, терпели немалый ущерб; другие, упорствуя в неверии не по неведению, а по злобе и крайнему ожесточению, приготовляли себе конечную гибель. Падение этого всесокрушающего камня неверующие иудеи испытали тогда, как римляне окончательно поработили их, а все подражающие неверию их испытают на последнем всеобщем суде.

Первосвященники, книжники и фарисеи поняли, что эти притчи были сказаны Спасителем против них. Стыд всенародного посрамления еще более увеличил ненависть их к Господу Иисусу Христу, так что они хотели было схватить Его, но побоялись народа, который почитал Его за Пророка. Из приточных вразумлений Господа они узнали все, что им нужно было знать: слышали, что отвергаемый ими Мессия признает Себя краеугольным камнем, на котором зиждется счастье нового Израиля, – что враждебные, богоубийственные замыслы их известны Ему, – что страдания и смерть, которые уготовляются Ему, не страшат Его, потому что Он решился исполнить все, что предназначено для спасения людей домостроительным смотрением Божиим. Вместо того, чтобы обратиться к своей совести и еще раз, но вполне беспристрастно размыслить о том, что служило для них предметом пререканий (Лк. 2, 34), враги Христовы затаили злобу в сердцах своих.

Продолжив беседу, Господь предложил притчу, в которой возвестил не только об отвержении иудеев и о призвании в Царство Свое язычников, но и о том, что из призванных и вошедших на брак не все так же окажутся достойными участниками духовного пиршества. *Уподобися Царствие Небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему. И посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху приити. Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званным: се обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова, приидите на браки. Они же небрегше отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя. Прочии же, емше рабов его, досадиша им и убиша их. И слышав царь той разгневася, и послав воя своя, погуби убийцы оны и град их зажже. Тогда глагола рабом своим: брак убо готов есть, звании же не быша достойни, идите убо на исходища и елицех аще обрящете призовите на браки. И изшедше раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых, и исполнися брак возлежащих. Вшед же царь видети возлежащих, виде ту человека не облоченна во одеяние брачное и глагола ему: друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча. Тогда рече царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и ввержите во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранних.* В разных местах святого Писания Христос Спаситель называется Женихом, а Церковь или общество верующих – Невестою Его (Мф. 9, 15; 25, 1; Ин. 3, 29; Еф. 5, 27); посему и учреждение на земле духовного Царства Его уподобляется брачному пиру. Об открытии Царства Христова иудеи были задолго предупреждены прообразовательным законом Моисея и вещаниями пророков, и когда оно открылось, к участию в нем призваны проповедью Самого Сына Божия и апостолов. Но званные не только не вняли спасительному зову по своекорыстным расчетам, но «наругались над апостолами, убили Стефана, умертвили Иакова» (святитель Иоанн Златоуст). Указанием на истребление убийц, по замечанию святого отца, Господь «предсказывает события, случившиеся при Веспасиане и Тите», т. е. времена разорения Иерусалима. После того, как званные оказались недостойными, апостольская проповедь обращается к язычникам (Деян. 13, 46), которые в притче сравниваются с людьми, «не ходящими по истинному пути, но расшедшимися в разные стороны и блуждающими по распутиям» (блаженный Феофилакт). С того времени все мы, и добрые, и злые, призываемся к спасению благодатью Божиею, но потом, по словам блаженного Феофилакта, «жизнь вошедших на брак подлежит истязанию, и великому истязанию, если по вступлении в веру обрящемся оскверненными: много таких, которые, обольщаясь тщетною надеждою, думают получить Царствие Небесное и, думая о себе много, причисляют себя к лику возлежащих». Под одеянием разумеются дела жизни, так что, «если у кого нет жизни чистой, тому нисколько не пользует одна вера, и тот не только отвергается от брака, но и посылается в огонь». Наконец, много званных, потому что «Бог призывает всех, но мало избранных, ибо мало спасаемых и достойных избрания Божия: призывание зависит от одного Бога, а быть избранным зависит и от нас».

Ответы на искусительные вопросы и взаимный вопрос о Мессии
Мф. 22, 15–46; Мк. 12, 13–37; Лк. 20, 20–44

Многие уже говорили о Христе, что Он Мессия, потому что никто не творил до Него таких чудес: Он и по морю ходил, и бесов изгонял, и исцелял слепых, хромых, и воскрешал мертвецов. Но старейшины иудейские, члены синедриона в ожесточении отвергли Иисуса Христа как Спасителя мира, и в злобе своей положили предать Его смерти, но не было вины в Нем. Не желая до времени, из опасения народного волнения, употребить насилие против Спасителя, враги Христовы составили новый коварный замысел уловить Его в слове, чтобы предать Его начальству и власти правителя. Душой этого замысла были лицемерные блюстители буквы Моисеева закона – фарисеи. Не пренебрегая никакими средствами для достижения своей цели, они пошли в союз с своими противниками – приверженцами галилейского правителя Ирода Антипы. Иродиане составляли особую партию и по своим убеждениям были близки к саддукеям (Мк. 8, 15; Мф. 16, 6). Целью их было сохранить, во что бы то ни стало, дружественные отношения к римскому правительству, хотя бы с пожертвованием заветными народными верованиями. Так как и саддукеи не особенно дорожили этими верованиями, то иродиане смотрели на них, как на своих единомышленников, а посему вместе с ними были ненавидимы фарисеями. Представляясь точными хранителями закона и народности, фарисеи гнушались теми нововведениями, которые допускали саддукеи с своими единомышленниками, но решились сблизиться с ненавистными им противниками для того, чтобы воспользоваться влиянием их к большему обвинению Господа. Они подослали к Нему своих учеников, которые вместе с иродианами должны были подойти к Божественному Учителю и с видом благочестивой простоты и искренности предложить Ему для решения один вопрос, никем удовлетворительно еще не решенный. Этот вопрос имел связь с обстоятельствами того времени и представлялся столько же благовидным, сколько и опасным.

Иудеи, лишившись самостоятельности, платили дань римлянам и никак не могли примириться с своим положением. Народ, руководимый фарисеями, думал, что подати, платимые иноплеменникам, противны духу Моисеева закона и что для истинного израильтянина обязательна одна только подать, собираемая для богослужебных потребностей (Исх. 30, 12–16). Между тем приверженцы Ирода и часть саддукеев, вынуждаемые необходимостью, считали не противным закону и дозволенным платить подати иноземному правительству. Хитрые лицемеры, прикрывая свое намерение лестью, со знаками наружного уважения приблизились к Спасителю и сказали: *Учителю, вемы, яко истинен еси, право глаголеши и пути Божию воистинну учиши, и нерадиши ни о ком же, не зриши бо на лице человеком,* т. е. «Ты, конечно, не скажешь ничего из угодливости Пилату или Ироду, не убоишься и самого кесаря», *– рцы убо нам: чтотися мнит? – Достоит ли нам кесареви дань даяти, или ни? – дамы ли, или не дамы!* Какое коварство! «Не говорят, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – скажи нам, что хорошо, что полезно, что согласно с законом, но – *чтотися мнит?* Того только они и смотрят, как бы предать Его и уличить в противлении верховной власти». Как можно заключить из льстивого приступа, с которым фарисейские ученики обратились к Господу Иисусу Христу, они скорее рассчитывали на отрицательный ответ, думая, что Тот, Кто называл Себя Мессиею, не захочет разрушить чаяния народа, с нетерпением желавшего избавления от иноземного владычества. Несмотря на проповедь Евангелия о Небесном и духовном Царстве, народ продолжал ожидать от Мессии благ земных и, прежде всего, восстановления самостоятельности. Но такой ответ, особенно в присутствии иродиан, послужил бы для фарисеев важным поводом к обвинению Спасителя перед римским правителем:

они не преминули бы выставить Его опасным противником римской власти, возмутителем общественной тишины, тем более вредным, чем труднее было приучить народ к иноземному игу. Они сразу побежали бы к Пилату, к Ироду, написали бы даже в Рим: «Сей Человек говорит, что не нужно платить вам налоги. Вы нас охраняете от разбойников, строите мосты, дороги, дворцы, а Он что говорит?» и сразу Его возьмут и предадут смерти. Впрочем, и в том случае, если бы Господь дал утвердительный ответ на предложенный вопрос, фарисеи не могли бы считать себя в потере: значит, Он не любит еврейский народ, хочет, чтобы мы пребывали в рабстве, трудились в поте лица и большую часть доходов отдавали завоевателям, и народ, слыша как прославленный Учитель открыто признает ненавистную власть римлян и объявляет законною подать в пользу чужеземцев, – и притом язычников, пришел бы в крайнее негодование и в пылу страстного увлечения мог прибегнуть даже к насилию, – желательному со стороны врагов Господа. Наконец, если бы Спаситель не удостоил лукавого вопроса ответом, то фарисеи могли бы, воспользовавшись молчанием Его во вред Ему, навсегда подорвать во мнении народа пророческую славу Его.

Сердцеведец ясно зрел злое намерение искусителей и как Бог не мог быть обманут. Господь перед всеми обнаружил тайные мысли их, объяснил, с какою целью они пришли, и таким образом в Самом начале привел их в замешательство и заставил молчать (святитель Иоанн Златоуст). *Что Мя искушаете, лицемери?* – Он сказал и, не останавливаясь на одном обличении и желая довести своих совопросников самих до решения предложенного ими вопроса, продолжал: *принесите Ми златицу кинсонную, – принесите Ми пенязь, да вижу.* Принесли Ему пенязь, или динарий, римскую монету, имевшую на одной стороне изображение кесаря с над писью. Показав им это изображение, Он спросил*: чий образ сей и написание?* Отвечали: *кесарев*. Хитрый вопрос о подати разрешался весьма просто как бы сам собою: *воздадите убо,* сказал Господь, *кесарево кесареви и Божия Богови.* Слова сии показывают, по толкованию святителя Филарета Московского, что «Он признает монету принадлежащею не только имеющему ее по праву приобретения, но и царю по знамению власти его на ней, и прежде всех Богу, сотворившему злато и сребро». Отдавайте кесарю, как бы так говорил Господь, – все, что носит на себе знак власти его, например, деньги: это – обязанность, от которой нельзя освободить себя самовольно; но она «нисколько не препятствует вам в деле Богопочитания, ибо можете и кесарю отдавать, что следует, и Богу воздавать должное». Божие, то есть молитву, благочестие, – приносите Богу. В таком решении нельзя было найти и тени обвинения: иродиане слышали торжественное признание прав кесаря, но и фарисеи должны были убедиться, что этим признанием нисколько не нарушаются права Божественные. Враги Христовы, посрамленные, удалились, удивляясь мудрости ответа, хотя, впрочем, впоследствии перетолковали слова Его, говоря, что *Он возбраняюща кесареви дань даяти* (Лк. 23, 2).

Еще много готовили Ему подобных искушений, но Господь Своей великой премудростью разрушал их в духе любви и милосердия.

Так, по удалении фарисеев приступили к Иису су Христу новые искусители – саддукеи, хотя с менее злобным намерением. Это были всегдашние противники суеверных ревнителей буквы закона – фарисеев, отвергавшие бессмертие душ и говорившие, что нет Воскресения, ни Ангела, ни Духа (Деян. 23, 8). Пользуясь посрамлением своих соперников и рассчитывая возвысить себя в глазах народа, они решились предложить Божественному Учителю тот вопрос, который в спорах с фарисеями составлял для саддукеев главное доказательство против бессмертия душ и Воскресения мертвых. Фарисеи, при своем чувственном взгляде на будущую жизнь, которую они уподобляли настоящей, не могли решить этого вопроса. В Самом деле, на первый взгляд, особенно строгого книжника, умствование саддукеев было не без силы, хотя, как выражается святитель Иоанн Златоуст, основанием его служила «какаято басня, происшествие небывалое». Ссылкой на закон Моисеев об ужичестве (Втор. 25, 5–

10; Быт. 38, 8) саддукеи хотели придать вымышленному рассказу кажущееся правдоподобие, а своему выводу мнимую твердость. Подобно фарисеям, они начали свою беседу с Господом со всеми наружными знаками уважения: *Учителю, Моисей написа нам, яко аще кому брат умрет и оставит жену, а чад не оставит, да поймет брат его жену его и воскресит семя брату своему. Беша же в нас седмь братия, и первый оженся умре и безчаден, не имый семене, остави жену свою брату своему. – Поят вторый жену и той умре безчаден – и третий такожде: и пояша ю седмь и не оставиша семене; последи же всех умре и жена. В Воскресение убо, егда воскреснут, которому их будет жена? Седмь бо имеша ю жену.* Фарисеи, со своей точки зрения, могли отвечать, что жена по Воскресении должна оставаться женою первого мужа, но такое решение не устраняло бы всех трудностей вопроса, оставляя не выясненными права других, также законных мужей. Вероятно, саддукеи полагали, что Спаситель учит бессмертию согласно с верованиями фарисеев, а посему ожидали, что предложенный ими вопрос поставит Его в крайнее затруднение. По мнению их, Ему оставалось одно из двух: или допустить многомужие, что было бы противно закону Моисееву, или же отвергнуть Воскресение мертвых, – и они наперед были уверены в своем торжестве.

С кротостью и спокойствием, свойственными ипостасной Истине, Господь отвечал Своим собеседникам, что вопрос их не имеет никакого основания и показывает только незнание Святого Писания и неверие во всемогущество Божие: *не сего ли ради прелщаетеся, не ведуще Писания, ни силы Божия?* в Ветхом Завете нигде не говорится, что загробная жизнь будет подобна настоящей, а опыты всемогущества Божия, о которых свидетельствует история израильского народа, записанная в святых Книгах, удостоверяют, что для Бога вполне возможно воскресить истлевшее тело. *В Воскресение – егда из мертвых воскреснут, ни женятся, ни посягают, но суть, яко Ангели на небесех; сынове века сего женятся и посягают, а сподобльшиися век он улучити и Воскресение, еже от мертвых, ни женятся, ни посягают, ни умрети бо к тому могут, равни бо суть Ангелом, и сынове суть Божии, Воскресения сынове суще* – когда будет всеобщее Воскресение, будет иная жизнь, не будет ни жены, ни мужа, и пища не нужна будет, люди будут подобны Ангелам, будет вечная жизнь и блаженство.

Решив возражение саддукеев совершенно неожиданным для них образом и объяснив, каково будет Воскресение, Спаситель присоединил доказательство, что оно действительно будет, с той целью, чтобы, с одной стороны, вывести некоторых саддукеев из заблуждения, а с другой – утвердить эту истину в умах слушателей. При сем Он, по замечанию святого толковника, «вновь заграждает уста саддукеев словами Моисея, поелику и они сами ссылались на Моисея»: *о мертвых же, яко востают, несте ли чли в книгах Моисеовых, при купине, яко рече ему Бог, глаголя: Аз Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль* (Исх. 3, 6)? «По причине совершенства сих святых во всякой добродетели, как нечто преимущественное и приличное Своему величию, Бог предпочитал называть Себя Богом их» (святитель Василий Великий). *Несть Бог, Бог мертвых, но Бог живых, – вси бо Тому живи суть – вы убо много прелщаетеся.* Что могли сказать неверы против такого простого, ясного и глубокого толкования слов Божиих? Каждому было ясно, что Бог не мог назвать Себя Богом «не сущих и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснут» (святитель Иоанн Златоуст). Саддукеи молчали, но некоторые из книжников выразили свое одобрение в слух всех: *Учителю, добре рекл еси.* И в народе, слушавшем Господа в простоте сердца, мудрость ответа Его надменным совопросникам возбудила непритворное удивление.

Фарисеи, услышав, что Господь привел саддукеев в молчание, собрались вместе и решились воспользоваться этим случаем, чтобы загладить в глазах народа испытанное ими самими унижение и показать свое преимущество перед ненавистными противниками. С этою целью они поручили одному из среды своей, опытнейшему знатоку закона, опять искусить Иисуса Христа, т. е. привести в замешательство и смущение трудным, по их мнению,

вопросом. Этот книжник, как видно, не вполне разделявший злобные намерения своих товарищей, взялся исполнить поручение их тем с большею охотою, что ответ Господа саддукеям ему весьма понравился. Вопрос, предложенный им, был в то время ходячим между фарисеями, которые, при своей привязанности к обрядовой стороне закона, не знали, какую заповедь считать главною и первою. Они измыслили разделение заповедей на большие и малые, и между большими одни ставили на первом месте заповедь о субботе, другие – об обрезании, иные – о жертвах и очищениях, и только немногие – нравственную заповедь о любви к Богу и ближнему (Лк. 10, 27). Может быть, фарисеи догадывались, что Божественный Учитель отдаст предпочтение последней заповеди, и выжидали, «не прибавит ли Он чего-либо к этой заповеди, в виде исправления закона, назвав, например, Себя самого Богом» (святитель Иоанн Златоуст). В таком случае искушение вполне достигло бы своей цели. Законник подошел и спросил Господа: *Учителю, кая есть первая всех заповедий и больши в законе? – Первейши всех заповедий, отвечал ему Иисус Христос, есть следующая: слыши, Израилю, Господь Бог ваш, Господь един есть, и – возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею: – сия есть первая и большая заповедь.* Эта заповедь о любви к единому истинному Богу преподана народу израильскому еще Моисеем (Втор. 6, 4–5), но с течением времени приведена в забвение мелочными правилами фарисеев; Господь восстановляет ее во всей силе и во всем объеме, указанием на единство Божие предупреждая клевету иудеев, будто Он проповедью о Себе, как Сыне Божием, вводит двоебожие. *Вторая, подобна ей, следующая: возлюбиши ближняго своего, яко сам себе. Большая сих ина заповедь несть – в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят.* И эта заповедь о любви к ближнему также была известна народу из закона Моисеева (Лев. 19, 18). Спаситель называет ее подобною первой, потому что она «пролагает путь к первой и взаимно поддерживается оною» (святитель Иоанн Златоуст): «кто любит ближнего, тот исполняет все заповеди, исполняющий заповеди любит Бога, так что эти две заповеди взаимно связываются, одна другою поддерживаются и обнимают собою все прочие заповеди» (блаженный Феофилакт). Слова Спасителя произвели глубокое впечатление на совопросника.

Законник-фарисей, подступив к Иисусу Христу с целью искусить Его, в конце беседы, пораженный глубокою истиною ответа Его, не мог удержаться от восторженной похвалы: добре, *Учителю, воистинну рекл еси, яко един есть Бог, и несть ин разве Его, и еже любити Его всем сердцем, и всем разумом, и всею душею, и всею крепостию, и еже любити ближняго, яко себе, боле есть всех всесожжений и жертв.* Господь неоднократно учил, что дела любви выше дел наружного благочестия (Мф. 5, 23, 24; 12, 7). Слыша разумную речь законника, который как бы отрекался от учения фарисейского о преимущественном значении обрядовой стороны закона, Сердцеведец зрел, что она проистекает из доброго чувства, есть отклик внезапно пробудившейся совести, и замечает ему: *недалече еси от Царствия Божия,* – царства благодатного, духовного, куда входят только покаянием и где имеют цену не дела внешней праведности, а то, что составляет существо закона (Мф. 23, 23). Слова Господа, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, означают то, что законнику еще чего-то недостает, что он не достиг совершенства, и сказаны с тем намерением, чтобы он искал, чего ему недостает.

После этих опытов премудрости Господа никто уже не смел спрашивать Его. Враги Его убедились что довольно одного светлого луча Божественной истины для того, чтобы рассеять туманную мглу их хитросплетений. И тогда, как все молчали, одни от стыда поражения, а другие от удивления перед тем, чему были свидетелями, Господь продолжал учить в храме, и когда собрались фарисеи, обратился к ним с вопросом о предмете чрезвычайной важности. Желая исправить ложные понятия их о Мессии и предостеречь народ от увлечения заблуждениями их, Он спросил: *како глаголют книжницы, яко Христос сын есть Давидов? Что*

вам мнится о Христе: чий есть Сын? «Не сказал: как вы думаете о Мне, но о Христе, дабы, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, им не показалось противным учение о Божестве Его». На этот вопрос фарисеи отвечали без замедления, согласно установившемуся между ними понятию: Давидов. Они знали, что, по обетованию Божию (2 Цар. 7, 6; 1 Пар. 17, 14; Пс. 88, 4–5, 36–38), Мессия должен был произойти из рода Царя-Пророка Давида (Ин. 7, 42; Деян. 13, 23). В этом смысле ответ их имел свое основание; но ограничиться указанием только на человеческое происхождение Мессии от племени Давидова и умолчать о Божественном достоинстве Его – значило не решить вопрос правильно. Видя, что мысль собеседников коснеет в неверии и не идет далее и выше земного сыновства, Спаситель возразил: *како убо Давид духом Господа Его нарицает? Сам бо Давид – Духом Святым – глаголет в книге псаломстей: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих.* Эти слова взяты из пророчественного псалма 109 (ст. 1), в котором величественными чертами изображается вечная слава Христова. Седение одесную Бога означает равночестие, а повержение врагов к подножию – господство над всем миром видимым и невидимым (1 Кор. 15, 25; Евр. 10, 13) (святитель Иоанн Златоуст). Эти два обстоятельства должны были бы вразумить фарисеев и книжников, что Мессия, происходя по плоти от Давида, неизмеримо выше Давида по Божеству, почему Иисус Христос и заключил Свою речь новым вопросом: *аще убо сам Давид нарицает Его Господа, како сын ему есть?* Никто не отвечал Ему ни слова. Упорные враги Его не хотели сознаться в неведении Писания и молчали, скрывая злобу в сердцах своих, а народ, чувствовавший, на чьей стороне истина, слушал Господа с услаждением. Словами псалма, приведенными здесь Иисусом Христом, впоследствии пользовались святые апостолы Петр (Деян. 2, 34–35) и Павел (Евр. 1, 13) также для доказательства Божества Его.

Этим окончились прения с противниками истины. Ученые и многознающие представители иудейских сект, в Самом средоточии мудрости – Иерусалиме, перед лицем народа и любопытных слушателей из всех стран мира, стекшихся в храм на праздник Пасхи, состязались с мнимым сыном тектона (Мф. 13, 55), – и какими жалкими они оказались пред самосущею ипостасною Премудростью Божиею! Если ли бы не огрубело сердце их, и ушами они слышали, и очей своих не сомкнули (Мф. 13, 15), то могли бы еще воспользоваться этими последними предостережениями и вразумлениями Спасителя.

Обличительная речь против книжников и фарисеев *Мф. 23, 1–39; Мк. 12, 38–40; Лк. 20, 45–47*

Окончив беседу с фарисеями и заградив им уста, Сердцеведец ясно зрел, что враги Его страждут неисцельным недугом. Ему были ведомы тайные мысли и намерения лицемерных завистников, а посему, приближаясь к концу земной жизни, Он произнес речь, в которой обличил пороки книжников и фарисеев, прикрываемые наружным благочестием. То грозное: *горе*, которое уже слышали от Него эти слепотствующие вожди народа (Лк. 11, 42–44, 47–51; 13, 34, 35), Он повторил теперь с новою силою, не рассчитывая более на раскаяние ожесточенных, но желая «предохранить народ, дабы и он не впал в такие пороки, как они» (святитель Иоанн Златоуст). Зная, как лицемерие заразительно действует на простые души, Спаситель посредством знакомых народу выразительных образов выяснил истинный дух и направление тех, которые выдавали себя за примерных исполнителей и непогрешимых толкователей закона. В словах, исполненных праведного негодования, самосущая и ипостасная Истина произнесла Свой суд над самым наглым и святотатственным проявлением притворства и лицемерия, какое когда-либо совершалось между людьми, и навеки запечатлела позором не только древних книжников и фарисеев, но и всех подражателей их.

Когда весь народ слушал Господа, Он сказал ученикам Своим: *внемлите себе от книжник, хотящих ходити в одеждах длинных и любящих целования на торжищах, и председания на сонмищах, и преждевозлежания на вечерях, иже снедают домы вдовиц и лицемерно надолзе молятся: сии приимут лишше осуждение.* Потом еще начал говорить народу и ученикам: *на Моисеове седалищи седоша киижницы и фарисее,* т. е. усвоили себе исключительное право толкования закона, – *вся убо, елика аще,* оставаясь верными Моисееву закону, *рекут вам блюсти, соблюдайте и творите, по делом же их не творите, глаголют бо и не творят.* Если Спаситель здесь повелевает Своим слушателям руководствоваться не законом благодати, а законом Моисеевым, то, как замечает святитель Иоанн Златоуст, потому что «еще не время было говорить об этом ясно, прежде креста». Устраняя всякий повод к соблазну и нареканию на самый закон, Господь «предписывает оказывать такое уважение к закону, что велит держаться оного, несмотря на развращение учителей закона, и даже у этих развращенных учителей не отнимает должного уважения, и таким образом подвергает их большему осуждению, а у слушающих Его учение отнимает всякий предлог к преслушанию». Развращение книжников и фарисеев ясно выражалось в разладе между словами и делами их. Обрядовый закон, сам по себе, был *игом* неудобоносимым (Деян. 15, 10), но это иго еще более было отягчено множеством преданий, измышленных иудейскими учителями и переходивших от одного поколения к другому. Мелочные или даже просто нелепые изобретения раввинской мудрости опутывали всю жизнь иудея: положение тем более безотрадное, что *преданиям старец* книжники и фарисеи усвояли такую же или еще большую обязательную силу, как и заповедям Богоданного закона (Мк. 7, 3–13). Но, налагая на других непосильную, тяжелую ношу, они сами не хотели «даже и приблизиться, даже и прикоснуться к ней» (святитель Иоанн Златоуст): строгие и взыскательные к ближним, они учили их только словами и не считали себя обязанными подтверждать учение примером своей жизни. *Связуют бо,* – говорил Господь, – *бремена тяжка и бедне носима, и возлагают на плеща человеческа, перстом же своим не хотят двинути их,* ибо «когда учащий не только учит, но и делает, то он вместе с учащимся несет бремя и вместе с ним трудится» (блаженный Феофилакт). Если же книжники и фарисеи, увольняя себя от выполнения тех обязанностей, которые возлагали на вверившихся духовному руководству их, делали что-либо, то только для того, чтобы казаться исполнителями закона. При этом главное внимание их было обращено на внешние, бросающиеся в глаза отличия людей благочестивых, которые они старались

делать как можно заметнее. *Вся же дела своя,* – продолжал нелицеприятный Обличитель, – *творят, ди видими будут человеки, расширяют же хранилища своя и величают воскрилия риз своих.* Обычай носить хранилища, основанный на буквальном понимании слов Моисея (Исх. 13, 9; Втор. 6, 8; 11, 18), соблюдается иудеями до сего времени. Это – кожаные мешочки с вложенными в них выписками из закона, которые иудеи при молитве обыкновенно прикрепляют к головной повязке и к одежде на левой руке. Воскрилия были ясно предписаны законом Моисеевым и состояли из четырех кисточек, украшенных шерстяными нитями голубого цвета (Чис. 15, 38–40; Втор. 22, 12): эти кисточки пришиваются к четырем углам верхнего покрывала, которое евреи налагают на себя во время молитвы. И те, и другие принадлежности своей одежды, предписанные законом или введенные обычаем с нравственною целью напоминания о заповедях Божиих, древние лицемеры обратили в пищу своему тщеславию, выставляя напоказ народу расширенные, более надлежащего, хранилища и увеличенные воскрилия. Как обыкновенно бывает с людьми тщеславными, фарисеи от всех требовали себе всевозможных знаков почтения: *любят преждевозлегания на вечерях, и преждеседания на сонмищах и целования на торжищах, и зватися от человек: учителю, учителю.* По восточному обыкновению, во время пиршеств иудеи возлежали около стола на подостланных подушках или циновках; первые места, которых так домогались фарисеи, были в середине, а в синагогах, где устроены были седалища, – подле ящика, в котором хранился свиток святого Писания. Почетный титул учителя (рав, рабби или высшая степень – раббан) принадлежал всем искусным и сведущим толкователям закона: так называли святого Иоанна Предтечу ученики его (Ин. 3, 26), а в особенности самого Иисуса Христа – и ученики (Мф. 26, 25, 49; Мк. 9, 5; 11, 21; Ин. 1, 38; 4, 31), и простой народ (Мк. 10, 51; Ин. 20, 16). Фарисеи, не соответствуя своими делами этому высокому достоинству, тем не менее требовали знаков всенародного уважения к себе на улицах и площадях. «Там, где особенно нужно было учить других смиренномудрию, фарисеи сами являлись людьми испорченными, потому что все делали для славы, и, поступая так, не стыдились, но еще хотели того, чтобы им говорили: „учитель, учитель!"» (блаженный Феофилакт). Но так как истинная добродетель смиренна и избегает суетной славы, то Господь, предостерегая учеников от пагубного примера, обратился к ним с таким внушением: *вы же не нарицайтеся учители: един бо есть ваш Учитель – Христос, еси же вы братия есте; отца не зовите себе на земли, един бо Отец ваш, Иже на небесех; ниже нарицайтеся наставницы, един бо есть Наставник ваш – Христос.* Самое имя невинно, если оно употребляется по праву, без хвастовства и в известных пределах, но преступно и достойно отвращения тщеславие, которым фарисеи порочили и унижали самые почтенные названия. По толкованию блаженного Феофилакта, «Христос не запрещает называться учителями, но запрещает страстно желать этого названия, всеми способами стараться о приобретении его: и словами: *отца не зовите себе на земли,* не возбраняет почтения к родителям, но возводит нас к познанию истинного Отца, т. е. Бога», или, как выражает мысль Господа святитель Иоанн Златоуст, «один Бог есть виновник всех учителей и отцев. Повелев ученикам Своим удаляться тщеславного самопревозношения, Спаситель указал им основное правило христианского преуспеяния в смирении: *болий же в вас да будет вам слуга, иже бо вознесется, смирится и смиряяйся вознесется».*

Зная, что эта беседа в присутствии народа есть уже последняя во время общественного служения, Спаситель возвестил порочным лицемерам ясно и определенно ожидающее их горе, возвестил с тем, чтобы предохранить народ от обольщения их льстивыми словами и от подражания пагубному примеру.

Как прежде в Евангельских блаженствах Он указал спасительный путь к достижению оправдания перед Богом, вещая с кротостью небесного Учителя (Мф. 5, 3–11), так теперь, в конце Своего служения, Он дал видеть тот погибельный путь, которым следуют нераскаянные и ожесточенные враги Его, и при этом – *гласом Судии всей земли* (Быт. 18, 25), *гласом в*

крепости и в великолепии, сокрушающим кедры, кедры ливанския (Пс. 28, 4–5), произнес в научение одних и конечное осуждение других восьмикратное страшное *горе*. Первое *горе* – за ложное понимание и толкование закона Божия, служившее препятствием к достижению Царства Небесного как для самих лицемеров, так и для народа, слушавшего их. Извратив дух закона прибавлением множества измышленных преданий, не веруя во Христа и отвращая от Него народ богохульным изъяснением чудес Его (Мф. 9, 34; 12, 24; Мк. 3, 22; Лк. 11, 15), книжники и фарисеи, выражаясь образно, сами не входили в Царство Божие и хотевших пойти не допускали. А посему Господь рек: г*оре вам, книжицы и фарисее, лицемери, яко затворяете Царствие Небесное пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити.* Второе *горе* – за ненасытное корыстолюбие, прикрываемое лицемерною набожностью. Для удовлетворения своей страсти любостяжания они не щадили даже бедных вдов и сирот; вкрадываясь в доверие простодушных людей своими долгими напоказ молитвами, делались распорядителями совести и имущества их и без всякого стыда лишали их последнего достояния: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко снедаете домы вдовиц и лицемерно надолзе молитвы творите, – сего ради лишшее приимете осуждение.* Возвещено им тягчайшее осуждение, по толкованию блаженного Феофилакта, за крайнее жестокосердие к людям, достойным всякого сострадания, которым «следовало бы вспомоществовать в их бедности», а также и за то, что «под видом доброго дела – молитвы – делали зло, ибо тот, кто под видом добра делает зло, достоин большого осуждения». Третье *горе* – за развращение и погибель прозелитов, обращаемых ими из язычества во иудейство. Ревностно стараясь о приобретении новых учеников, книжники и фарисеи нисколько не заботились о нравственном исправлении и улучшении обращенных, а напротив, развращая их примером своей лицемерной жизни, доводили до конечной погибели: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца, и егда будет, творите его сына геенны сугубейша вас,* ибо «когда ученик, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – видит порочных учителей, то делается хуже их, потому что он не останавливается на той точке зла, до которой дошел его учитель»; «сын же геенны – тот, кто совершает дела, за которые он достоин сожжения в геенне». Четвертое горе – за духовную слепоту и извращение истинного смысла клятвы. Допустив клятвы сотворенными предметами – небом, землею, солнцем, Иерусалимом, храмом и т. п., книжники и фарисеи разделили клятвы на большие и малые, и по корыстным расчетам к числу самых важных и ненарушимых отнесли клятвы сокровищами храма и жертвенными приношениями. Иисус Христос и прежде указывал на то, что эти ложные толкователи закона ставили жертвенные обеты выше непреложной заповеди Божией о почитании отца и матери (Мф. 15, 4–6). В настоящий раз Он с особенною силою обличил то умышленное неразумие, в которое впадали слепотствующие руководители народной совести: *горе вам, вожди слепии, глаголющии: иже аще кленется церковию, ничесоже есть, а иже кленется златом церковным, должен есть. Буи и слепии, что бо более есть: злато ли, или церковь, святящая злато? и иже аще кленется олтарем, ничесоже есть, а иже кленется даром, иже верху его, должен есть. Буи и слепии, что бо более: дар ли, или олтарь, святяй дар?* «По учению фарисеев, – толкует блаженный Феофилакт, – тот, кто клялся золотым сосудом, или волом, или овцой, назначенными для жертвы, а потом нарушал клятву, присуждался представить в храм то, чем он клялся: дар они предпочитали алтарю ради прибыли, получаемой от жертв». Главное и существенное в клятве – призывание всеведущего и вездесущего Бога во свидетели правды, а посему, восстановляя значение клятвы в настоящем смысле, Господь заметил: *иже убо кленется олтарем, кленется им и Сущим верху его, и иже кленется церковию, кленется ею и Живущим в ней, кленыйся небесем кленется престолом Божиим и Седящим на нем.* Пятое горе – за исключительное исполнение малейших заповедей закона, и притом с произвольным распространением обязательности их, и за сознательное пренебрежение важнейшими, составляющими

дух закона: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко одесятствуете мятву, и копр, и кимин, и оставите вящшая закона, суд, милость и веру: сия же подобаше творити и онех не оставляти. Вожди слепии, оцеждающии комары, вельблуды же пожирающе.* Закон, обязывая иудеев давать на богослужебные потребности и содержание левитов десятую часть всего, и, между прочим, от произведений семян, определенно ничего не говорил о злаках и травах (Чис. 18, 20 24; Втор. 14, 22–24), но фарисеи давали десятину с мяты, аниса и тмина, чего закон, по общему мнению, не требовал, – давали для того, чтобы показаться самыми точными исполнителями заповедей Божиих, и в то же время, *оцеждая комары,* т. е. гоняясь за мелочами, *пожирали вельблуды,* оставляли без внимания существенные требования закона – справедливость и беспристрастие на суде, милосердие к бедным и истинную, чистую веру в Бога, неповрежденную ложными толкованиями и привязанностью к одной внешности. Для этих порочных людей, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «причиною всех зол было то, что они все делали напоказ». Шестое *горе* – за заботливость, направленную единственно к соблюдению внешних очищений и омовений при полном невнимании к чистоте души: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко очищаете внешнее сткляницы и блюда, внутрьуду же суть полни хищения и неправды. Фарисее слепый, очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто.* Фарисеи, а также и все иудеи, следовавшие учению их, придавали важное значение *преданиям старец* об омовении по возвращении с торга, о тщательном омовении рук перед вкушением пищи, а также чаш, кружек, котлов и скамей (Мк. 7, 3, 4). Считая эти и подобные предания обязательнее самых заповедей закона, ясно выраженных (ст. 9, 13), древние лицемеры дошли до того, что законную чистоту поставили исключительно во внешней чистоте. Чистота души, свободной от хищения и неправды, была им неизвестна, между тем как именно такая чистота и была в очах Божиих истинною чистотою, так что чаши и блюда, чисто омытые, но наполненные пищею и питием, приобретенными хищением и неправдою, были на Самом деле нечисты, вопреки мнению фарисеев. «Наружные очищения, – говорит святитель Иоанн Златоуст, были предписаны законом только ради внутренних, ради милости и суда, маловажное учреждено было ради важнейшего, а между тем книжники и фарисеи, оставив сие последнее, заботились только о первом, и от этого не выходило никакого добра, потому что внутреннее очищение не следовало за внешним, тогда как напротив внешнее необходимо уже следует за внутренним». Словами же *очисти прежде,* Господь «не предписывает прежней мелочной разборчивости, напротив – показывает, что она есть дело излишнее. Он не сказал: очисти и внешнее, но внутреннее; за сим, без сомнения, последует и то». Седьмое *горе* – за внутреннее неплодие и омертвение, прикрываемое наружными лицемерными знаками мнимой жизненности: *горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко подобитеся гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты. Тако и вы, внеуду являетеся человеком праведни, внутрьуду же есте полни лицемерия и беззакония.* По закону Моисееву, прикосновение к костям умершего или ко гробу делало нечистым в течение семи дней (Чис. 19, 16), а посему иудеи, из предосторожности желая сделать места погребения заметнее, ежегодно в месяце адаре подбеливали и красили наружные части гробниц. Это приточное выражение Господа нужно понимать так же, как предыдущее. Книжники и фарисеи, по толкование блаженного Феофилакта, старались по внятности казаться людьми благовидными, подобно гробам, выбеленным известью и алебастром и сделанным под мрамор, а внутреннее их оставалось исполнено всякой нечистоты, мертвых и гнилых дел. Восьмое *горе* – за упорную ненависть к посланным от Бога пророкам, которую лицемеры скрывали от глаз народа под видом усердия к украшению гробниц их: *горе вам книжницы и фарисее, лицемери, яко зиждете гробы пророчески и красите раки праведным и глаголете: аще быхом были во дни отец наших, не быхом убо общницы им были в* пролитии *крови пророков.* Сердцеведец, ясно зря тайные мысли и намерения книжников и фарисеев, возвестит

им *горе*, по выражению блаженный толковника, «не за то, что они созидают гробы для пророков (это дело богоугодное), но за то, что, делая это лицемерно и осуждая отцов своих, они поступали хуже их, превосходили их нечестием и очевидно обманывали, когда говорили: если бы мы жили во дни отцов наших, то не убили бы пророков, ибо они хотели убить самого Господа пророков». Темже, продолжал Спаситель, *сами свидетельствуете себе, яко сынове есте избивших пророки,* – потомки, подобные своим предкам в ожесточенном противлении Божественному откровению. Богочеловек видит, что в недалеком будущем эти злые дети даже превзойдут своих злых родителей, довершив злодеяния их страшным богоубийственным делом – распятием Его, а потом гонением и убиением проповедников Евангелия: *и вы исполните меру отец ваших:* «здесь Он не дает повеления, но только предвещает будущее» (святитель Иоанн Златоуст), и, воспламенившись праведным негодованием, называет фарисеев тем именем, с которым обращались к ним еще прежде святой Иоанн Предтеча (Мф. 3, 7), и Он сам (12, 84): *змия, порождения ехиднова.* Эти пресмыкающиеся, внушающие каждому ужас и омерзение, могли служить народу вполне понятным образом пронырливых, лукавых и злобных врагов Господа, заражавших ядом лжеучения прос тые души. *Како убежите от суда огня геенскаго?* Подражая отцам своим в поступках, вы разделите их злую участь. *Сего ради се Аз послю к вам пророки и премудры, и книжники: и от них убиете и распнете, и от них биете на сонмищах ваших, и изженете от града во град, яко да приидет на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли, от крове Авеля праведнаго до крове Захарии, сына Варахиина, егоже убисте между церковию и олтарем. Аминь глаголю вам, яко приидут вся сия на род сей.* Этими словами Господь внушительно возвестил Своим слушателям, что наступает время расчета за все злодеяния, совершенные когда-либо на земле, начиная от первого убиения Авеля (Быт. 4, 8) до убиения Захарии, – вероятно, того, который был побит камнями во дворе дома Господня (2 Пар. 24, 21). Это были два примечательных события, одно в начале ветхозаветной истории и другое – в конце, и на них-то Господь останавливает Свое внимание, хотя и вся история иудейского народа исполнена злодеяний, взывавших об отмщении. Кровь праведников, пролитая на земле, должна была придти на тогдашних иудеев, потому что, по замечанию блаженного Феофилакта, «они имели быть наказаны более чем отцы их, так как не вразумились и после таких примеров» и делали то же, что и предки их. Особенно же Иерусалим, который считался обыкновенным местом избиения пророков (Лк. 13, 33), должен был испытать на себе гнев Божий, а посему Господь, «голосом милосердия, сострадания и великой любви» (святитель Иоанн Златоуст), высказал ему горький упрек: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланныя к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под крыле, и не восхотесте! – и заключил речь Свою страшными словами отвержения: се, оставляется вам дом ваш пуст, глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне.* Указывая здесь, по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, «на будущий день второго Своего пришествия», Господь уверяет, что и самые упорные и ожесточенные неверы, какими были книжники и фарисеи, признают Божество Его даже против своей воли, когда узрят Его как Судию живых и мертвых, *грядущего на облацех небесных с силою и славою многою* (Мф. 24, 30).

После сего Господь оставил храм и уже более не возвращался в него. Дом Израилев опустел. Для всей Иудеи наступило время чрезвычайно важное по своим грозным последствиям.

Жертва вдовицы
Мк. 12, 41–44; Лк. 21, 1–4

Выйдя из внутренних притворов храма, Господь Иисус Христос остановился у дверей внешнего притвора. Здесь находилась сокровищница, в которую народ опускал денежные пожертвования в пользу храма. В великие праздники, например, дни Пасхи, жертвователей было особенно много: каждый спешил, по мере своих средств, вложить в кружку свое приношение, помня, что, по заповеди Моисея, никто не должен являться пред лице Господа с пустыми руками (Втор. 16, 16). Спаситель сел против сокровищницы и смотрел, как народ клал в нее деньги. Многие богатые клали много, – одни из усердия, от избытков своих, а другие, быть может, из фарисейского тщеславия, величаясь лицемерною щедростью. В молчании Господь взирал на эти жертвы. Но между богатыми и тщеславными приблизилась к сокровищнице храма одна бедная вдова и положила туда две лепты.[1] При всей незначительности этой жертвы Сердцеведец оценил ее по внутреннему достоинству ее, потому что, по выражению святителя Григория Богослова, «Бог измеряет подаяние не достоинством подаваемого, но силами и расположением плодоносящего». Подозвав учеников, Господь сказал им: а*минь глаголю вам, яко вдовица сия убогая множае всех вверже вметающих в сокровищное хранилище, – еси бо сии от избытка своего ввергоша в дары Богови, сия же от лишения своего все житие, еже име, вверже.* Так, по замечанию преподобного Исидора Пелусиота, «все, по мере сил совершаемое с успехом, оказывается досязающим до небес: жена вдовица, ввергнувшая две лепты в священную сокровищницу, воспевается, как превзошедшая всех царей и цариц, потому что Судия увенчал не то, что ею вложено, но ее произволение, которым посвящено Богу все ее достояние». Этот случай поучителен и в том отношении, что еще раз показал, как Божественный Учитель пользовался самыми маловажными обстоятельствами для важных нравственных уроков, тогда как фарисеи, извращая своими толкованиями самые важные истины, лишали их всякого значения.

[1] Лепта – самая мелкая монета, равная ¼ копейки.

Пророчественная беседа о разрушении храма и Иерусалима, конце мира и втором пришествии *Мф. 24, 1–51; Мк. 13, 1–37; Лк. 21, 5–36*

Предсказание Господа нашего Иисуса Христа о запустении храма – произвело на учеников сильное впечатление. Величественное здание святилища, окруженное многочисленными постройками и притворами, представлялось такою твердынею, которая может с успехом противостоять не только усилиям врага, но и разрушительному действию времени. Великолепные украшения храма, составившиеся в течение длинного ряда годов из богатых вкладов и даров иудеев, рассеянных в разных странах света, возбуждали в зрителях невольное удивление. Святые апостолы не могли примириться с мыслью, что эти прочные сооружения будут когда-либо разрушены и эти богатства расхищены, но не смели также усомниться в истине слов своего Учителя, а посему решились вызвать Его на более полное и обстоятельное объяснение того, что казалось неразрешимою загадкою. Когда Господь, восхвалив усердие вдовицы, выходил из храма, один из учеников обратил внимание Его на прочность и красоту строений и сказал: *Учителю, виждь, каково камение и какова здания*. Другие также указывали Ему на здания храма, говорили о дорогих камнях и вкладах, которыми было украшено святилище. В ответ на эти замечания Господь подтвердил Свое предсказание, так что не оставалось более места какому-либо сомнению: *не видите ли вся сия – сия велика здания? Аминь глаголю вам, – сия, яже видите, приидут дние, в няже не имать остати зде камень на камени, иже не разорится.* Из этих решительных слов своего Учителя святые апостолы уверились, что предстоящее запустение храма определено неотвратимым приговором судеб Божиих, и в молчании следовали за Господом. Богочеловек направлял Свой путь к горе Елеонской, чтобы с вершины ее еще раз взглянуть на храм и город – взором, перед которым отверсто будущее.

Нерадостны были мысли и чувства учеников, только лишь услышавших от Учителя о совершенном разрушении тех твердынь, с которыми они привыкли соединять понятие о славе и величии Израиля. Из кратких, но многозначительных слов Спасителя они поняли, что великолепному храму предстоит страшная будущность: не тогда ли, думали они, настанет и конец мира? не тогда ли будет также славное пришествие Мессии-Господа? На вершине горы Елеонской, откуда открывался широкий вид на окрестность, Иисус Христос сел. Внизу, у подножия горы, был расположен Гефсиманский сад, а за ним находилась глубокая долина Иосафатова, пересекаемая потоком Кедронским; по ту сторону долины возвышались стены города и здания храма, а за ними виднелся самый город, представлявший наглядно всю историю народа Божия. Храм, казавшийся с горы Елеонской еще величественнее, был перед глазами всех, – и вот Петр, Иаков, Иоанн, Андрей и другие ученики улучили удобное время, чтобы наедине выслушать откровение будущих судеб Божиих. Приблизившись к Господу, они спросили: *Учителю, рцы нам, когда сия будут? Что есть знамение Твоего пришествия и кончина века, егда имут вся сия скончатися?* Тогда Богочеловек в пророческой речи начинавшейся ближайшим будущим и достигавшей отдаленных времен кончины мира и славного пришествия Своего на Страшный суд, раскрыл перед учениками Своими будущее с такою обстоятельностью, что они нашли в беседе Его решение всех вопросов, которые занимали их. Относительно разрушения храма они получили ответ поразительно точный; относительно же кончины мира и пришествия Христова на Страшный суд – ответ вполне достаточный не для удовлетворения праздного любопытства, а для поощрения к духовному бодрствованию, молитве и преданности воле Отца Небесного.

Перед взором Богочеловека события ближайшие и отдаленные представляются в одном величественном изображении, так что многие обстоятельства разрушения города и храма служат образами грозных явлений кончины мира. Прежде всего, Господь указал ученикам на те признаки, которые будут предшествовать совершению судеб Божиих. *Блюдитеся, да не кто вас прельстит: мнози бо приидут во имя Мое глаголюще, яко аз есмь Христос, и время приближися, – и многи прельстят, – не изыдите убо во след их. Егда же услышите брани и нестроения, – зрите, не ужасайтеся, и не убойтеся, – подобает бо сим быти прежде, но не у абие кончина. Востанет бо язык на язык и Царство на Царство; труси же велицы по местам, и глади, и мятежи, и пагубы будут, страхования же и знамения велия с небесе будут. Вся же сия начало болезнем* – начало тех бедствий, которые откроют собою целый ряд ужасных происшествий, имеющих завершиться разрушением Иерусалима и храма. Как точно исполнились слова Господа, показывают достоверные свидетельства современников. Все время, от распятия Господа до предсказанного Им разрушения города и храма, прошло в Иудее и во всей римской империи в постоянных смутах и междоусобиях, так что римский историк называет эту эпоху «обильною бедствиями, жестокими сражениями, возмущениями, страшною даже среди мира». Пользуясь тревожным состоянием умов, ожидавших необычайных событий, между иудеями появлялись, один за другим, лжемиссии, которые привлекли к себе легковерных (Деян. 5, 36, 37). К этим смутам присоединились бедствия естественные: землетрясения разрушили много цветущих городов в Малой Азии, Македонии и Ахаии; страшный голод свирепствовал в Риме, Греции и Самом Иерусалиме (Деян. 11, 28); заразительная язва опустошила целые области на Востоке и в Италии. Римский историк упоминает также и об удивительных знамениях небесных – страшных громовых ударах и других вестниках божественного гнева, грозившего современникам его за умножение пороков и преступлений, а историк иудейский перечисляет много необычайных событий, предшествовавших падению Иерусалима, каковы: комета наподобие меча, виденная над городом целый год, яркий свет в храме ночью, открытие в полночь медных врат храма, которые с трудом могли отворять двадцать человек, видение колесниц и войска в облаках наконец в день Пятидесятницы, при входе священников в храм, шум и голос: «прейдем отселе». Впрочем, разнообразные бедствия и знамения, предшествовавшие разрушению Иерусалима, при соединении в мысли Богочеловека ближайших событий с отдаленнейшими, представляются образами еще больших бедствий перед концом мира.

Изображая дальнейшие признаки приближающихся грозных событий, Господь вместе с сим показал всю неуместность мечтательных ожиданий славного открытия земного Царства, которых нечужды были даже довереннейшие ученики Его (Мф. 16, 22; 20, 21). Сколько раз Он возвещал, что Сын Человеческий *прииде* не для того, *да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою избавление за многих* (Мф. 20, 28)! Сколько раз Он указывал последователям Своим не на земные выгоды, которых они ожидали, но на тот путь креста и самоотвержения (Мф. 16, 24, 25), которым Сам шел, подавая спасительный пример для подражания (Ин. 12, 26)! Ввиду близкой разлуки Он желал напомнить ученикам о том, что они нередко слышали от Него, даже при Самом послании на проповедь (Мф. 10, 17–22), и вместе с тем ободрить их среди грядущих бедствий надеждою на помощь свыше. *Блюдитеся вы сами: – прежде сих всех возложат на вы руки своя, и ижденут предающе на сонмища и темницы, – тогда предадят вы в скорби и на сборищах биени будете и убиют вы – и пред воеводы и цари ведени будете, Мене и имене Моего ради. Прилучится же вам во свидетельство. – Егда же поведут вы предающе – положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати и не прежде пецытеся, что возглаголете, ни поучайтеся, но еже аще дастся вам в той час, се глаголите: не вы бо будете глаголющии, но Дух Святый. – Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещати еси противляющиися вам. – Тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадят, и возненавидят друг друга,*

и мнози лжепророцы востанут и прельстят многия, и за умножение беззакония изсякнет любы многих. – Предани же будете и родители, и братиею, и родом, и други, и умертвят от вас: предаст же брат брата на смерть и отец чадо, и востанут чада на родители и убиют их. И будете ненавидими от всех и всеми языки имене Моего ради: и влас главы вашея не погибнет. – В терпении вашем стяжите души ваша, претерпевый до конца, той спасется. И проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенней, во свидетельство всем языком, и тогда приидет кончина.

Преследование проповедников Христова учения, разделение между верующими и неверующими до заглушения самых близких родственных привязанностей, ослабление взаимной любви, умножение соблазнов со стороны лживых учителей, – это и были те *болезни,* среди которых на развалинах древнего мира должен был возникнуть новый – христианский. Слова Господа, имея ближайшее отношение к разрушению Иерусалима, исполнились во всей точности.

Перед разрушением Иерусалима четыре римских императора погибли от меча; были три гражданские войны и еще более внешних войн; римские области одна за другой возмущались. Рим опустошен был пожарами; все запятнано было пороком и вело к совершенной погибели добродетели. В это время был сильный голод в Иудее (Деян. 11, 28), от которого, по свидетельству Иосифа Флавия, многие умерли в Иерусалиме; при императоре Клавдие был четыре раза голод в Риме, Греции и Палестине. О морах, т. е. повальных болезнях, в это время упоминают Иосиф Флавий и Тацит. Города Лаодикия, Иераполь и Колоссы были разрушены в это время землетрясениями. Зем летрясения были также в Смирне, Милете, Хи осе и Самосе.

По словам еврейского историка Иосифа Флавия, Палестина того времени была наполнена обольстителями и чародеями, которые водили народ в пустыню, чтобы показать чудеса, будто бы творимые ими Божественной силою. Из числа таких обольстителей известны: Досифей самарянин, называвший себя Христом, Симон волхв, тоже самарянин, называвший себя Сыном Божиим, Февла, Менандр, какой-то египтянин и др. Евреи, отвергнув Христа, так страстно ждали мессию-завоевателя, что охотно шли навстречу всякому самозванцу.

Иосиф Флавий свидетельствует, что еще до осады Иерусалима были знамения, предвещающее гибель города: в продолжение целого года над городом стояла звезда, подобная мечу; перед началом войны, в праздник опресноков, ночью, вокруг жертвенника и святилища стало так светло, как днем; тогда же медные врата храма, которые двадцать человек с трудом запирали и в которых имелись запоры, глубоко входящие в порог, ночью сами собой отворились; а в праздник Пятидесятницы священники, войдя в храм для служения, слышали сначала шум и движение, а потом голоса: *Переселимся отсюда!* («Война Иудейская». 17, 5).

До разрушения Иерусалима начались гонения на христиан.

Когда, по вознесении Божественного Учителя, ученики Его начали проповедовать Евангелие, против них восстали иудеи и язычники, начальства и власти, правители и цари. Жестокие гонители заключали апостолов под стражу (Деян. 4, 3) и в темницы (5, 18; 12, 4), приводили на суд (4, 7; 5, 27), били (5, 40) и убивали (7, 58; 12, 2). Апостолы Иаков Зеведеев, Иаков, брат Господень, Петр и Павел приняли мученическую кончину. И, тем не менее, слово Господне распространялось далее и далее (13, 49), так что еще до разрушения Иерусалима святой апостол Павел писал о проповедниках Евангелия, что *во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их* (Рим. 10, 18) и что *благовествование проповедано ими всей твари поднебесней* (Кол. 1, 23). Евангелие было распространено во всем известном тогда мире.

Тогда же восстали многие лжепророки, от которых святые апостолы предостерегали верующих (1 Ин. 4, 1; Иуд. 4). Все эти знамения, служившие в свое время предвестниками разорения Иерусалима, снова появятся перед наступлением кончины мира, о которой Гос-

подь предсказывал в тех же самых выражениях, совмещая отдаленное событие с ближайшим. Когда *явится беззаконник, егоже есть пришествие по действу сатанину во всякой силе, и знамениих и чудесех ложных, и во всякой лести неправды в погибающих* (2 Фес. 2, 8—10), тогда преемники святых апостолов – пастыри и учители Христовой Церкви и все верные последователи Господа испытают тяжкое гонение *за свидетельство Иисусово и за слово Божие* (Откр. 20, 4).

Для предохранения верующих от тех бедствий, какие постигнут преступный город, Господь изобразил будущие события с поразительною ясностью, внушая им воспользоваться в свое время данными указаниями. *Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе, – идеже не подобает (чтый да разумеет), – тогда сущии во Иудеи да бежат на горы, и иже на крове да не слазит в дом и да не сходит взяти, яже в дому его, и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящим в тыя дни.*

Молитеся же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Егда же узрите обстоим Иерусалим вои, тогда разумейте, яко приближися запустение ему: тогда сущии во Иудеи да бегают в горы, и иже посреде его да исходят, и иже во странах да не входят в он, яко дние отмщения сии суть, яко исполнитися всему писанному. Горе же имущим во утробе и доящим в тыя дни, будет бо тогда скорбь велия, якова не бысть такова от начала создания, еже созда Бог доныне, и не будет, – будет беда велия, на земли и гнев на людех сих, и падут во острии меча, и пленени будут во вся языки, и Иерусалим будет попираем языки, дондеже скончаются времена язык. И аще не бы Господь прекратил дний, не бы убо спаслася всяка плоть, но избранных ради, ихже избра, прекратит дни, – избранных ради прекратятся дние они.

Мерзость запустения, предреченная пророком Даниилом (9, 27; 11, 31; 12, 11), означала осквернение храма сначала при царе сирийском Антиохе Епифане; и потом при римлянах. Во времена Антиоха над жертвенником было помещено ненавистное иудеям языческое изображение Юпитера олимпийского (1 Мак. 1, 54), а при осаде города римлянами при легионах их имелись воинские знамена, украшенные изображениями кесарей и орлами. Когда эти знамена, к которым римляне относились с почтением, а иудеи с отвращением, по мере успехов римского оружия, появились вокруг осажденного города и затем в Самом городе и святилище, то они казались для побежденных мерзостью, внесенною туда, где ей быть не должно. Иудейский историк, подробно описавший войну римлян с иудеями, повествует, что по взятии города и храма победители внесли своих идолов в полуразрушенное святилище, поместили их в восточных вратах и приносили там языческие жертвы. Но прежде этого окончательного осквернения язычниками храм был поруган и лишен священного значения самими иудеями зилотами (ревнителями), ввиду грозного неприятеля присвоившими себе власть. Заняв твердыню храма, они превратили ее в пещеру разбойников или, как выражается иудейский историк, во «всенародную гробницу». В руках их дом молитвы сделался таким ужасным местом, где, к соблазну людей, еще не потерявших стыда и совести, вполне безнаказанно совершались всякие злодеяния: обман, грабеж, святотатство, убийство и т. д. По свидетельству того же историка, в народе издавна ходило поверье, что разорение и сожжение храма последует именно тогда, когда святыня его будет поругана лицами, обязанными охранять ее. Такое осквернение храма со стороны зилотов могло служить ясным предвестием приближающегося суда Божия и внушительным предостережением для последователей Христовых. Но подобно другим образам, в которых Господь представил разрушение храма и города, эта черта речи Его, по мысли св. отцов, найдет окончательное исполнение перед вторым пришествием Его на Страшный суд, когда явится антихрист, *человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сести в церкви Божией аки богу, показующу себе, яко бог есть* (2 Фес. 2, 3, 4).

Другие выражения речи Господа дополняют страшную картину разорения и опустошения преступного города. Замечательно, с какой точностью исполнились в свое время и доныне исполняются грозные определения суда Божия над богоотступным народом. Иудеи, как бы «оглушенные чем-то, потеряв глаза и уши» (Иосиф Флавий), начали войну с римлянами и испытали величайшие бедствия по видимому за мятеж против кесарей, а на Самом деле за отвержение Мессии. Подобной войны, по замечанию историка-очевидца, не случалось ни с каким народом. Закаленные в боях легионы римские, вступив в Палестину, все ниспровергали на своем пути, подобно бурному, опустошительному потоку. Города и селения, несмотря на отчаянную защиту, падали перед оружием победителей и были беспощадно истребляемы огнем и мечем, так что страна, некогда удивлявшая изобилием, превратилась в безлюдную и бесплодную пустыню. Уцелевшие от истребления жители бежали к Иерусалиму, думая в стенах его укрыться от опасности. Но город и без того был переполнен богомольцами, собравшимися из разных стран света на праздник Пасхи, так что беглецы своим появлением лишь увеличили общее замешательство. Римские легионы, под предводительством Тита, в 70 году от Р. Х., обложив Иерусалим, заперли в нем более миллиона иудеев. Тогда-то началось бедствие беспримерное в летописях мира: по выражению очевидца-свидетеля, «все несчастия, которые постигали народы от начала мира, были ничто сравнительно с теми, какие обрушились на иудеев» (Иосиф Флавий). По свидетельству церковного историка Евсевия, христиане, составлявшие Иерусалимскую Церковь, видя исполнение слов Господних, оставили город и переселились в местечко Переи, по имени Пеллу, так что при разорении Иерусалима никто из них не погиб. Члены синедриона, узнав тайну – бежать христианам в Пеллу, также скрылись из города и так сохранили свое судилище, чтобы управлять иудеями, рассеянными по всему миру, и образовывали государства в государствах.

В осажденном городе открылся страшный голод, появились заразительные болезни, и ко всему этому присоединились грабежи и разбои, которых некому было остановить. И между тем, замечает иудейский историк, «среди этих ужасов не слышно было ни стенаний, ни жалоб: на город налегла ночь смерти – и он цепенел в глубоком молчании», ожидая исполнения суда Божия. Твердыни города падали одна за другою. Среди жестокого приступа, пламя от горящей головни, брошенной римским воином, охватило здания храма, так что победителям достались одни дымившиеся развалины. С падением последнего оплота – Сионской крепости, Иерусалим перешел во власть римлян; пленники, около ста тысяч, получили различное назначение: одни – самые юные и крепкие – отделены были для триумфального шествия в Риме; другие отосланы туда же для игр цирка и на растерзание зверям; но самая большая часть отправлена в места общественных работ или продана в неволю. В время осады погибли 1 млн. 100 тыс. человек. Иерусалим был разрушен до основания, и свою победу над Иудеею кесари увековечили на бронзе и мраморе.

Так сбылись слова Иисуса Христа о судьбе жестоковыйного народа, беспощадно убивавшего своих пророков и наконец распявшего своего Мессию.

При императоре Адриане римляне, желая истребить в иудеях память о славной столице их, на месте Иерусалима построили новый город, назвав его Элией Капитолийской, а там, где стоял некогда храм Иеговы, воздвигли капище Юпитера. Иудеям воспрещено было не только жить в этом городе, но и посещать его, под угрозой строгого наказания. Иеру салим всецело был предан язычникам на попрание, так что позднейшие попытки Юлиана Отступника восстановить Иерусалимский храм и собрать вокруг него иудеев остались тщетными. В этом случае ясно выразилось бессилие человека изменить Божие определение. По свидетельству церковных историков, лишь только иудеи, ободренные повелением императора, раскопали остатки прежнего здания, вдруг произошло землетрясение, которое извергло камни древних оснований и разбросало вокруг. Но когда они принялись за дело в другой раз, из рвов исторглось пламя и пожрало многих, а ниспадший с неба огонь истребил все орудия строителей

(Церковная история Сократа. СПб., 1850. С. 297. Церковная история Созомена. СПб., 1851. С. 369–370). Языческий писатель Марцеллин говорит, что пламя, выходившее из оснований храма, сделало это место неприступным, так что предприятие разрушилось в Самом начале. Задуманное Юлианом восстановление храма было окончательным и последним разрушением его.

Дальнейшее течение речи Спасителя, отрешаясь от ближайших образов, направляется к грозным событиям конца мира. «Кончив предсказание об Иерусалиме, – изъясняет святитель Иоанн Златоуст, Христос переходит уже к Своему пришествию и говорит ученикам о знамениях, полезных не только для них, но и для нас, и для всех, которые будут после нас». *Тогда,* продолжал Господь откровение о будущих событиях, *аще кто речет вам: се зде, Христос, или: се онде, не имите веры. Востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя. – Вы же блюдитеся; се прежде рех вам вся.* Слово *тогда,* по объяснению того же святого отца, «указывает не на то, что было тотчас после сего, а на то, что будет в то время, когда должны совершиться события, о которых Он хотел сказать: опустив весь промежуток времени от разрушения Иерусалима до начала кончины мира, Христос говорит о времени, имеющем быть незадолго перед кончиною мира». *Аще убо рекут вам: се в пустыни есть, не изыдите; се в сокровищах, не имите веры.* Обольстители, которые явятся перед вторым пришествием Христовым, будут отличаться от обманщиков, предшествовавших разорению Иерусалима, тем, что покажут великие, хотя и ложные знамения и чудеса. Это – антихрист с своими слугами, о котором святой апостол Павел говорит, что *пришествие* его, *по действу сатанину, будет во всякой силе, и знамениих, и чудесех ложных, и во всякой лести неправды* (2 Фес. 2, 9, 10). Пришествие Сына Человеческого будет внезапно и по своей внезапности особенно поразительно: *якоже молния исходит от Восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческаго. Идеже бо аще будет труп, тамо соберутся орли.* Перед открытием вечного Царства Христова вся природа испытает необычайные изменения: *будут знамения в солнце, и луне, и звездах, и на земли туга языком от нечаяния, шума морскаго и возмущения, издыхающим человеком от страха и чаяния* бедствий, *грядущих на вселенную. Абие же, в тыя дни, по скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе, и силы, яже на небесех, подвижутся. – Солнце померкнет, будучи не уничтожаемо, но побеждаемо светом пришествия Христова, – звезды спадут,* ибо какая в них будет уже нужда, когда не будет уже ночи? – силы небесные *подвижутся,* видя такую перемену.

Все эти ужасные потрясения будут предвестием страшного и славного пришествия Сына Человеческого: *тогда явится знамение Сына Человеческаго на небесем и тогда восплачутся вся колена земная, и узрят Сына Человеческаго, грядуща на облацех небесных с силою и славою многою. – Знамение Сына Человеческаго,* по согласному объяснению святых отцов, есть крест, Который «первый явится на небе со всем воинством Ангельским, озаряя всю землю от концов и до концов ее, паче светлости солнечной, и возвещая пришествие Владыки Христа» (святой Ефрем Сирин). «Световидное знамение креста предшествует Царю, прежде распятому, конечно, для того, чтобы злоумышлявшие и пронзившие Его иудеи, увидев, восплакали» (святитель Кирилл Иерусалимский), во исполнение слов древнего пророка: *воззрят нань, Егоже прободоша* (Зах. 12, 10). Крест приведет им на память богоубийственное дело их и, обличив с непререкаемою силою упорное неверие их, сделает безответными на суде правды Божией. Но восплачутся и все, которые проводили греховную и чувственную жизнь, мудрствовали земное (Кол. 3, 2), «хотя бы то были и христиане» (блаженный Феофилакт). «Впрочем, это же победное знамение – страх для врагов – принесет радость друзьям, уверовавшим во Христа, или проповедникам Его, или пострадавшим за Него» (святитель Кирилл Иерусалимский).

О последнем всеобщем суде возвестит людям *последняя* (1 Кор. 15, 52) *Божия труба* (1 Фес. 4, 16), которая служит образом некоего особенного действия Божия всемогущества, образом, заимствованным от обыкновения евреев созывать в собрание посредством трубных звуков (Лев. 25, 9; Чис. 10, 2; Суд. 3, 27). *Послет Ангелы Своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр – от конца земли до конца неба.* Они соберут не только избранных, но также по изречению Господню, сказанному прежде, *вся соблазны и творящих беззаконие* (Мф. 13, 41), потому что, в Воскресение мертвых, *еси сущии во гробех услышат глас Сына Божия и изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда* (Ин. 5, 28, 29). Утешая Своих последователей, Господь присовокупил: *начинающим же сим бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавление ваше.*

Величественное изображение суда Божия как над Иерусалимом и народом иудейским, так и над всем человеческим родом, не могло не возбудить в слушателях желания – определеннее знать, когда все это совершится, – и Господь дал Своим ученикам указания о том и другом событии, вполне сообразные с нуждами и приемлемостью их. По обыкновению, Он обратился к приточному образу речи и воспользовался сравнением, взятым из природы, окружавшей святое общество на горе Елеонской: там росли смоковничные, оливковые и другие деревья. *Видите смоковницу и вся древа, сказал Гос подь, – и научитеся притчи: егда ветвия ея будет уже младо и изращает листвие, ведите, яко близ есть жатва: тако и вы егда видите сия вся бывающа, ведите, яко близ есть Царствие Божие – при дверех. Аминь глаголю вам: не мимоидет род сей, дондеже вся сия будут; небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут.* Всякий, слыша эти слова, чувствовал, что изрекает их Владыка, управляющий судьбами мира, у Которого *не изнеможет всяк глагол* (Лк. 1, 37). Те, которым суждено было дожить до войны Иудейской, окончившейся разорением Иерусалима, без сомнения были самовидцами-свидетелями исполнения предсказаний Господа, как, например, по сказанию церковного историка Евсевия, Иаков, первый иерусалимский епископ, и многие из учеников Христовых. Что же касается до времени пришествия Сына Человеческого на Страшный суд, то, продолжал Господь, *о дни том и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, ни Сын, токмо Отец Мой един.* В этих словах, хотя и прикровенно, Господь высказал Своим ученикам ту же самую мысль, которая ясно выражена Им впоследствии: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи, во Своей власти* (Деян. 1, 7). По замечанию блаженного Феофилакта, «знает Он о дне и часе том, как это ясно из многих других мест: да и как не знать Сыну этого дня, когда Он знает, что случится в будущем?», или, по толкованию святителя Афанасия Александрийского, «Сын во Отце и Отец в Сыне. Отец же знает день и час, то явствует, что и сущий во Отце, Сын и ведущий, что во Отце, Сам знает день и час». Но, возбраняя даже и спрашивать о том, что не приносит нравственной пользы, Он указал на Свое незнание, которое, по объяснению святых отцов, нимало не противоречит всеведению Его. Святитель Василий Великий говорит, что Господь, как второе Лицо Пресвятой Троицы, «первое ведение настоящего и будущего приписывает Отцу, и во всем указывает на первую причину», т. е. «начало ведения в Сыне от Отца». Святитель Григорий Богослов относит незнание к человеческой природе Иисуса Христа: «для всякого явно, что Сын знает, как Бог, приписывает же Себе незнание, как человек». Так же выражается и святитель Афанасий Александрийский: «Слово сказало: не знаю, указывая на человечество, потому что человекам свойственно не знать, и поелику облеклось в неведущую плоть, то в ней пребывая, в отношении к плоти сказало: не знаю». Господь поступает с учениками, по словам блаженного Феофилакта, как мудрый отец с нежно любимыми детьми: «если бы Он сказал: Я знаю, но не хочу открыть вам, в таком случае Он опечалил бы их, а теперь, когда говорит, что ни Ангелы не знают, ни Я, Он совершенно удерживает их от желания знать и докучать Ему». Причину же умолчания о времени последнего Суда святитель Василий Великий

находит в том, что «неполезно было людям слышать о сем, ибо всегдашнее ожидание делает более ревностными в благочестии, а знание, что до Суда еще долго, сделало бы более нерадивыми в благочестии по надежде, что можно спастись, покаявшись впоследствии».

Каждый грех, даже самый малый, влияет на судьбы всего мира. Покаяние, молитвенники, праведники отодвигают день Суда, и конечный Суд наступит, когда будет много беззаконников, отступников, блудников, убийц, сатанистов. Тогда Господь *законоположителя* поставит над ними (Пс. 9, 21), то есть попустит антихриста, царя беззакония. Власть ему дана будет на 42 месяца – 1290 дней. Здесь тайна. Как Господь три с половиной года проповедовал Евангелие и ходил по земле, так даст три с половиной года для великого испытания, дабы люди уразумели, что это не истинный Христос, не истинный Бог, а преступник, который принесет с собой голод, великое смущение и конец бытия.

Родится он от переносного семени, от великой блудницы. Не из святого колена Иудина будет он (а из колена Данова), и не в святом месяце нисане воцарится (а в октябре), и не во имя Божие придет, а в свое имя. Он воссядет в восстановленном Иерусалимском храме, чтобы прельщать народы, будет лжецом и сыном сатаны.

Через 1290 дней он будет брошен в озеро огненное со лжепророком. И еще 45 дней будет затишье. На небе будет сиять Крест Животворящий, и еще возможно будет покаяние. А потом начнется Суд Божий, наступит всеобщее Воскресение. Это будет время весны, месяц ксанфик (март—апрель).

И к этому великому дню надо готовиться.

При неизвестности времени пришествия Сына Человеческого, верующие должны духовно бодрствовать: *блюдите, бдите и молитеся: не весте бо, когда время будет.* С целью еще глубже напечатлеть в сердцах учеников увещание о духовной бдительности Господь произнес им притчу, в которой представил Себя Домовладыкою, оставляющим на время Свой дом, т. е. Церковь, отходящим к Отцу Своему на небо, а потом опять возвращающимся к слугам дома за отчетом в порученном им деле. *Якоже человек отходя, оставль дом свой и дав рабом своим власть и комуждо дело свое, и вратарю повеле, да бдит. Бдите убо: не весте бо когда господь дому приидет, вечер, или полунощи, или в петлоглашение, или утро да не пришед внезапу обрящет вы спяща.* И эта заповедь о духовном бодрствовании есть общая заповедь для всех последователей Христовых, на все времена, до самого конца мира: *яже вам глаголю, всем глаголю: бдите. – Таково решительное слово Господа. Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша обьядением и пиянством и печалми житейскими, и найдет на вы внезапу день той, яка сеть бо приидет на вся живущия на лицы всея земли; бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти и стати пред Сыном Человеческим.* Господь открыл им то, что полезно знать для того, чтобы сохранить благоразумную осторожность и не увлечься общим потоком беспечной чувственности. *Якоже бысть во дни Ноевы: тако будет и пришествие Сына Человеческаго; якоже бо беху во дни прежде потопа ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго. Тогда два будета на селе: един поемлется, а другий оставляется; две, мелюще в жерновах: едина поемлется и едина оставляется.* О такой внезапности пришествия Своего на Страшный суд Господь предупреждал учеников еще раньше, указывая им на время не только Ноя, но и Лота (Лк. 17, 26–30, 35–36). В настоящий раз, повторив предсказание, Он присоединил к нему увещание Своим верным последователям о постоянной и неослабной бдительности ожидания последнего дня мира: *бдите убо, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет,* – и чтобы яснее представить слушателям необходимость бдительности в ожидании пришествия Своего и горестные последствия небрежности в важнейшем деле спасения души, Господь напомнил ту причту о рабах, ожидающих пришествия господина, которую произнес прежде (Лк. 12, 39, 40, 42–46).

Притчи о десяти девах и талантах
Мф. 25, 1–30

Продолжая беседу, Господь наш Иисус Христос произнес две необычайно выразительные притчи: в первой Он опять в чрезвычайно живописных образах показал Своим слушателям необходимость быть постоянно готовыми к пришествию Своему, а во второй открыл, в чем именно должна состоять эта готовность.

Тогда уподобися Царствие Небесное десятим девам, яже прияша светильники своя и изыдоша в сретение жениху. Пять же бе от них мудры и пять юродивы; юродивые же приемше светильники своя, не взяша с собою елея, мудрыя же прияша елей в сосудех со светильники своими. Коснящу же жениху, воздремашася вся и спаху; полунощи же вопль бысть: се жених грядет, исходите в сретение его. Тогда восташа вся девы тыя и украсиша светильники своя. Юродивые же мудрым реша: дадите нам от елея вашего, яко светильницы наши угасают; отвещаша же мудрые, глаголюще: еда како не достанет нам и вам? идите паче к продающим и купите себе. Идущим же им купити, прииде жених и готовыя внидоша с ним на браки и затворены быша двери. Последи же приидоша и прочия девы, глаголюще: Господи, Господи отверзи нам. Он же отвещав рече им: аминь глаголю вам, не вем вас. Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет.

Эта притча заимствована Спасителем из древних брачных обычаев, которые и теперь еще на Востоке, по свидетельству путешественников, соблюдаются с более или менее торжественною обстановкою. После предварительного сговора жених, одетый по-праздничному, в сопровождении сверстников и друзей (Суд. 14, 11; Мф. 9, 15; Ин. 3, 29), отправлялся в дом невесты, которая также в лучших нарядах (Ис. 49, 18; 61, 10; Иер. 2, 32), окруженная своими подругами, ожидала прибытия его. Здесь происходила торжественная встреча жениха с факелами и светильниками, если праздник происходил вечером или ночью. Затем невеста, вместе с женихом и многочисленными участниками торжества (Быт. 29, 22; Лк. 14, 8), при шумных изъявлениях общей радости пением (Иер. 7, 34; 16, 9; 25, 10) и музыкою (1 Мак. 9, 37, 39), переходила в дом будущего супруга, где свадебный пир обыкновенно продолжался семь дней (Быт. 29, 27; Суд. 14, 12). Еще в Ветхом Завете святые пророки неоднократно пользовались образом брака для выражения тесного единения Бога с обществом верующих (Ис. 54, 5; Ос. 2, 19, 20). В Новом Завете нередко употребляли этот образ с тою же целью святой Иоанн Предтеча (Ин. 3, 29), Сам Господь (Мф. 9, 15) и святые апостолы (2 Кор. 11, 2; Еф. 5, 25, 32). Соответственно этой мысли, встречающейся в разных местах святого Писания, в притче, по толкованию святых отцов и церковных песнопений, разумеется под женихом Господь наш Иисус Христос, а под браком – соединение с Ним верующих в блаженной вечности. Мудрые девы означают всех истинных христиан, свидетельствующих чистоту и искренность своей веры добрыми делами, а неразумные – людей бес печных, непредусмотрительных, не имеющих терпения и постоянства, свойственного истинной добродетели. Число *пять* и *пять* не выражает определенного количества или же равенства тех и других, а «под образом дев Господь предлагает притчу о милостыни, дабы по причине великого достоинства девства, кто не стал пренебрегать другими добродетелями. *Светильниками* Он называет самый дар девства, чистоту святости, а елеем – человеколюбие, милосердие и помощь бедным» (святитель Иоанн Златоуст). Сон – это смерть; замедление Жениха показывает, что пришествие последует нескоро; полночный вопль дает понять, что «пришествие Его будет неожиданно», и затворение дверей означает то, что после настоящей жизни нет времени для покаяния и делания» потому что «купля жизни кончена» (преподобный Ефрем Сирин). Вообще, нравственный смысл притчи тот, что все, желающие войти в Царство света и бла-

женства, где Христос и святые, должны всегда быть готовы предстать перед Богом, имея светильник веры, пламенеющий делами любви и милосердия к ближним.

В другой притче Иисус Христос изъяснил Своим слушателям, что бодрствование, которого Он требовал от них в ожидании Судного дня, должно состоять в непрестанном духовном делании и умножении тех талантов, какие кто получил от Бога. Перед законом правды Божией каждый даст отчет только в том, что поручено ему, и будет судим сообразно с теми благодатными и естественными силами и способностями, которые даны ему от Бога. Внешние образы притчи взяты из круга обычных житейских занятий, а посему были вполне доступны разумению слушателей. *Человек некий отходя призва своя рабы и предаде им имение свое: и тому убо даде пять талант, овому два, овому един, комуждо противу силы его и отыде абие. Шед же приемый пять талант дела в них и сотвори другия пять талант. Такожде и иже два, приобрете и той другая два. Приемый же един шед вкопа его в землю и скры сребро господина своего. По мнозе же времени прииде господин раб тех и стязася с ними о словеси. И приступль пять талант приемый, принесе другия пять талант глаголя: господи, пять талант ми еси предал, се другие пять талант приобретох ими. Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость господа твоего. Приступль же и иже два таланта приемый рече: господи, два талантами еси предал, се другая два таланта приобретох има. Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный, о мале ми был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость господа твоего. Приступль же и приемый един талант рече: господи, видях тя, яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси и собираеши, идеже не расточил еси, и убоявся, шед скрых талант твой в земли, и се имаши твое. Отвещав же господь его рече ему: лукавый рабе и ленивый, ведел еси, яко жну, идеже не сеях, и собираю, идеже не расточих, подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником, и пришед аз взял бых свое с лихвою; возмите убо от него талант и дадите имущему десять талант. Имущему бо* – повторил Господь сказанное прежде (Мф. 8, 12) – *везде дано будет и преизбудет, от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него, и неключимаго раба вверзите во тьму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом. Имеяй уши слышати, да слышит!*

Притча о талантах имеет некоторое сходство с произнесенною Господом прежде притчею о минах, врученных человеком высокого рода рабам своим для приумножения (Лк. 19, 12–26). Как там, так и здесь, под удалением в чужую страну Раздаятеля даров разумеется отшествие Господа из этого мира, а под возвращением – второе пришествие Его на Страшный суд. Подобно минам, таланты, по изъяснению святителя Филарета Московского, означают различные дары, естественные и благодатные, внутренние и внешние, – дары Святаго Духа, подаваемые верующим в силу заслуг Христовых, Евангелие, Таинства, и вообще – *яже нам подана к животу и благочестию* (2 Пет. 1, 3). По толкованию блаженного Феофилакта, «удвояет данный ему дар тот, кто, получив или дар слова, или богатство, или власть, или иное какое знание и способность, приносит пользу не себе только, но старается быть полезным и для других; напротив, закопавший талант в землю есть тот, кто думает об одной своей пользе, а о пользе других и не помышляет, за что он и будет осужден». Если же принесшей два таланта удостоен одинаковой награды с принесшим пять, то, по словам святых отцов, «так и надлежало, потому что дело зависело не от беспечности одного и не от усердия другого, но от количества того, что по силам делателей вверил им Владыка» (преподобный Исидор Пелусиот), а что касается до их усердия, то «оба принесли поровну, потому и награду получили одинаковую» (святитель Иоанн Златоуст).

Страшный суд
Мф. 25, 31–46; Лк. 21, 37–38

Взаключение пророчественной беседы на горе Елеонской Господь наш представил поразительное изображение того суда, который совершится по окончании мира сего или настоящей жизни всего человечества, совершится торжественно перед всею вселенною, над всеми людьми и над всеми делами их, совершится для того, чтобы и добрым, и злым получить решительное и вечное воздаяние за всю свою временную жизнь. Второе пришествие Иисуса Христа на Страшный суд будет окружено величием и славою, приличными Тому, Кому Отец Небесный *суд весь даде* (Ин. 5, 22) и пред Кем преклоняется *всяко колено небесных и земных и преисподних* (Флп. 2, 10). *Егда приидет Сын Человеческий в славе Своей, и еси святии Ангели с Ним тогда сядет на престоле славы Своея как Судяй всей земли* (Быт. 18, 25), окруженный *служебными духами,* которые были *посылаемы на служение* спасению человеков (Евр. 1, 14). Величественный образ славного явления Сына Человеческого на Страшный суд заимствован от обычая земных царей восседать на престолах в случаях особенно важных и торжественных (3 Цар. 2, 19; 22, 10; 4 Цар. 11, 19; Иона 3, 6; Притч. 20, 8), отчего и самые престолы служили знаком высочайшей власти (Быт. 41, 40; Втор. 17, 18; 3 Цар. 1, 13; 16, 11; 4 Цар. 10, 30). Следующий за сим образ, взятый из пастушеской жизни, был еще понятнее слушателям Господа: *и соберутся пред Ним еси языцы, и разлучит их друг от друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлищ, и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю.* Пред Судиею Господом предстанут все умершие, воскресшие для новой жизни (Ин. 5, 25), а также и живые, мгновенно изменившиеся сообразно состоянию воскресших (1 Кор. 15, 52; 1 Фес. 4, 16, 17), предстанут и праведные, и грешные: одни сравниваются с овцами, животными кроткими, послушными, весьма полезными в домашнем быту (Ин. 10, 3–5), а другие с козлами, животными, любящими места утесистые и гористые, непослушными и совершенно бесполезными в сельском хозяйстве (Иез. 34, 17).

Этими наименованиями, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, Господь «показывает внутренние расположения их», – те свойства, который приобретаются праведниками и грешниками, и служат как бы духовною одеждою и ясным отличием тех и других: «овцу не обнаруживает ли волна, а козла – косматый и жесткий волос» (святитель Кирилл Иерусалимский). Все явятся на суд «облеченные или грехами, или праведными делами своими», и между овцами и козлами откроется великое различие: овцы – это те, у которых, по толкованию преподобного Ефрема Сирина, «есть добрые плоды, которые знают великого Пастыря, соблюли неповрежденную печать, не осквернили веры еретическими хулами, а козлища – те, у которых нет плода, которые прогневляли Пастыря, паслись с еретиками, сквернили святую веру и вышли из сей жизни исполненными всякой нечистоты». Самый суд, по выражению святителя Василия Великого, «Писание представляет олицетворенно», по подобию суда человеческого; так у святого пророка Даниила говорится не только о судебном сидении, но и о раскрытии памятных книг (7, 10). Все эти образы, без сомнения, употребляются с тою целью, чтобы сделать для нас удобопонятными события, превышающие ограниченную меру человеческого разумения.

«Вероятно, – замечает святой отец, – какою-то несказанною силою, в мгновение времени, все дела нашей жизни, как на картине, напечатлеются в памяти нашей души», и мы «вдруг увидим их как бы предстоящими перед нами и появляющимися перед взором ума, каждое в собственном его образе, как что было сделано или сказано». Все мысли, слова и действия – худые или добрые, за все годы, месяцы и дни, обнаружатся явно, без всякого исключения, во всем их множестве, со всеми обстоятельствами. Деятельная любовь к ближнему, которою свидетельствуется истинная вера в Бога (Иак. 2, 14, 26) и выражается

любовь к Нему (1 Ин. 4, 20, 21), составит решительный признак оправдания, и отсутствие ее – осуждения и отвержения на Страшном суде. *Тогда речет Царь сущим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира.* Придите все верные последователи Мои, чтобы получить великую награду за те подвиги, труды и скорби, которые вы подъяли в земной жизни ради Царства Небесного, придите милосердные, собиравшие сокровище для неба через святое употребление своих стяжаний, давшие Мне в лице бедных пищу, одежду и благовременную помощь. Наследуйте Небесное Царство, «как свое собственное, как отеческое, как ваше, как от века принадлежащее вам» (святитель Иоанн Златоуст), примите то *наследие нетленно и нескверно и неувядаемо* (1 Пет. 1, 4), которое хранится на небесах для всех, получивших через Меня усыновление Богу (Ин. 1, 12; Гал. 4, 7) и добродетельною жизнью соответствовавших предызбранию Божию (Рим. 8, 29; Еф. 1, 4). *Взалкахся,* продолжает Царь, *и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя, странен бех и введосте Мене, наг и одеясте Мя, болен и посетисте Мене, в темнице бех и приидосте ко Мне.* Этими делами милосердия телесного и духовного достигается помилование на Страшном суде, по обетованию, изреченному Господом еще в Нагорной проповеди (Мф. 5, 7). Но праведники, в смиренном сознании своего недостоинства, перед лицом неба и земли свидетельствуют, что они не заслуживают возвещенной им награды. *Тогда отвещают Ему праведницы, глаголюще: Господи, когда Тя видехом алчуща и напитахом, или жаждуща и напоихом, когда же Тя видехом странна и введохом, или нага и одеяхом, когда же Тя видехом боляща или в темнице, и приидохом к Тебе? – Милуяй нища взаим дает Богови* (Притч. 19, 17), который не оставит долг Свой неудовлетворенным. *Отвещав Царь речет им: аминь глаголю вам, понеже сотворите единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе.*

Меньшие братья Господа – это нищие, увечные, хромые, слепые, вообще несчастные, страждущие, угнетенные, которые сами не могут воздать за благодеяния, оказываемые им (Лк. 14, 13, 14). Единение Иисуса Христа с верными последователями Его есть самое тесное (Еф. 5, 30), так что Он и прежде говорил ученикам Своим, что приемлющий их приемлет Его (Мф. 10, 40). Добро, сделанное для них, Господь относит к Себе, «уничижая Себя до образа должника нашего, чтобы привлечь нас к благотворению и через благотворение к блаженству» (святитель Филарет Московский). Вообще, по мысли святителя Филарета Московского, дела человеколюбия тогда только чисты и достойны Господа, когда сделаны в лице человека Господу Иисусу: «чистая вера во всем и через все взирает на Господа, Его полагает средоточием всех намерений и дел, ради Его благодетельствует, Его зрит в благодетельствуемых, как нареченных Его братиях».

Но нераскаянных и ожесточенных грешников ожидает грозное определение суда Божия, которое решит горестную судьбу их на всю вечность. *Тогда речет Царь и сущим ошуюю Его: идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его,* ибо – дополняет слова Господа святитель Иоанн Златоуст, – «Я Царство готовил вам, огонь же не вам, но диаволу и ангелам его; а так как вы сами ввергли себя в огонь, то и вините в том сами себя». На суде Божием время милосердия, время благодати, призывающей на покаяние, кончится, не найдется более средств ко спасению, не будет Таинств для очищения от грехов и освящения души; вместо милосердия явится правосудие, вместо долготерпения праведное воздаяние по делам. *Взалкахся и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене, странен бех и не введосте Мене, наг и не одеясте Мене, болен и в темнице и не посетисте Мене. Тогда отвещают ему и тии глаголюще: Господи, когда Тя видехом алчуща, или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или в темнице, и не послужихом Тебе? Тогда отвещает им глаголя: аминь глаголю вам, понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе. И идут,* – так заключил Господь величественное изображение Страшного суда, – *сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный.*

Окончив беседу, Господь Иисус Христос обратился к ученикам с напоминанием о том, о чем Он неоднократно предсказывал им (Мф. 16, 21; 17, 22; 20, 18). Чтобы показать им, что идет на страдание, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «все предвидя» и совершенно добровольно (Ин. 10, 18) Он в этот раз определенно означил самый день смерти Своей: *весте, яко по двою дню Пасха будет и Сын Человеческий предан будет на пропятие.*

День, в который Богочеловек в беседах в храме и на горе Елеонской открыл будущие судьбы Иерусалима, Израиля и всего мира, – этот знаменательный день приближался к вечеру. Учитель и ученики встали и пошли в место ночного покоя.

Четвертый день – Великая среда

Вечеря в доме Симона прокаженного
Мф. 26, 6–13; Мк. 14, 3–9

На другой день в Вифании совершилось такое же знаменательное событие, какое произошло там за шесть дней до Пасхи в доме Лазаря (Ин. 12, 1–8). В этом событии, как и тогда, Господь указал особый глубокий смысл, предвещавший смерть и погребение Его. В Вифании жил некто Симон, один из искренних друзей и почитателей небесного Учителя. Хотя он и носил название прокаженного, но теперь, без сомнения, был свободен от проказы, иначе он, по закону Моисееву, не мог бы жить в своем доме и принимать гостей (Лев. 13, 46; Чис. 5, 2). Что удивительного, если он исцелен был от ужасной болезни тем безмездным Врачом страждущего человечества, Который ходил по селениям *благодетельствуя и исцеляя вся* (Деян. 10, 38)? Симон хотел воспользоваться представившимся случаем, выразить своему Благодетелю сердечные чувства искренней любви, глубокого почитания и радостной благодарности, и приготовил для Него в своем доме вечерю, на которую пригласил вместе с Учителем и ближайших спутников Его – святых апостолов. Милосердная снисходительность Господа, прославленного *Друга мытарем и грешником* (Лк. 7, 34), не отказывавшегося есть и пить с ними (Мф. 9, 11), не пренебрегшего и теперь приглашением прокаженного, внушила одной женщине мысль, что Тот, Кто «исцелил человека и очистил проказу, легко очистит и духовную ее нечистоту» (святитель Иоанн Златоуст). В сладостной надежде получить отпущение грехов и избавление от «духовной проказы», она решилась оказать Господу почесть, которая была оказана Ему прежде грешницею в дому Симона фарисея (Лк. 7, 37, 38) и еще недавно Мариею, сестрою Лазаря (Ин. 12, 3). Она принесла алавастровый сосуд мира из нарда цельного, драгоценного, с дерзновением кающейся приблизилась к возлежащему Иисусу и, разбив сосуд, возливала на главу Его благовонный состав. Велико было благоговение женщины, усвоившей, по выражению церковной песни, «чин мироносицы», умилителен поступок ее: она сделала, что только могла, нимало не жалея о дорогой трате. На прежней вечери в доме Лазаря подобная трата драгоценного мира со стороны Марии, помазавшей ноги Иисуса, вызвала порицание Иуды, заботившегося о собственной выгоде (Ин. 12, 4–6). В этот раз укор слышится со стороны тех лиц, которые были слишком далеки от страсти корыстолюбия, ослеплявшей предателя. Но при сходстве выражения – какая разность между тем и другим замечанием! Тогда как в словах Иуды, приличных по наружности, для Сердцеведца ясно видны были лицемерие, обман и ложь, в словах учеников Господа высказывалось искреннее чувство людей, «не знавших, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – мыслей жены», а посему и не могших оценить поступок ее по достоинству. «Они слышали, как Учитель говорил: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 12, 7; Ос. 6, 6), и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее – *суд, милость и веру* (Мф. 23, 23), как на горе рассуждал с ними о милостыне (Мф. 6, 1–4), и из всего этого выводили заключение и рассуждали друга с другом: если Он не принимает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее примет помазание елеем» (святитель Иоанн Златоуст). Между свидетелями поступка женщины некоторые вознегодовали на неуместную по-видимому расточительность; скоро чувство негодования перешло в открытый ропот, и ученики Господа стали говорить между собою и Учителю: *чесо ради гибель сия бысть? Можаше бо сие миро продано быти на мнозе – вящше трех сот пенязь, и датися нищим.* Господь дал понять роптавшим, что «они неблаговременно удерживали усердие жены» (блаженный Феофилакт). Похвально попече-

ние о нищих, но в настоящем случае не к месту и не ко времени: *оставите ю: что труждаете жену? Дело добро содела о Ми, всегда бо нищия имате с собою, – и егда хощете, можете им добро творити, Мене же не всегда имате.* Поступок женщины, кроме трогательного выражения благоговейной веры, усердия и любви к Учителю, заключал в себе еще особый таинственный смысл, а посему не только не заслуживал порицания, но был достоин всемирного прославления. Упомянутая женщина поступила так, изъясняет блаженный Феофилакт, «по особенному мановению Божию, прообразуя смерть Господа и погребение тела Его». Она сделала то, что, по обычаю иудеев, нужно было сделать через несколько дней при погребении Иисуса Христа. *Еже возможе сия,* – продолжал Господь, – *сотвори, возлиявши бо сия миро сие на Тело Мое, на погребение Мя сотвори, – предвари помазати Мое тело на погребение. Аминь глаголю вам: идеже аще проповестся Евангелие сие во всем мире, и еже сотвори сия глаголано будет в память ея.* Велико было смущение женщины, встретившей со стороны свидетелей поступка ее незаслуженные упреки, но многозначительно и обетование, которым Господь вразумил роптавших и наградил усердие ее. «Вот, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – исполнилось то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают о жене той, хотя она незнаменита, не имела многих свидетелей, была не на позорище, но в доме, и притом в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников Христовых».

Совещание синедриона и предложение Иуды *Мф. 26, 3–5; 14–16; Мк. 14, 1, 2, 10, 11; Лк. 22, 1–6*

События последних дней снова напомнили ожесточенным врагам Господа о ненавистном им Пророке галилейском. Незадолго перед сим они решили убить Его и дали приказание, чтобы всякий, знающий о местопребывании Его, объявил им для дальнейших распоряжений (Ин. 11, 53, 57). И что же? Когда настало время исполнения предвечного определения о спасении рода человеческого и пришел час, предназначенный свыше (7, 6, 30), тогда *Агнец Божий,* взявший на Себя грехи мира (1, 29, 36), Сам отдается *в руки грешников* (Мф. 26, 45): торжественно, как духовный Царь вечного Царства, вступает в Иерусалим, приходит в храм, как Господь храма, всенародно чудодействует и проповедует, обличает в последний раз пороки книжников и фарисеев, открывает будущую судьбу города, народа иудейского и всего мира.

Появление Иисуса Христа в Иерусалиме, среди многолюдного собрания богомольцев, стекавшихся к храму на праздник со всех сторон, привело в движение врагов Его. Первосвященники, книжники и народные старейшины, зараженные лицемерием и злобою своих руководителей, собрались на совещание во двор первосвященника Иосифа Каиафы, бывшего в то время, по воле римского правителя Валерия Грата, на действительной службе, вместо тестя своего Анны, или Анана. Хитрый председатель синедриона уже в прежнем совещании высказал свое мнение о пожертвовании Иисусом Христом для общего блага, и прочие члены совета в то время присоединились к мнению его (Ин. 11, 47–53). От настоящего совещания еще менее можно было ожидать благоприятного решения: положили в совете – взять Иисуса хитростью и убить, но говорили: *не в праздник, да не молва будет в людех.* По замечанию святого евангелиста Луки (22, 2), они боялись людей, опасались, как бы народ не вступился за своего единственного Благодетеля: тогда мог произойти один из тех бунтов, которые в Иудее были нередки и при усмирении народных страстей железною рукою римлян всегда сопровождались кровопролитием.

Приближалась последняя прообразовательная Пасха; все обстоятельства чудным устроением Промысла расположились так, чтобы истинная *Пасха наша – Христос за ны пожрен бысть* (1 Кор. 5, 7). «Враги Его хотели переждать праздничное время, но это не было попущено им: Господь, определяя Сам для Себя страдания, благоизволил предать Себя распятию на самую Пасху, ибо Сам быть истинная Пасха» (блаженный Феофилакт). И вот, те самые люди, которые, по расчетам благоразумия, решились не спешить с исполнением богоубийственного дела, внезапно отказались от предположенной медлительности и неведомо для себя обратились к осуществлению вечных судеб Божиих. В святом лике апостолов, ближайших спутников Иисуса Христа и свидетелей учения и чудес Его, давно скрывался предатель, и хотя Господь неоднократно давал понять ему, что злые намерения его, неведомые людям, ведомы Тому, перед Кем открыты сердца людей, но эти внушения не действовали на ученика, косневшего во зле (Ин. 6, 70, 71; 13, 11, 18, 21, 26). Между порочными наклонностями Иуды Искариотского сребролюбие было господствующей страстью, которую он выказал на вечери в доме Лазаря, лицемерно прикрыв заботою о нищих (12, 6). По замечанию святого евангелиста Луки, сатана овладел мрачной душой предателя (22, 3) и подвиг *погибельнаго сына* (Ин. 17, 12) на страшное дело измены Учителю. И какая противоположность добра и зла, света и тьмы! «В то время, – воспевает Святая Церковь, – когда грешница приносила миро, ученик совещался с пребеззаконными; та радовалась, изливая миро многоценное, а этот спешил продать Бесценного, та Владыку познавала, а этот от Владыки отделялся; та освобождалась, а этот порабощался врагу».

Предатель, оставив святое вифанское общество, к которому уже не принадлежал душою, удалился туда, куда увлекал его исконный враг Бога и людей, в ту темную область, где давно созревал богоубийственный замысел. *Что ми хощете дати,* – сказал Иуда первосвященникам и начальникам, – *аз вам предам Его?* Такое предложение разом избавляло членов синедриона от всех затруднений, какие представлялись на пути к задуманной цели. Ближайший ученик Иисуса Христа, знавший местопребывание и занятия своего Учителя, мог указать им, когда удобнее было бы взять ненавистного им Пророка галилейского, без всякого шума, тайно от народа. А, схватив Его и немедленно предав в руки римского правителя, они снимали с себя всякую ответственность в случае, если бы народ, сведав о совершившемся, пришел в волнение. Святые евангелисты Марк и Лука прямо говорят, что первосвященники и начальники обрадовались, выслушав предложение Иуды, – обрадовались, рассчитывая, что погибель Назарянина теперь будет устроена именно так, как им хотелось, – верно и безопасно. С полною охотою они согласились вознаградить предателя деньгами и только, быть может, обманули ожидания Иуды относительно самого количества, предложив ему тридцать сребреников.[2] Это была обыкновенная цена раба, которую, по закону Моисееву (Исх. 21, 32), господин получал в случае утраты его. Назначая такую цену, быть может, из презрения к Ценимому, или же ввиду скупости и алчности предателя удовлетворявшегося малым, думали ли враги Христовы, что они исполняют древнее пророчество? Они, – предсказывал пророк Захария, – *поставиша мзду Мою тридесять сребреник,* – высокая цена, в какую они оценили Меня! *и приях тридесять сребреник и вложих их в храм Господень в горнило,* – для горшечника (Зах. 11, 12, 13). Условившись в цене, первосвященники и предатель не могли определить с точностью ни времени, ни способа предания. Иуда обещал только воспользоваться первым удобным случаем, чтобы предать Учителя во власть их тайно, не при народе, не возбуждая каких-либо подозрений, неудовольствия и замешательств со стороны усердных почитателей Его. Неблагодарный ученик, ослепленный страстью сребролюбия, не предугадывал, к каким последствиям приведет измена его, и никак не думал, что предает на пролитие *неповинную кровь* Учителя (Мф. 27, 4), за которую заплатит своею жизнью и подвергнется величайшему и нескончаемому *горю* (Мф. 26, 24). Но решительный шаг был сделан, неправедная мзда получена, предатель неудержимо стремился в самую глубину зла, увлекаемый духом тьмы и своим злым произволением, и с этого времени искал удобного случая предать Господа.

---

[2] Здесь разумеется серебряный сикль, который оценивался во времена Иисуса Христа около 90 коп., так что 30 сиклей могли составлять около 30 рублей (Странник, 1863).

Пятый день – Великий четверг

Тайная вечеря
Мф. 26, 17–20; Мк. 14, 12–17; Лк. 22, 7–18

Наступала Пасха, величайший праздник Израиля, установленный в память чудного изведения еврейского народа из египетского рабства. С ним соединялось также воспоминание об избавлении от погибели первенцев еврейских кровью Пасхального агнца (Исх. 12, 17–27). Эти радостные события, положившие начало самостоятельности народа, делали праздник Пасхи особенно дорогим и вожделенным сердцу каждого израильтянина. Знаменательный обряд заклания и снедения агнца, заповеданный Моисеем (Исх. 12, 3–11), придавал Пасхальной вечери исключительную торжественность. Для обозначения поспешного выхода из Египта, евреи присутствовали за этой вечерей одетые по-дорожному, с жезлами в руках (12, 11). Празднество начиналось чашей вина, которая символизировала физическое освобождение из рабства. Отец семейства или старший в доме брал в правую руку эту чашу с красным вином, разбавленным водою. Вино непременно употреблялось красное, в вспоминание агничей крови, спасшей первенцев израильских от погубления, и разведенное водою, потому что пить его должны были все, и женщины, и дети. Держа чашу, глава семейства произносил благословение в таких словах: «Нынешний день был временем нашего исшествия из Египта. Да будет благословен Господь!» – и, отведав из чаши, передавал ее домочадцам. По умовении рук в пиршественную комнату вносили по-праздничному убранный стол с горькими травами, напоминавшими потомкам Израиля горькую жизнь предков их в Египте (1, 14). Затем на стол полагали хлеб, Пасхального агнца, испеченного на огне без преломления костей (12, 8, 46), особо приготовленное мясо, и также жидкое блюдо из разных плодов, для обмакивания в нем трав и кусков снедаемого. Глава семейства брал со стола горькие травы и в воспоминание горечи рабства в Египте съедал их и раздавал вкушать другим.

Далее следовала вторая общая чаша, символизирующая духовное освобождение. Прежде чем ее выпить, читали: «Рабами были мы у фараона в Египта». Старший изъяснял значение Пасхи и приглашал присутствовавших воспеть хвалу Богу; тогда все собрание пело 113 и 114-й псалмы. После сего, по омовении рук, старший преломлял пресный хлеб в воспоминание поспешного бегства из Египта; опресноки – хлеб бедствия, не настоящий хлеб. Произнесши благословения, глава вечери вкушал горьких трав, мяса и агнца; примеру его следовали все присутствующие. Вечеря продолжалась, и среди беседы предлагалась третья чаша, выпиваемая за спасение евреев от войска египетского. Присутствующие благословляли имя Господне и выражали надежду на будущую жизнь.

Наконец, выпивали четвертую чашу в память дарования Торы на Синае.

Была еще пятая чаша – чаша Илии, пророческая. Из нее в этот день не пьют. Чаша Илии – самая красивая, часто сделана из драгоценных металлов; ее ставили на середину стола. Когда возглашали: «Излей гнев Свой…» – дети открывали входные двери, чтобы Илия мог войти, и следили, как будет убывать вино в пятой чаше, если Илия придет и невидимо будет пить из нее.

Чаша пророка Илии символизировала обещание Бога избранным: *Я введу вас в ту землю о которой Я, подняв руку Мою, [клялся] дать ее Аврааму, Исааку и Иакову, и дам вам ее в наследие* (Исх. 6, 8). Чаша пророка Илии – знак того, что кроме тех четырех раз, когда Господь избавлял Свой народ во время исхода из Египта и жизни в земле обетованной, будет еще избавление – в будущем. Избавление это связано именно с пророком Илией потому, что

именно он возвестит о пришествии Мессии: *Вот, Я пошлю к вам Илию пророка пред наступлением дня Господня, великого и страшного. И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их* (Мал. 4, 5–6).

Празднество оканчивалось пением *аллилуиа* – пением псалмов 115–118. Ветхозаветная Пасха начинала совершаться таким образом за 1609 лет до Рождества Христова. И Господь Иисус Христос с учениками совершил эту Пасху.

Но если для простого израильтянина праздник Пасхи соединял в себе радостные воспоминания о древних благодеяниях Божиих народу, то для Богочеловека, и особенно в наступающее время великих событий, он имел глубокий таинственный смысл. Пасхальный агнец служил прообразом *Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Пет. 1, 19), вземлющего на Себя грехи мира (Ин. 1, 29); заклание сего агнца со всеми обрядами, предписанными законом преди зображало крестную смерть Искупителя (19, 36), а выход израильтян из Египта предвещал избавление рода человеческого Кровью *Ходатая Новаго Завета* (Евр. 9, 15) от рабства мысленному фараону, *имущему державу смерти, сиречь диаволу* (2, 14). Господь знал, что каждый раз, празднуя Пасху, Он предпраздновал Свои страдания и смерть, а теперь приближался час, когда прообразование должно было уступить место самой истине. Всеведущий видел, что завтра, перед тем временем, как иудеи соберутся на Пасхальную вечерю для вкушения прообразовательного агнца, Он, истинная *Пасха,* уже будет заклан за грешное человечество (1 Кор. 5, 7) и Своею смертью запечатлеет и совершит весь сеновный закон, все прообразования и пророчества. Последняя Пасхальная вечеря, естественно, должна была принять вид прощальной вечери небесного Учителя с учениками.

Преднамереваясь на последней вечери передать ученикам Свои чувства, ясно и прямо возвестить недосказанное прежде (Ин. 16, 25, 29) и преподать им Страшные Тайны Тела и Крови Своей, Господь наш Иисус Христос восхотел окружить святое собрание таинственностью. Эта таинственность была тем необходимее, что, как известно было Всеведущему, не только состоялось определение синедриона взять Его хитростью и убить (Мф. 26, 4), но что даже между избранными учениками скрывался предатель, условившийся в цене с врагами Господа и искавший лишь удобного случая для приведения в исполнение своего намерения (ст. 15, 16). Внезапное нападение могло бы нарушить тишину святых минут и прекратить прощальную беседу в самый важный момент, что было бы для учеников потерей невознаградимой. Но предусмотрительная таинственность, укрыв святое общество от внимания злобствовавших, сделала прощальную вечерю для самого погибающего предателя трогательным предостережением, последним решительным призывом к покаянию. И вот, когда настал предпоследний день земной жизни Спасителя, приступили к Нему ученики и спросили: *где хощеши, шедше, уготоваем да яси Пасху.* Обратившись к апостолам Петру и Иоанну, Господь сказал: *шедша, уготовайта нам Пасху, да ямы.* Выполнение этого поручения ввиду опасности, грозившей святому обществу, требовало крайней осмотрительности и совершенного соблюдения тайны, а посему для приготовления последней вечери были избраны Господом из числа двенадцати два довереннейшие ученика, которые и впоследствии представляются действующими в полном согласии (Ин. 13, 23–24; 18, 15–16; Деян. 1, 8, 14). Жители Иерусалима, следуя древнему обычаю, охотно и даже бесплатно давали иногородним комнату для совершения Пасхальных обрядов. Таким образом, на обязанности Петра и Иоанна лежало найти такую комнату, приготовить столы, ложа, а также и все принадлежности Пасхальной вечери – вино, агнца, горькие травы, и на этот раз, без сомнения, простой хлеб, потому что законом Моисея дозволено было вкушать опресноки не прежде как вечером 14-го нисана (Исх. 12, 8; Втор. 16, 3) и все квасное было устраняемо из дома лишь утром того дня.

Необычное поручение, предупреждавшее Пасху иудейскую, давало понять ученикам, что предстоит вечеря необычно торжественная и знаменательная. Петр и Иоанн обрати-

лись к Божественному Учителю с новым вопросом: *где хощеши, уготоваем?* Они знали, что Пасху должно было совершать не иначе как в Иерусалиме, вблизи храма, и так как, по выражению блаженного Феофилакта, «ни они сами, ни Христос не имели собственного дома», то и спрашивали, в каком доме и у кого именно приготовить вечерю. Господь отвечал: *идита во град, – се восходящема вама во град срящет вы человек в скудельнице воду нося; по нем идета в дом, в оньже входит, и рцета дому владыце: глаголет тебе Учитель, – время Мое близ есть, у тебе сотворю Пасху со ученики Моими, – где есть обитель, идеже Пасху со ученики Моими снем? – Своим временем* Он назвал «Свое заклание», по изъяснению того же толковника, и этим намеком желал, с одной стороны, показать, что «Он закалается не без ведома о том и не против воли Своей», а с другой – изъяснить причину, почему Он намеревается совершить Пасху днем ранее времени, указанного законом. Домохозяин, к которому Иисус Христос послал учеников, вероятно, был тайным последователем Его, потому что, как замечает отечественный писатель, «дом для вечери должен быть избран самый безопасный, у человека верного и надежного: другой почел бы за долг дать знать синедриону о Том, Кто в доме его совершает теперь Пасху».

Петр и Иоанн отправились в Иерусалим, при входе в город нашли все, как наперед было сказано им, и приготовили Пасху. С наступлением сумерек, около того времени, когда по закону (Втор. 16, 6) должно было совершать Пасху, Иисус Христос, окруженный учениками, пришел в Иерусалим. Тихо и незаметно, среди праздничного движения города, наполненного богомольцами, святое общество достигло того дома, где была приготовлена для него комната, убранная по-праздничному. Здесь когда настал час вечери, Господь возлег и двенадцать апостолов с Ним.

Тайная вечеря началась с ветхозаветной Пасхи, которую Господь совершил на день раньше, как полагалось путешествующим, по закону. Это было 13 ни сана, а поскольку отсчет дней шел с вечера – *и бысть вечер, и бысть утро, день един* (Быт. 1, 5), – то уже начинался Пасхальный день 14 нисана. (То есть после захода солнца конец четверга, 13 нисана, был самым началом пятницы, 14 нисана.)

По обычаю, были приготовлены четыре чаши вина. Поставили и пятую чашу, предназначенную пророку Илии. Но в горницу Сионскую пришел не пророк Илия, а Духоносный Гость, Сам Господь.

Это была последняя Пасха, которую Иисус Христос праздновал с данными Ему и *возлюбленными* Им *до конца* (Ин. 13, 1; 17, 6). Раскрывая Свое сердце настолько, насколько ученики могли понять превыспренние чувства души Богочеловека, Иисус Христос предначал вечерю многознаменательными словами: *желанием возжелех сию Пасху ясти с вами, прежде, даже не приму мук: глаголю бо вам, яко отселе не имам ясти от нея, дондеже скончаются во Царствии Божии.* Он желал ее, потому что пришел не нарушить закон, но исполнить (Мф. 5, 17) и указать высший смысл его. Он желал Пасхи ветхозаветной, потому что знал ее *образное* и *сеновное* значение (Евр. 8, 5) и намеревался заменить образ и сень самою истиною. Он желал этой Пасхи именно ввиду приближающихся страданий, потому что Сам был и *Агнцем непорочным и пречистым, предуведеным* к закланию *прежде сложения мира* (1 Пет. 1, 19, 20), и великим Первосвященником, священнодействующим Себя Самого в умилостивительную и очистительную за грехи мира *жертву* (Евр. 9, 11, 28). И после прообразовательной Он желал также «Пасхи истинной, новозаветной, не только осязаемой, но и созерцаемой, не только вещественной, но и духовной, и Божественной, не только закланной, но и живой, и животворящей, начинаемой прежде мук, дабы она была всегдашней свидетельницей предуведения и свободного приятия мук, но уже заключающей в себе спасительное действие креста для всех времен, как свойственно действовать вечному началу» (святитель Филарет Московский).

Ветхозаветная Пасхальная вечеря шла далее с некоторыми особенностями. Господь взял чашу, произнес над нею благословение и, подавая ученикам, сказал: *приимите сию и разделите себе: глаголю бо вам, яко не имам пити от плода лознаго, дондеже Царствие Божие приидет.* Эта первая чаша, которою обыкновенно начиналась Пасхальная вечеря, а также некоторые другие признаки, как то: обмакивание пищи в блюдо (Мф. 26, 23; Мк. 14, 20; Ин. 13, 26), заключительное пение (Мф. 26, 30), показывают, что Господь наш Иисус Христос, оканчивая Ветхий Завет и утверждая Новый, благоволил вкусить, по выражению церковных песнопений, «Пасху древнюю, сеновную и законную». С этим предположением вполне согласны мнения святых отцов и учителей Православной Церкви. Святитель Иоанн Златоуст, спрашивая: почему Христос совершил тогда Пасху? – отвечает: «потому что древняя Пасха была образом имеющей быть и надлежало истине заступить место образа; прежде показал Он тень, потом предложил истину на трапезе». Также выражается святой отец во многих других местах своих творений, и толкованию его следовали позднейшие святые отцы и учители Православной Церкви. Преподобный Иоанн Дамаскин говорит: «в горнице святого и славного Сиона, Христос, вкусив с учениками Своими ветхозаветной Пасхи и исполнив Ветхий Завет, умыл ноги ученикам», а блаженный Феофилакт прямо замечает: «наперед Он совершил прообразовательную Пасху, а потом совершил и Пасху истинную». Впрочем, допуская, что Спаситель на последней вечери совершил ветхозаветную Пасху, нельзя думать, что Он совершил ее вполне так, как требовал обычай, установившийся в то время не без влияния толкований книжников и фарисеев. Обрядность Пасхи, заповеданная законом Моисея (Исх. 12, 3–11), была не так сложна, как расширенная позднейшими дополнениями ревнителей *преданий старец* (Мк. 7, 3). При совершении последней Пасхи при конце Ветхого и начале Нового Заветов, Сыну Человеческому подобало показать, что Он не только отвергает человеческие дополнения к закону Божию, но и для самой законной Пасхи, так же как и для *субботы* (Мф. 12, 8), есть воистину полновластный Господь и Владыка. Предварение иудейской Пасхи целыми сутками, отсутствие опресноков, для которых не наступило еще время, заклание агнца не во дворе святилища, где агнцы были закалаемы лишь 14-го нисана после полудня, беседы с учениками, составлявшие как бы отступление от иудейской обрядности, – все эти обстоятельства достаточно показывают, что последняя Пасхальная вечеря, оставаясь по намерению Господа закона вполне законною, и походила, и не походила на законные иудейские вечери. Она служила как бы преддверием и приготовлением к той истинной Пасхальной вечери, на которой Богочеловек принес Самого Себя в Таинственную жертву за грехи всего мира.

Омовение ног
Ин. 13, 1–20

Господь Иисус Христос был окружен двоими учениками, между которыми находился также предатель Иуда Симонов Искариотский, уже таивший в себе ужасный замысел. Богочеловек ясно зрел будущее, видел своего предателя, знал, что наступает время земной разлуки с теми, которых Он приготовлял для продолжения Своего дела в мире. Дальнейшие действия и слова Его запечатлены тем величием Сына Божия, которое ясно давало разуметь, что, по выражению святого евангелиста, *Отец вся даде Ему в руце, и яко от Бога изыде и к Богу грядет* (13, 3). *Он, возлюбль Своя сущия в мире, до конца возлюби их* (ст. 1) и в последние часы пребывания с ними «не упустил ничего, что следовало сделать тому, кто сильно любит» (святитель Иоанн Златоуст), в трогательной беседе открыл им все, что они могли вместить (16, 12) и что должно было «усилить их привязанность к Нему и приготовить им великое утешение в наступающих бедствиях».

Божественный Учитель знал, что ученики Его особенно нуждаются в уроке смиренномудрия, чтобы быть истинными учениками Того, Кто *кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), а посему решился преподать им наставление в трогательном и знаменательном примере, который оставил бы в них неизгладимое впечатление.

На Востоке был обычай омывать ноги гостей при входе их в дом, или же перед вечерей и во время вечери (Лк. 7, 44). Это омовение, составлявшее обязанность слуг (1 Цар. 25, 41), было не только знаком внимания и гостеприимства к посетителям дома, но и вызывалось необходимостью, потому что употребление сандалий вместо обуви не защищало ног от пыли при хождении по дорогам и тропинкам Палестины. В тот Пасхальный вечер никого из слуг в доме не оказалось, а из учеников Христовых никто не желал исполнить того, что почиталось делом рабов – и все общество возлежало за вечерию с неумытыми ногами. Между апостолами даже произошел спор, кто из них должен считаться бо льшим, следовательно, свободным от такой унизительной работы (Лк. 22, 24–30).

Тогда Господь, приготовляя святых апостолов к наступающей новозаветной вечери истинной *Пасхи* (1 Кор. 5, 7) и, по выражению преподобного Нила, желая «укрепить прикосновением Своим земные и слабые ноги, имеющие пройти всю подсолнечную», встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Так обыкновенно делали рабы, когда служили своим господам (Лк. 17, 8). Потом влил воду в умывальницу и начал омывать ноги учеников и отирать полотенцем, которым был препоясан. «Мне кажется, что Своему предателю, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – Он умыл ноги первому, а потом приступил к Петру».

Крайнее смирение Господа, выразившееся перед вечерявшими неожиданно и вместе с тем так наглядно, привело в смущение пламенного Петра, не могшего примирить видимого им с тою верою в величие *Христа, Сына Бога живаго,* которую он некогда исповедал от лица всех апостолов (Мф. 16, 16). Подобно прочим ученикам, Петр еще не возвышался до постижения всей тайны самоуничижения Господа, в которой проявилась слава Божества Его (Ин. 17, 1). Когда Иисус Христос подошел к нему, то Петр с удивлением воскликнул: *Господи, Ты ли мои умыеши нози?* т. е. теми ли самыми руками, которыми Ты отверзал очи слепым, очищал прокаженных и воскрешал мертвых? Давно, при Самом призвании к апостольству, после чудной ловитвы рыб, Петр сознавал себя перед Господом *человеком грешным* (Лк. 5, 8); все виденное и слышанное им в течение трехлетнего сопутствования Спасителю еще более утвердило и развило это чувство собственного недостоинства. Устами Петра говорило истинное смирение, хотя не ко времени и не к месту, а посему Господь ответил ему кротким вразумлением: *еже Аз творю, ты не веси ныне, уразумееши же по сих,* – при объяснении

смысла и цели этого действия, особенно же по сошествии Утешителя Духа Святаго, Который научит всему и напомнит все (Ин. 14, 26). Но апостол упорствовал: *не умыеши ногу моею во веки.* «Петр поступал таким образом по великой любви, – выражается святитель Иоанн Златоуст, – а посему и Христос уловляет его тою же любовью»: *аще не умыю тебе, не имаши части со Мною;* из этих слов Господа не только Петр, но и все апостолы должны были понять, что в совершающемся действии скрывается особый глубокий смысл и что оно не есть простое омовение, а нечто высшее, таинственное. Теперь лишь, прозрев сердцем, Петр увидел, как неуместно прекословие Учителю, и с глубоким чувством сказал Ему: *Господи, не нозе мои токмо, но и руце и главу.* «Горяч в сопротивлении, но еще горячее в изъявлении согласия, а то и другое от любви». Очевидно, апостол желал иметь самую большую часть со Христом, а посему и предлагал более, чем требовал Учитель. Но общее омовение тела не было необходимо тому, у кого нечисты одни ноги: *измовенный не требует, токмо нозе умыти, есть бо весь чист.* Под омовением Иисус Христос здесь разумеет, по толкованию святого отца, «не иудейское омовение водою, но очищение совести: так как апостолы отвергли от души своей всякое лукавство и обращались со Христом с чистою совестью, то Он и говорит, сообразно с словами пророка (Ис. 1, 16), что омытый уже чист». Кто достиг известной степени нравственной чистоты, тому требуется очищение лишь неизбежных для человеческой немощи греховных приражений, – тех пятен, от которых никто не свободен на земле (1 Ин. 1, 8), точно так же, как для очистившего тело свое омовением нужно только омовение той части тела, например, ног, которая случайно утратила свою чистоту. *И вы чисти,* – присовокупил Господь, обратившись к ученикам, – *но не вси. Ведяше бо предающего Его,* – замечает св. евангелист Иоанн, – *сего ради рече, яко не вси чисти есте* (Ин. 13, 11). Он знал, что в святом лике нравственно чистых апостолов скрывается Иуда, замысливший ужасное дело, но, ожидая раскаяния его, не спешил указанием предателя и ограничился пока неопределенным намеком на него.

По омовении ног учеников Иисус Христос, наложив на Себя верхнюю одежду, возлег и сказал апостолам: *весте ли, что сотворих вам? Вы глашаете Мя Учителя и Господа: и добре глаголете, есмь бо. Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе, образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите.* Омовение ног, совершенное Господом, имело особый высший смысл смиренного служения благу ближних, особенно же нравственному очищению и освящению их, а посему Спаситель, внушая подражать Своему примеру, как замечает один толковник, «узаконяет не самое внешнее действие – омовение ног, но все те нравственные действия, какие обозначаются этим внешним действием». Искренняя самоотверженная любовь друг к другу, готовая на все самые тяжкие жертвы, – вот та общая и обязательная заповедь, которую Господь неоднократно преподавал апостолам и всем верующим и в примере, и в устном наставлении (Ин. 15, 12–13). Что же касается омовения ног, то оно составляло один из частных видов выражения христианской любви, – трогательный в тех обстоятельствах, в каких Господь совершил его, – и в апостольских посланиях упоминается о нем при исчислении качеств доброй вдовицы (1 Тим. 5, 10). Побуждения, которые должны были расположить учеников к последованию данному им примеру, Иисус Христос указывает в значении этого примера для них, в блаженстве исполнения Своей заповеди и высоте призвания их которое, впрочем, не распространяется на одного из них, замыслившего предательство. *Аминь, аминь глаголю вам: несть раб болий господа своего, ни посланник болий пославшаго его. Аще сия весте, блажени есте, аще творите я. Не о всех вас глаголю, Аз бо вем, ихже избрах.* По объяснению Самого Господа, это – те, которых Отец, Единосущный Ему, дал Ему от мира и которых Он сохранил и *никтоже от них погибе, токмо сын погибельный* (Ин. 17, 6, 12). Погибельного сына, предателя Своего, Господь, по выражению святителя Иоанна Златоуста «и открывает, и не открывает, опять подавая ему случай к покаянию». Он говорит об Иуде пророческими сло-

вами псалма (Псал. 40, 10), дающими понять коварство, лукавство и скрытность его замысла: *ядый со Мною хлеб, воздвиже на Мя пяту свою.* Предречением о предателе Спаситель хотел не только предохранить учеников от соблазна, но еще более укрепить веру их в то, что Он есть воистину Мессия, Сын Божий: *отселе, глаголю вам, прежде даже не будет, да егда будет, веру имете, яко Аз есмь.* Высота апостольства видна из той тесной духовной связи, какая соединяет учеников с Учителем и через Него с Самим Отцом Небесным: а*минь, аминь глаголю вам: приемляй, аще кого послю, Мене приемлет, а приемляй Мене приемлет пославшаго Мя.* Это изречение Господь произнес апостолам еще при Самом послании их на проповедь (Мф. 10, 40, 41) и теперь, ввиду приближающегося конца Своей земной жизни, повторил его, без сомнения, для лучшего напечатления в памяти Своих учеников.

Указание предателя и наставление о смирении *Мф. 26, 21–25; Мк. 14, 18–21; Лк. 22, 21–30; Ин. 13, 21–30*

Вечеря продолжалась, обряд следовал за обрядом: присутствующие вкушали горькие травы, Пасхальные яства, пили вино из четырех ветхозаветных чаш.

И в то время, когда, по выражению церковной песни, «славные ученики на умовении вечери просвещались, злочестивый Иуда, страдая сребролюбием, более и более омрачался». Он обдумывал и соображал, когда и как привести в исполнение свой предательский замысел, рассчитывая обмануть присутствующих наружным видом лицемерной дружбы и искренности. К намекам Господа он относился с холодным равнодушием, давая понять, что не принимает их на свой счет. Такое упорство в зле, соединенное с крайним бесстыдством и коварной дерзостью, привело в смущение святейшую душу Богочеловека: она страдала от присутствия предателя среди святого общества в такие великие минуты, вызывавшие на последнюю беседу, в которой должна была излиться вся полнота любви Учителя к ученикам Его. Святой евангелист Иоанн Богослов замечает, что Иисус Христос в*озмутися духом* (13, 21) и, удостоверяя собеседников в горестной истине, сказал им: *аминь, аминь глаголю вам, яко един от вас ядый со Мною, предаст Мя,* и желая еще более объяснить слова Свои, присовокупил: *обаче се рука предающаго Мя со Мною есть на трапезе.* Святые апостолы весьма опечалились, услышав эти страшные слова: в недоумении, о ком Господь говорит, они озирались друг на друга, надеясь открыть предателя по выражению лица. Но предатель, прикрываясь личиною невинности, сам искал глазами предателя. Настала минута тяжкого раздумья. Веря Учителю более, нежели себе, каждый с беспокойством стал испытывать себя. В скорбных душах явилось смиренное чувство самоосуждения при воспоминании о грехах вольных и невольных, о недостатке веры и любви, о желаниях своекорыстных и честолюбивых, которых не чужды были первейшие из апостолов (Мк. 10, 35). Опечаленные ученики, не находя прямого ответа в своей совести, обратились к Господу и стали спрашивать Его один за другим: *еда аз Господи? еда аз?* При этом некоторые могли утешать себя предположением, что, быть может, предатель не принадлежит к избранному обществу двенадцати. Каково же было удивление присутствовавших на вечери, каков ужас, когда они узнали, что предатель близко, очень близко, здесь же за столом! *Един от обоюнадесяте,* – рек им Господь, – *омочивши со Мною в солило руку, той Мя предаст.* Такое блюдо, приготовленное в полужидком виде, служило как бы приправою, и в него обыкновенно обмакивали куски пищи рукою, следуя простоте восточных нравов. Слова Гос пода приблизительно указывали предателя, хотя и не для всех приметным образом. Впрочем, – продолжал Спаситель, желая подействовать на Иуду страхом осуждения, – *Сын Человеческий идет* на смерть *по реченному, якоже писано о Нем; горе же человеку тому, имже Сын Человеческий предается: добро бы было ему, аще не бы родился человек той,* т. е., как изъясняет блаженный Феофилакт, «хотя Христу и предопределено пострадать для спасения человеческого рода, однако поэтому отнюдь не следует чтить Иуду; напротив, горе ему потому что он сделал это не с тем, чтобы содействовать воле Божией, но чтобы исполнить свою злую волю». Тогда Иуда, продолжая притворство и рассчитывая отклонить от себя всякие подозрения со стороны других учеников, с бесстыдством и наглостью, свойственными закоснелому злоумышленнику, также обратился к Иисусу Христу с вопросом: *еда аз есмь, Равви?* «Хотя, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – и можно было бы сказать: о, скверный и всескверный, гнусный и нечистый человек, столько времени готовясь произвести зло, удалившись и сделав сатанинские совещания, согласившись взять сребро и быв обличен женою, ты дерзаешь еще спрашивать, – но Христос не сказал ничего такого». Тихо и кротко, внятно лишь для самого предателя, Господь отвечал ему: *ты рекл еси.* Между тем прочие ученики, в крайнем смущении, спрашивали

друг друга, кто из них мог бы отважиться на такое ужасное дело, и все старания их открыть истину оставались безуспешными: предатель не выдавал себя, а остальные собеседники, при Самом строгом испытании своей совести, должны были признать, что они неповинны в замышляемой измене Учителю. Святой апостол Петр, постоянно заботившийся о безопасности Господа (Мф. 16, 22; 26, 35; Ин. 18, 10), в недоумении решился испытать последнее средство к открытию предателя, быть может, с целью предупредить злой умысел. Из всего сонма двенадцати апостолов Христос Спаситель особенно любил одного ученика, который теперь возлежал у груди Его. Святой евангелист Иоанн не называет имени этого ученика, но древнее предание всей христианской Церкви свидетельствует, что ученик, любимый Иисусом Христом, есть сам писатель Евангелия (Ин. 19, 26; 20, 2; 21, 7, 20). Святой Иоанн был близок и апостолу Петру по тому доверию, которое Господь оказывал им обоим (Лк. 22, 8). Не будучи видим Иисусом, возлежавшим к нему спиною, Петр сделал знак Иоанну, чтобы он спросил у Господа, кто это, о котором говорит? Ученик, припадши к груди Иисуса, тихо спросил: *Господи, кто есть?* – и Господь так же тихо отвечал ему: *той есть, ему же Аз, омочив хлеб, подам.* Обмакнув кусок в блюдо, подал его Иуде Симонову Искариотскому. Это действие могло пройти незамеченным прочими апостолами, потому что для указания предателя Господь воспользовался обычаем, по которому глава дома на Пасхальной вечери раздавал возлежащим куски пищи, обмоченные в полужидком блюде. Но для Петра и Иоанна поданный предателю кусок служил решительным указанием его, для самого же погибающего – последним зовом к покаянию. Иуда был среди ближайших учеников Господа и так же, как и другие ученики Христовы, без сомнения, изгонял бесов, исцелял болезни, проповедовал. Тогда сатана нападал на него, но не имел над ним власти. Однако страсть сребролюбия, как некогда Гиезием, овладела Иудой – он был вор (Ин. 12, 6) и решился на предательство своего Учителя ради вознаграждения от синедриона. Господь отводил Иуду от предательства, но тот отверг этот решительный зов любви Божией. Впрочем, так и должно быть, ибо все в жизни Сына Человеческого происходит так, как предсказано о Нем. И крест, и смерть Его определены по воле Отца. Итак, Иуда не раскаялся и вполне отдался сатане: *и по хлебе тогда вниде в онь сатана.* В самом деле, только сатана мог сделать из апостола предателя и сына погибели. Тогда Сердцеведец сказал ему: *еже твориши, сотвори скоро,* и этими словами как бы изверг его из лика апостольского. Выражение: *сотвори скоро,* по толкованию святого отца, «не означает ни повеления, ни совета: Христос хотел, чтобы предатель исправился, и оставляет его только потому, что он был неисправим». Теперь Иуда сделался чужим для святого общества верных учеников; он не должен был слышать тех великих обетований об Утешителе Духе Святом, которые к нему не относились, – тех умилительных слов прощальной беседы, в которых Богочеловек раскрывал Свое сердце перед возлюбленными учениками. Влекомый злой силой, предатель *тотчас вышел* вон. *Бе же нощь,* замечает святой евангелист, *егда изыде:* эта тьма последней ночи вполне соответствовала той духовной тьме, безрассветной, непроглядной, которая наполнила душу Иуды Искариотского.

Только Иоанн познал предателя, ибо слова *сотвори скоро* явно говорили о коварстве, так как сатана вошел уже в самое сердце Иуды. Остальные же из возлежащих не поняли, что значили слова Господа, сказанные ему, или зачем он, оставив собрание, вышел. У Иуды был денежный ящик для сбора подаяний от доброхотных жертвователей (Ин. 12, 6), а посему некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нужно к празднику, или дай что-нибудь нищим. Не зная ужасной истины, ученики терялись в предположениях, более или менее правдоподобных. И тогда как святые соучастники Тайной вечери, осияваемые Божественным светом, внимали прощальным словам своего Учителя и Господа, недостойный причастник, мрачный Иуда, под покровом ночи, спешил устроить свое богоубийственное дело. В эти великие минуты, когда Христос Спаситель предуказывал наступающие события, ученики Его опять обратились к тому вопросу о старейшинстве, который не раз занимал их прежде

(Мф. 18, 1; 20, 21), и спорили между собою, кто из них должен почитаться большим. В успокоение мятущегося чувства учеников Господь не только повторил им урок смирения, преподанный прежде (20, 25–27), но и открыл, что величие и слава уготованы им за терпение не здесь – на земле, а в Царстве Небесном. *Царие язык господствуют ими и обладающии ими благодателе нарицаются; вы же не тако: но болий в вас да будет яко мний и старей яко служай. Кто бо болий, возлежай ли или служай? не возлежай ли? Аз же посреде вас есмь яко служай. Вы же есте пребывше со Мною в напастех Моих, и Аз завещаваю вам, якоже завеща Мне Отец Мой, Царство, да ясте и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем и сядете на престолех, судяще обоимнадесяте коленом Израилевым.* Небесное блаженство, уготованное верным ученикам, Господь представляет под обычным образом вечери (Мф. 22, 2; Лк. 13, 29; 14, 16), а небесную славу, соединенную с соучастием в суде Его над миром (1 Кор. 6, 2), – под образом сидения на двенадцати престолах (Мф. 19, 28), окружающих престол Судии, Сына Божия (Ин. 5, 22).

Установление Таинства святого Причащения *Мф. 26, 26–29; Мк. 14, 22–25; Лк. 22, 19, 20; 1 Кор. 11, 23–25*

Искупитель, заключая Ветхий Завет, восхотел предначать Новый не кровью прообразовательных жертв, теряющих значение в присутствии Первообраза, но Своей Кровью и Своим Телом (Евр. 9, 12). Еще прежде, в Капернаумской синагоге, Иисус Христос преподал слушателям, между которыми были и двенадцать апостолов, возвышенное учение о Таинстве святого Причащения (Ин. 6, 48–58). Теперь настала торжественная минута совершения сего Таинства самим Богочеловеком. Являя в Себе *Архиерея велика, прошедшаго небеса* (Евр. 4, 14). Первосвященника не по левитскому чину Аарона, но по чину Мелхиседека (Евр. 7, 11), по выражению церковной песни, Он «священнодействовал Сам Себя», и, как истинная Пасха для верующих, за которых хотел умереть, Сам Себя приносил в жертву, предваряя событие. Когда вечеря продолжалась, Иисус Христос взял один из лежавших на столе хлебов (погречески «артос», т. е. хлеб квасный, а не опресночный), благословил его, преломил, и, раздавая ученикам, оказал: *приимите, ядите, сие есть Тело Мое, – еже за вы даемо; сие творите в Мое воспоминание;* а по окончании вечери взял пятую благодарственную чашу с вином, растворенным водою, и со словами благодарения подал им, говоря: *пийте от нея вси, сия бо есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многи изливаема во оставление грехов, – сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание.* Побуждая учеников, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, «Он Сам первый совершил сие и пил собственную Кровь»; за Ним уже и все пили из чаши. Эта чаша была уже евхаристическая – чаша Крови Нового Завета. И она была преподана *уже после вечери* (Лк. 22, 20), когда в горнице не было Иуды-предателя, который поэтому не мог удостоиться завета искупительной Крови Христовой.

Выражение *после вечери* совпадает с указанием времени установления Таинства апостолом Павлом и свидетельством святого Иоанна об уходе Иуды с вечери. Апостол Павел говорит, что Христос установил Таинство *в ту ночь, в которую предан был,* и момент его установления определяет согласно со свидетельством евангелиста Луки *после вечери.* Верность и точность передачи факта апостолом Павлом определяется тем, что сведения об этом он принял *от Самого Господа* (1 Кор. 11, 23–25). А этот момент установления Таинства совпадает с моментом удаления Иуды с вечери, по свидетельству Иоанна: *Он* (Иуда), *приняв кусок тотчас вышел; а была ночь* (Ин. 13, 30).

Два евангелиста и апостол Павел, можно сказать, точно указывают время установления Евхаристии. Это было после Пасхальной вечери ветхозаветной и после предательства Иуды, а не до предательства.

Ветхозаветную Пасху Христос совершил, по точному указанию евангелистов, *когда настал вечер* (Мф. 26, 20; Мк. 14, 17). Это была последняя ветхозаветная Пасха для Израиля, ею завершается весь Ветхий Завет. Далее уже наступает Таинство Нового Завета – Таинство Тела и Крови Христовых – Таинство святой Евхаристии. Установление Евхаристии было *после вечери, ночью* (Лк. 22, 20; 1 Кор. 11, 23, 25; Ин. 13, 30). Отсюда начинается Новый Завет – истинный, основанный не на прообразовательной крови ветхозаветного агнца, а на истинной Крови Христовой.

Апостолы, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «довольно слышав о сем Таинстве прежде, с благоговением и верою приступили к священной трапезе. Не было и тени того смущения какое выказали многие во время Капернаумской беседы (Ин. 6, 60). Теперь ученики Господа знали, что Плоть Его истинно есть брашно и Кровь Его есть питие, и что

все слова Его, а тем более Таинственное священнодействие, суть *дух и живот* (ст. 55, 63)! Выражения, в каких Спаситель установил Таинство, так ясны и решительны, что не допускали никаких недоразумений: «если Сам Господь определенно сказал о хлебе: *сие есть Тело Мое,* кто осмелится после того сомневаться в этом? и если Сам подтвердил и изрек: *сия есть Кровь Моя,* кто усомнится и скажет: это не кровь Его?» (святитель Кирилл Иерусалимский). Притом, по изъяснению святителя Филарета Московского, «Господь не сказал о Таинственном хлебе: *приимите ядите* все, и праведно, ибо некоторые не могут ясти, например, младенцы; но о Таинственной чаше сказал: *пийте от нея вси,* и таким образом устранил всякое исключение, разумеется, для пребывающих в вере и единении церковном». Завещание Спасителя о совершении сего Таинства в воспоминание Его было исполнено святыми апостолами во всей точности и передано христианской Церкви, как это видно из книги Деяний Апостольских, где говорится, что первенствующие христиане *бяху терпяще во учении Апостол и во общении и преломлении хлеба и в молитвах* (Деян. 2, 42), имея обыкновение собираться для преломления хлеба в первый день недели (Деян. 20, 7). Святой апостол Павел, призванный к апостольству впоследствии и не присутствовавший на Тайной вечери, по особенному откровению свыше, в одном из своих посланий, вместе с повествованием об установлении Таинства, преподал подробное наставление, как достойно приступать к *Господней вечери,* и при этом выразил непоколебимую уверенность о совершении Таинства Евхаристии в христианской Церкви до самого второго пришествия Господня (1 Кор. 11, 20–30).

Священная, таинственная вечеря была уже последней в земной жизни Господа: *глаголю же вам, яко не имам пити отныне от сего плода лознаго, до дне того, егда е пию с вами ново во Царствии Отца Моего.* Это – таинственная речь о Таинстве Евхаристии, которое служит воспоминанием искупительной жертвы, принесенной Иисусом Христом за грехи человечества.

Иуда не раскаялся и оказался недостойным приступить к этому великому Таинству Тела и Крови Христовой. Господь его удалил, не допустил до Таинства. Поэтому Святая Церковь постановила, чтобы принятию Святых Таин обязательно предшествовало Таинство покаяния. И если человек не отнесся с должным вниманием к исповеди, то он приступает к Телу и Крови Христовым недостаточно подготовленным. Об этом святой Амвросий Оптинский пишет: «Есть и такие христиане, которые приносят покаяние, но не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковые, по слову апостольскому, недостойно причащаются Святых Таин и за недостойное причащение подвергаются различным немощам и болезням, а немало и умирают. Сказано апостолом: *Ядый бо и пияй недостойно, суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела Господня* (1 Кор. 11, 29)». Утаенный грех влечет за собой смерть души и страдание тела, «так как наказание бывает человеку не только за грехи, но больше за недостойное причащение Святых Таин» (он же).

Одно время приступать к Тайнам – когда чиста совесть (святитель Иоанн Златоуст).

Преподобный Симеон Новый Богослов предупреждает: «Тело и Кровь – Таинства, принятые недостойной душой, принимаются только по видимости, а не ощутительно». Ангел Божий стоит у Чаши, и кто недостоин, не причащается у Бога. Ангел уносит Святые Дары в алтарь. Когда же недостойно причастившийся (т. е. нераскаянный, некрещеный, имеющий злые помыслы в душе) отходит от Чаши его сопровождает не добрый Ангел, а бес, и такое причастие ему будет в осуждение. Ответственность несет и священник, так как он должным образом не исповедовал, не подсказал, не наставил. А ведь он причащает видимым образом за Ангела.

К Святому Таинству Причащения надо подготовить себя покаянием, а также постом и молитвой. Три-четыре дня попоститься. Накануне Причащения надо быть на вечернем богослужении и прочитать дома, кроме вечерних молитв на сон грядущим, канон покаянный, канон Богородице и канон Ангелу Хранителю. Читается также канон ко Причащению

и молитвы, составляющие Последование ко Святому Причащению. В них испрашивают, чтобы Господь сподобил «неосужденно к страшным Тайнам приступити», «имиже оживляется и обожается всяк идый же и пияй чистым сердцем».

Прощальная беседа *Ин. 13, 13–14, 31; Мф. 26, 30–35; Мк. 14, 26–31; Лк. 22, 31–39*

Впрощальной беседе с учениками, по совершении Тайной вечери и перед началом страданий, Господь наш является не только нежно любящим Отцом и Учителем, но и с особенною торжественностью, в последние часы Своей земной жизни, открывает им все Свое величие, как Сына Божия и Искупителя мира. Ясно видя перед Собою наступающий конец Своего земного дела, Он указывает в предстоящих страданиях и кресте обнаружение славы Божества, постигаемой верою, и затем с определенностью, не допускающей ни малейшего сомнения, говорит о скором отшествии Своем из мира. Не прежде, а лишь теперь, когда умы и сердца святых апостолов преисполнились Божественной благодатью в причащении Тела и Крови Его, Спаситель возводит *Своя сущия в мире, которых до конца возлюби* (Ин. 13, 1), к глубинным тайнам богословия, беседует с ними о превечном Отце и Своем единосущии с Ним, обещает иного Утешителя, Который научит их всему и напомнит забытое или не вполне понятое, поучает вере и упованию на Бога, внушает взаимную любовь, как отличительный признак Своих учеников, и наконец изображает будущую судьбу верующих и Церкви Своей в мире среди неверия и ненависти врагов святой истины. В предсмертной беседе Господа выражена вся сущность святого учения Его, изложены все основные догматы христианства, так что она представляла как бы заключение и восполнение всего, что доселе было возвещено ученикам и частью народу, и вместе с тем служила предуведомлением о том, что должно было открыться миру через страдания и смерть Его (Ин. 8, 28).

Все, что доселе видели и слышали святые апостолы на Тайной вечери, не могло не произвести на них подавляющего впечатления. Омовение ног, необычайное смущение Господа, когда настало время указать предателя, указание предателя в среде их самих, урок смирения, преподанный им, установление Таинства святого Причащения и соединение с Господом в сем Таинстве наконец предчувствие того, что пришел час разлуки с своим Учителем, – все это дало понять ученикам, что наступают последние часы и минуты пребывания с Господом. Сердцеведец проникал Своим взором душевные расположения святых апостолов и не возмущаемый более присутствием предателя, извергшего себя из святого общества, раскрыл пред Своими собеседниками, так сказать, самое сердце Божественной любви. Там, где они могли видеть для себя источник горести – в приближающихся событиях, с которыми не мирились земные чаяния, Господь в утешение им указал иной высший смысл – победное торжество Своего искупительного дела. *Ныне прославися Сын Человеческий, и Бог прославися о Нем: еще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его.* Такими словами, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «Он ободряет поверженные в уныние души учеников и убеждает не только не сетовать, но даже радоваться, ибо быть преданным смерти и победить смерть – это, действительно, великая слава». Эта слава Богочеловека есть слава всего Триипостасного Божества, потому что в страданиях и спасительной смерти Искупителя является слава любви Отца Небесного, предавшего Сына Своего в жертву за грехи мира (Ин. 3, 16), слава вечной премудрости, дивно устроившей спасение людей, слава всемогущества, победившего крестом смерть и разрушившего силу диавола наконец слава Утешителя Духа, Который послан от Отца во имя Христа Спасителя (14, 26) и не прежде прославления Его (7, 39). Слава Божия, воссияв на кресте Христовом, долженствовала озарить весь мир и привести к той славе, которая в невечернем дне вечного Царства будет уделом всех искупленных и освященных *Кровью заколенаго Агнца* (Откр. 5, 9, 12). Откровение о славе креста возбуждало и укрепляло дух учеников, смятенный скорбью о предсто-

ящих страданиях Учителя, но, читая в сердцах их, Господь видел, что нужно было приблизить утешение к состоянию святых апостолов и изъяснить им то, что ожидало их в будущем. Он не скрыл от них, что вскоре, по отшествии Его из мира, придется им испытать горькое чувство одиночества и много скорбей, чтобы опять достигнуть вожделенного единения с Ним в небесной славе. *Чадца, еще с вами мало есмь, взыщете Мене, и якоже рех иудеом, яко аможе Аз иду, вы не можете приити, так и вам глаголю ныне.* Он говорил это иудеям (Ин. 7, 34; 8, 21) с тем, чтобы «устрашить их, а апостолам – чтобы воспламенить в них любовь» и предсказанием о разлуке ободрить их, дабы нечаянно пришедшие бедствия не смутили их. Он знал, что иудеи никогда не придут к Нему и умрут в грехе неверия (8, 21), а ученикам Своим возвещал, что, приготовив им место, со временем возьмет их к Себе (14, 3). Но, оставляя апостолов в мире враждебном проповеди Евангелия, Спаситель преподал им правило поведения, которое должно было служить отличительным признаком их и соединять их в одно святое общество учеников Христовых: *заповедь новую даю вам, да любите друг друга; якоже возлюбих вы, да и вы любите друг друга. О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.* Заповедь о любви к ближнему дана была еще в Ветхом Завете (Лев. 19, 18); она внушается и естественным законом совести.

Но Господь называет ее *новою* не только потому, что – как выражается святитель Филарет Московский, – «обрел ее совсем забытою», но и потому, что указал ей в Своем примере новые, чистые и святые побуждения. «Как Он Сам взирал не на собственную высоту, но на полезное для людей, и, уничижив Себя, соблаговолил принять зрак раба, чтобы рабов ввести в сыноположение, так и каждому из нас повелел не на собственную свою выгоду взирать, но иметь ввиду пользу ближних» (предобный Исидор Пелусиот). Взаимная любовь, заповеданная Господом апостолам и в лице их всем последователям, есть вполне бескорыстная любовь друг к другу членов одного и того же духовного тела Христова, т. е. святой Церкви. Христиане первых веков так глубоко и верно поняли эту заповедь Христову, что язычники, видя самоотверженную любовь их друг к другу, с удивлением говорили: «как они любят друг друга!» Предречение Господа о близкой разлуке с учениками произвело на пламенного и решительного Петра необыкновенно сильное впечатление. Мысль его невольно обращалась к словам Учителя, казавшимся непонятными и как бы загадочными. Желая уяснить неясное и решить недоумение, которое, как вскоре оказалось, разделяли и другие апостолы, Петр спросил Иисуса Христа:

Господи, камо идеши? Господь отвечал, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не на слова его, а на мысль», и в Своем ответе не только повторил то же, что было сказано незадолго перед сим всем ученикам (Ин. 13, 33), но и открыл будущую судьбу самого Петра: *аможе Аз иду, не можеши ныне, по Мне идти, последи же по Мне идеши.* Сердце апостола смутно чувствовало, какой это путь, и решимость, пылкая решимость заговорила устами его: *Господи, почто не могу ныне по Тебе идти? Ныне душу мою за Тя положу.* Увлекаемый пламенным чувством любви к Господу Иисусу Христу ученик не давал себе ясного отчета в том, что говорил, но Сердцеведец лучше его самого знал душевное состояние его и видел, что искушение предстояло далеко превышавшее слабые силы самонадеянного. На поспешное заявление Петра о готовности пострадать и умереть за своего Учителя, Господь дал ему понять, что «любовь его без помощи свыше – ничто». Скоро, не далее как через несколько часов, апостол должен был убедиться горьким опытом в немощи своей, – в немощи человеческого естества, оставленного себе Самому. Взглянув на ученика вопросительно, Господь сказал: *душу ли твою за Мя положиши? Аминь, аминь глаголю тебе, не возгласит алектор, дондеже отвержешися Мене трищи.* Это обличение Господом Петра увеличило смущение учеников. Спаситель, читая тайные мысли их, ясно видел, что апостолы нуждаются в утешении и укреплении не только ввиду наступающих событий, но и в дальнейшей судьбе своей, по отшествии Его из мира. Обильный источник духовного утешения и ободрения Он указы-

вает им в вере в Бога Отца Небесного и Себя: *да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Мя веруйте,* – «вера в Меня и в Отца сильнее угрожающих вам бедствий; она не допустит, чтобы какое-либо несчастие одолело вас». Святые апостолы должны были укрепляться в предстоящих им испытаниях верою в спасительный Промысл Божий, который не оставит их без помощи и поддержки на трудном жизненном пути, и особенно в подвигах великого призвания их. Как искусный Кормчий, Господь утешает Своих учеников среди ожидающих их бурь и волнений житейского моря надеждою на тихую пристань в доме Отца Небесного. Замечание Господа о том, что ученики не могут придти туда, куда Он идет (Ин. 13, 33) и что пойдет за Ним после Петр (ст. 36), могло, по выражению святителя Иоанна Златоуста, возбудить мысль, будто «ему одному, Петру, дано обещание» сопребывания с Учителем. Отвечая на скорбные мысли и чувства Своих присных, Спаситель успокаивает их утешительным откровением: *в дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам, – иду уготовати место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете.* Небесных обителей много, как бы так говорит Господь, – Я, Учитель ваш и Искупитель, иду открыть вам путь к ним, – туда, куда еще никто из людей не достигал. Для того Я и пришел на землю, за тем иду теперь к пославшему Меня Отцу Небесному, чтобы ходатайствовать за вас, и привести вас в вечные обители. И вот, когда, совершив дело искупления, приготовлю вас для этих обителей, тогда возьму вас к Себе и вы будете там, где Я, – в блаженном созерцании превечной славы Моей, славы, как *Единородного Сына, сущаго в лоне Отчи* (Ин. 1, 18).

После этих слов Господа, казалось, ясно было, куда Он идет и каким путем приведет с Собою верующих. *И аможе Аз иду, весте и путь весте,* – продолжал Спаситель. Прежде в беседах Своих Он неоднократно открывал, что идет к Отцу Своему путем страданий и смерти (Мф. 16, 21; 17, 22, 23), но мечты о земном Царстве Мессии еще так были сильны, по крайней мере, в некоторых апостолах (Мф. 20, 20, 21; Деян. 1, 6), что они никак не могли примириться с мыслью о кресте как заключении земной жизни Учителя (Мф. 16, 22). Пытливый Фома, без сомнения, от лица недоумевающих учеников, решился высказать Господу, как трудно для них проникнуть в истинный смысл слов Его: *Господи, не вемы, камо идеши и како можем путь ведети?* Думая не о том, *яже Божия, но человеческая* (Мф. 16, 23), Фома с другими учениками, еще не постигавшими совершавшейся тайны искупления, готов был предположить, что Учитель, для избежания опасности со стороны врагов, намеревается отойти на некоторое время в какое-либо уединенное место, подобно тому, как Он сделал незадолго перед сим (Ин. 11, 54). Но Господь, с обычным долготерпением встретив в среде ближайших учеников неведение о том, что нужно было знать именно теперь, дал мыслям недоумевающих иное, высшее направление: *Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною.* «Правда, – как бы так говорил Спаситель ученикам, – вы неясно понимаете, какой путь предлежит Мне и вам, но это путь в обители Отца Небесного, о которых вы слышали от Меня. Без Моей благодатной помощи вы не можете идти этим путем; без света Моей истины вы не обретете того, к чему будете идти: без животворящего духа жизни, одушевляющего верующих в Меня, вы не достигнете страны света и блаженства. Для всех желающих придти к Отцу Моему, Я – путь, истина и жизнь». Это шествование по примеру и вслед Господа есть, по замечанию святителя Василия Великого, «преуспеяние в совершенстве, последовательно и в порядке достигаемое делами правды и просвещением разума, когда непрестанно желаем преднего и простираемся к тому, чего еще недостает у нас, пока не достигнем блаженного конца, т. е. познания Божия, какое Господь уверовавшим в Него дарует Собою». Для самих учеников Иисуса Христа постоянное обращение с Ним, воплотившимся Сыном Божиим, служило средством к познанию Отца, которым они пользовались по мере приемлемости: *аще Мя бысте знали,* – продолжал Спаситель, – *и Отца Моего знали бысте убо, и отселе познасте Его и видесте Его*. Мысль Господа, по изъясне-

нию святителя Иоанна Златоуста, – та, что «ученики, хотя и знали Его, но не так, как следовало: Бога они знали, а Отца еще не знали; уже впоследствии Дух, нисшедший на них, сообщил им совершенное ведение». Впрочем, не имея еще совершенного ведения, они знали о Боге Отце из бесед Господа, и зрели Его, невидимого, во Христе, в Котором обитало *всяко исполнение Божества телесне* (Кол. 2, 9). Слова Иисуса Христа о способе познания Отца через Сына привели учеников в недоумение: они не могли понять, о каком видении говорит им Учитель, и думали, что уже довольно знают Сына, но все еще не знают Отца. Для решения возникающих сомнений и недоразумений, Филипп, имевший некоторое дерзновение перед Учителем (Ин. 6, 5–7), обратился к Нему с просьбою: *Господи, покажи нам Отца, и довлеет нам,* – «мы ничего более не ищем». Разумел ли Филипп откровение Божества, подобно тем, какие бывали во времена Ветхого Завета праотцам и пророкам (Быт. 3, 8; 18, 1; 32, 29; Исх. 33, 13; Ис. 6, 1), или, быть может, созерцание духовное, подобное тому, как Авраам видел день Христов и возрадовался (Ин. 8, 56), или наконец особенное некое проявление Божества в самом Богочеловеке, чтобы в этом проявлении вполне узреть силу и славу Отца, но то несомненно, что просьба ученика проистекала из глубины любящего сердца, ищущего окончательного успокоения. Впрочем, после того, что апостолы сейчас слышали, она была неуместна, а посему Спаситель в Своем ответе Филиппу выразил удивление и как бы сожаление о непонимании только лишь сказанных Им слов, и опять возвратился к прежней мысли о познании Отца через Сына: *толико время с вами есмь и не познал еси Мене, Филиппе? Видевый Мене виде Отца, и како ты, глаголеши: покажи нам Отца?* «Ты пользовался столько времени учением, видел чудеса, совершенные со властью, видел все, что свойственно Божеству и что творит один только Отец, как-то: отпущение грехов, обнаружение сокровенных таин, прогнание смерти, создание из земли, – и ты не познал Меня», – и какое откровение могло бы лучше и совершеннее явить тебе Отца, если не откровение Его в Сыне, Который есть *сияние и образ ипостаси Его* (Евр. 1, 3), – а ты говоришь: *покажи нам Отца?* Познание Отца через воплотившегося Сына вполне согласовалось с состоянием учеников, которые, будучи облечены плотью, по немощи человеческого естества не могли созерцать Того, Кто *во свете живет неприступнем, Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. 6, 16). И между тем, такое познание не есть только познание образное, потому что и Сын не есть только видимый образ Отца; напротив, оно есть познание существенное, потому что Сын и Отец единосущны: в Них одна природа, и как Сын от века пребывает *в лоне Отчи* (Ин. 1, 18), так и Отец от века являет Себя в Сыне. Изрекаемые Сыном слова и совершаемые дела столько же принадлежат Отцу, как и Сыну, при единосущии Их природы. *Не веруеши ли,* – продолжал Спаситель вразумлять в лице Филиппа Своих учеников, – *яко Аз во Отце и Отец во Мне есть? глаголы, яже Аз глаголю вам, о Себе не глаголю; Отец же, во Мне пребываяй, Той творит дела.* Господь говорил это не к умалению Своего Божественного величия, а для выражения совершеннейшего единения Лиц в единстве Божеского существа, и убеждал Своих учеников воспринять великую тайну Божества твердою и несомненною верою: *веруйте Мне, яко Аз во Отце и Отец во Мне, аще ли же ни,* – «если вы не столько возвышены духом и тверды в вере, чтобы созерцать истину чистым умом, и нуждаетесь в наглядных, осязательных доказательствах, *за та дела веру имите Ми:* эти необычайные и чудные дела приведут вас к убеждению в истине». Господь Иисус Христос, в утешение ученикам, которых, отходя к Отцу, оставлял в мире, обещал, что чудодейственная сила, проявлявшаяся в делах Его и доказывавшая Божество Его, по особому устроению Промысла, будет преподана и всем верующим, которые совершат такие же, и даже бо льшие дела для того, чтобы преодолеть упорство врагов христианства. Это обетование Он повторил еще раз по Воскресении Своем (Мк. 16, 17–18). *Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит, яко Аз ко Отцу Моему гряду.* Хотя по видимому в этих словах Богочеловека дела Его уравниваются с делами верующих в Него,

но, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, в этих же словах сокрыта мысль и о несравненном превосходстве Лица и дел Господа над делами человеческими: «не говорит: Я могу совершить дела и больше этих, но, что гораздо удивительнее, могу, говорит, и другим дать власть совершать дела больше этих дел». «По делам Моим веруйте в Меня, – как бы так сказал Господь, – сила, действующая в них, есть собственно Мне принадлежащая, Божественная сила, независимая и ни от кого не заимствуемая, и от Меня только сообщаемая людям, которые могут иногда те же (по внешнему образу) дела творить; но не иначе, как силою от Меня дарованною, и по вере в Меня, как истинного Сына Божия». Если же, по обетованию Господа, дела, совершаемые верующими, будут *больше* дел Его, то это должно отнести к особому смотрение Божию, ввиду настоявшей нужды, но и в них действовала та же всемогущая сила Господа, верою привлекаемая (Мф. 21, 21), которою и Он творил Свои дела. «Что же большего сделали апостолы? – спрашивает святитель Иоанн Златоуст и отвечает: больше и по существу, ибо тень Христова не воскрешала мертвых, а тень апостолов могла это сделать (Деян. 5, 15); больше и по образу, ибо Христос Сам, как владыка, творил чудеса, а после Него слуги Его святым именем Его (Деян. 3, 6; 5, 12) творили чудеса еще обширнейшие и важнейшие, дабы тем с большею славою явилось Его всемогущество. Когда другой именем Его совершает чудеса, то это гораздо важнее, нежели то, что Он Сам Своею силою творит их». Напоминанием об отшествии к Отцу Спаситель изъясняет причину, почему Он дает верующим такую необычайную чудодейственную силу, указывает и самое время, когда раскроется эта сила во всем поразительном могуществе. «Сила веры, – как бы так говорил Господь, – о которой Я вам возвещаю, и чудеса, которые она произведет на земле, послужат сильнейшим доказательством того, что Я нисшел от Отца, что Я – истинный Сын Его; и Я потому имею власть дать такую силу верующим в Меня, что Я – ходатай за них перед Отцом, и посему, когда Я взыду к Отцу, совершив дело искупления, для которого пришел в мир, тогда именно вера во имя Мое окажет на земле все чудеса».

Господь, направляя Свою речь к утешению учеников, опечаленных приближавшейся разлукой с Ним, возвестил, что отшествие к Отцу, необходимое заключительное действие спасительного служения Его на земле (Ин. 16, 7), не прервет тесной взаимной связи Искупителя с искупленными Им. Кроме чрезвычайных даров веры, не всегда и не всякому благопотребных, есть для верующих неисчерпаемый источник благодатных даров в молитве. *И еже аще что просите от Отца во имя Мое,* – говорил Господь, – *то сотворю, да прославится Отец в Сыне,* и, усиливая речь, повторил: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю.* Святое имя Спасителя, произносимое с верою, дает силу молитве, которая низведет просящим от Отца светов всякое даяние благо и всяк дар совершен (Иак. 1, 17) и тем самым послужит к большему прославлению Отца через Сына, всегда желавшего славы Отца (Ин. 12, 28). Но эта всесильная вера, чудодействующая, проникающая небеса, должна оживляться тою деятельною любовью, которая выражается в соблюдении заповедей Господних: *аще любите Мя, заповеди Моя соблюдите.* Все великое дело искупления есть выражение неизреченной любви Божией к падшему человечеству (Ин. 3, 16; 1 Ин. 4, 9, 10), требующее со стороны человека посильного соответствия в делах любви к Богу и ближнему (1 Ин. 4, 11, 19). Все заповеди Христовы сосредоточиваются в одной главной – любви, которая есть *исполнение закона* (Рим. 13, 10). А посему и для Своих последователей Господь указал единственное побуждение, из которого только и может проистекать деятельность, истинно угодная Богу, чуждая своекорыстия и расчета. Он не желал, чтобы заповеди Его служили какимилибо стеснительными узами или тяжелым, неудобоносимым бременем, побуждали страхом наказания или же привлекали надеждою на земную выгоду. Чистая святая любовь к Искупителю и как необходимое выражение ее – взаимная любовь друг к другу (1 Ин. 4, 12, 20), – вот то основное правило, которое должно проникать жизнь Христовых учеников.

Между тем последние часы земной жизни Господа текли быстро. Наступало время окончания искупительного служения Его – и теперь, ввиду Голгофы и креста, необходимо было преподать самое сильное и действительное утешение ученикам, скорбевшим о предстоящей разлуке с возлюбленным Учителем. Открывая перед очами их будущее, Спаситель возвестил, что с отшествием Его из мира настает просвещающее и освещающее действие третьего Лица Пресвятой Троицы – Святаго Духа, Который, в силу заслуг Его, довершит дело спасения искупленного человечества: *Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, Егоже мир не может прияти яко не видит Его, ниже знает Его; вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет.* Божественный Дух есть Лицо, отличное от Бога Отца и Сына Божия, хотя и единое с Ними по существу, так что, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, Христос, «сказав: *иного*, указывает на различие Его ипостаси, а сказав: *Утешителя*, – на единство существа». Сей Дух есть *Дух истины,* Который *наставит* верующих *на всякую* душеспасительную *истину* (Ин. 16, 13), – *Утешитель*, Который невидимым сопребыванием с ними заменит для них личное присутствие Утешителя Христа, – заменит и в учении, и в делах веры, и в чудесных проявлениях Божественной силы. Он неведом миру, т. е. «злым людям», потому что есть Дух истины, чистоты, святости: *кое общение свету ко тме* (2 Кор. 6, 14)? *Мир, весь во зле лежащий* (1 Ин. 5, 19), погруженный в греховной нечистоте, не только не может принять и вместить Его, но даже не способен видеть и знать Его. Христовы ученики, *избранные от мира* (Ин. 15, 19), также не видели Духа Святаго в личном откровении Его, *яко Иисус не у бе прославлен* (7, 39), но уже знали по тем благодатным действиям, которыми Святый Дух предуготовлял их в жилище Себе. Радостное обетование о Духе Утешителе окончательно исполнилось в сошествии Его на апостолов в день Пятидесятницы, а доселе исполняется и будет исполняться до конца мира в пребывании Его в святой Христовой Церкви. Не слабыми руками человеческими, но всемогущей силою Духа Божия апостолы воздвигли здание Церкви на краеугольном камне Христе (Деян. 4, 11; 1 Кор. 3, 11); полное устройство ее, раскрытие в ней благодатных средств к освящению и спасению людей, есть действие того же Духа Божия, поставляющего в Церкви пастырей для продолжения дела апостольского (Деян. 20, 28). Дух Утешитель, по обетованию Господню, обитает в Церкви, как душа в теле, и будет обитать вечно, как вечно это самое тело.

Но, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, несмотря на все это, несмотря на торжественное обетование Духа Утешителя, сердца апостолов продолжали волноваться скорбными чувствами. Господь «не уничтожил в учениках печали: они хотели видеть Его, желали, чтобы Он был с ними». Успокаивая их с нежностью отца, искренне любящего своих детей, Спаситель возвестил им, что не только придет к ним другой Утешитель, но и Он Сам не оставит их Своим невидимым, духовным сопребыванием: *не оставлю вас сиры: приду к вам.* По Воскресении Своем Господь многократно являлся ученикам, удостоверяя их в том, что Он жив (Деян. 1, 3), и, заповедуя им продолжать дело Евангельской проповеди, обещал Свое соприсутствие с ними и преемниками их в*о вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Это общение с верующими в Духе Святом, Который восприимет совершенное Богочеловеком дело спасения людей для освящения их Своим благодатным действием (Ин. 16, 14), Господь назвал пришествием к ним, и чтобы они «не ожидали такого же самого пришествия, какое было прежде, дал это разуметь» в следующих словах: *еще мало, и мир ктому не увидит Мене, вы же увидите Мя, яко Аз живу и вы живи будете,* – «как бы так говорил: крест не разлучит нас навсегда, но только на самое малое время сокроет Меня; Я приду к вам, но не так, как прежде, когда Я каждый день непрестанно был с вами». В единении с Господом, источником жизни, верующие обретут для себя залог истинной жизни (Ин. 6, 54) и, как живые, будут зреть Его *просвещенными очесами сердца* (Еф. 1, 18), т. е. очами веры. Такое видение невозможно для людей мира, произвольно удаляющихся от света истины и

пребывающих во тьме неверия (Ин. 3, 19), но для людей верующих, истинных последователей Господа, оно, начинаясь в этой жизни, продолжится в будущей: «под жизнью, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – Он разумеет, как мне кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую». к вящему утешению скорбящих учеников Спаситель открыл им будущее теснейшее Таинственное единение их с Собою и Своим Отцом: *в той день уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас.* Настанет день славного Воскресения Господня, настанет день сошествия Святаго Духа, – апостолы тогда опытно уразумеют и внутренне восчувствуют благодатное единение с Господом, которое обнаружится в непреоборимой силе проповеди их. «Когда Я воскресну, тогда вы узнаете, что Я не отделен от Отца, но имею то же могущество, и что Я всегда пребываю с вами, так как в то время самые события будут возвещать о подаваемой от Меня помощи». Но такое единение с Господом, нравственное и благодатное, достигается верными последователями Его не иначе, как неуклонным исполнением заповедей Его, осуществлением святого учения Его в жизни своей, в поступках, мыслях и желаниях. В последние часы Своей прощальной беседы с учениками Господь неоднократно повторял им, с целью тверже напечатлеть в памяти их, ту истину, что соблюдение заповедей Его есть единственное, несомненное, наглядное свидетельство и выражение истинной и нелицемерной любви к Нему (Ин. 14, 15, 23; 15, 10). И впоследствии апостол любви, святой Иоанн Богослов, помня завет Учителя, внушал верующим ту же самую истину (1 Ин. 2, 4–5; 3, 24; 5, 3; 2 Ин. 1, 6).

Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, – говорил Господь*, – той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам.* Это обетование о явлении, весьма утешительное для апостолов, опечаленных предстоявшей разлукой с Господом, ближайшим образом исполнилось в явлениях Его ученикам по Воскресении. Оно и до сего времени исполняется в отношении к верующим, по замечанию святителя Филарета Московского, различным образом: «опыты любящих Господа показывают, что Он является им, смотря по их потребности и способности, иногда образно и лицезрительно, в своем обоженном человечестве, а иногда неизобразительно, однако, тем не менее, существенно и действительно, подавая им Свой мир, превосходящий всяк ум, Свою радость, неизглаголанную и прославленную, Свой внутренний благодатный свет, зарю дня невечернего, отсвет славы вечной».

Чаяние земного Царства Мессии не оставляло учеников далее ввиду страданий и креста Божественного Учителя. Один из числа двенадцати апостолов, Иуда, сын Иакова, иначе называемый Левеем, или Фаддеем (Мф. 10, 3; Лк. 6, 16), понял обетование Господа о явлении в смысле славного открытия давно ожидаемого земного, мирского владычества Его, и высказал Ему свое недоумение: *Господи, и что бысть, яко нам хощеши явитися, а не мирови?* Представляя будущему просветительному действию Духа истины очистить мысль ученика (Ин. 14, 26; 16, 12–13), коснеющую в земных понятиях, Господь не отвечал на предложенный вопрос прямо, а повторил сказанное прежде с таким видоизменением речи, которое не допускало никакого произвольного толкования: *еще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мои возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим.* Это образное выражение означает духовное, Таинственное общение человека верующего и веру оправдывающего делами любви, в каком он находится с Трипостасным Богом – Христом Спасителем и Отцом Небесным во Святом Духе. Но человек от мира сего, не верующий откровению Отца через Сына, не любящий Сына и не соблюдающий заповедей Его, не может быть участником того Таинственного откровения Божества, о котором Господь возвестил: *не любяй Мя словес Моих не соблюдает, и слово, еже слышасте, несть Мое, но пославшаго Мя Отца.* После сего ученики должны были понять, что не только не могло быть речи о чувственном Царстве Спасителя, но что и самое духовное, благодатное откровение Божества будет доступно лишь душам избранным.

Богочеловек знал, что немного времени остается Ему быть в святом обществе Своих возлюбленных учеников, а посему беседа Его делается еще сердечнее. Желая успокоить мятущееся чувство их и приготовить их к грядущим событиям, Он открывает перед ними будущее, настолько, насколько это было необходимо в тогдашнем положении их. Все недоумения, какие могут возникать в умах их, по причине забвения или непонимания слов Учителя, объяснятся и разрешатся с пришествием нового Утешителя, Которого пошлет им Отец во имя и по заслугам Христа Спасителя, совершившего искупление человеческого рода. *Сия глаголах вам, в вас сии: Утешитель же, Дух Святый, Егоже послет Отец во имя Мое, Той вы научит всему, и воспомянет вам вся, яже рех вам.* – Какое радостное обетование для учеников, опечаленных близкою разлукою! «Это Он говорит, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – с тем, чтобы приготовить их к мужественному перенесению Его отшествия, так как оно будет для них источником великих благ, а беспрестанно упоминает об Утешителе потому, что они тогда были одержимы скорбью». Для окончательного успокоения тех, которых Господь, избрав от мира, до *конца возлюбил* (Ин. 13, 1), Он, Своим животворным и действенным словом изгоняя всякий страх и смущение из сердец их, вселяет в них Свой мир, – плод благодатного озарения верующей души Божественным светом: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Да не смущается сердце ваше, ни устрашает.* Благожелания мира, расточаемые миром, не имея внутренней силы обыкновенно остаются без действия и бесследно исчезают, да и «внешний мир часто бывает и вреден, и бесплоден, и бесполезен для тех, которые имеют его»; но благодатный мир Христов, вселяясь в душу человека, ищущего успокоения в Боге, приносит с собою вожделенный покой, которого не могут нарушить никакие скорби и страдания, никакие враждебные приражения и усилия. И этот мир, подаваемый Тем, Который Сам есть *мир наш* (Еф. 2, 14), не только успокаивает колеблемый сомнениями дух человека, но, выражаясь вовне, связует учеников Его в одно духовное общество, где каждый отдельный член находит себе потребную помощь и опору. С даром благодатного мира, как наиболее необходимым и полезным, Гос подь обращается к святым апостолам и по Своем Воскресении (Ин. 20, 19, 21). Да и теперь, если бы они уразумели все необъятное значение отшествие от них Учителя, то не страх и скорбь наполнили бы сердца их, а радость и веселие об исполнении домостроительного смотрения Божия о спасении человеческого рода. *Слышасте,* – продолжал Господь, – *яко Аз рех вам: иду и прииду к вам; аще бысте любили Мя так, как должны бы любить, возрадовалися бысте убо, яко рех: иду ко Отцу, яко Отец Мой болий Мене есть.* По изъяснению святителя Афанасия Александрийского, Он назвал Отца большим, с одной стороны, «по причине рождения Своего от Отца»: «поелику начало Сына от Отца, – говорит святитель Василий Великий, – посему Отец и более, как виновник и начало», а с другой – по причине соединения «с удобостраждущим телом, которое понес на Себе Сын», сделавшись человеком (святитель Афанасий Александрийский). Спаситель утешал учеников Своих, указывая им на ту славу и честь, равную Богу Отцу, какую имел от вечности по Божеству (Ин. 17, 5) и скоро восприимет по человечеству: «доколе Я здесь, вам естественно думать, что мы находимся в опасности: если же Я отойду туда, верьте, что мы вне опасности» (святитель Иоанн Златоуст). Все сказанное Господом ученикам в эти последние часы пребывания с ними, открывая перед духовными взорами их приближающиеся великие события, должно было служить для них спасительным предупреждением и по мере исполнения предречений – наилучшим укреплением веры: *ныне рех вам о том, прежде даже не будет: да егда будет, веру имете.* Но Господь ясно видел, как еще слабы и немощны души учеников, не укрепленные благодатью Святаго Духа. Самонадеянные и горделивые помыслы их легко могли открыть доступ в малое стадо Христово врагу Божию – духу тьмы, который, похитив Иуду предателя, искал себе новой добычи. Нужно было теперь, в прощальной беседе, предостеречь учеников от грозящей опасности, и в особенности пламенного и более других самонадеянного Петра. *Симоне, Симоне,* – произнес

Господь, читая мысль его, – *се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу, Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя, и ты некогда обращся утверди братию твою.* Зерна просеваемой пшеницы приходят в сильное движение, сталкиваются и даже выбрасываются вон: какое выразительное подобие того волнения и беспокойства, той нравственной бури, какие сатана хотел навести на мирное общество учеников Христовых! Исконный враг человеческого рода намеревался поразить их различными бедствиями для того, чтобы подвергнуть испытанию веру их, подобно тому, как он поразил Иова лишением детей, имущества и лютой болезнью. Такое испытание грозило величайшей опасностью совершенного падения. Богочеловек Своею молитвою к Отцу Небесному предотвратил эту опасность и вместе с тем открыл Петру о временном падении его и скором восстании и раскаянии, заповедав ему воспользоваться горьким опытом для большего утверждения в вере своих собратий.

Ночь, единственная в летописях человечества, покрывала мраком и храм, и город Иерусалим, и все его окрестности. Благочестивые ревнители закона, утомленные праздничными приготовлениями, искали отдохновения, чтобы на следующее утро продолжить священные обряды, для которых они пришли издалека. Но враги Христовы не спали: движимые духом тьмы, они замыслили привести в исполнение богоубийственный план и схватить Иисуса. Бодрствовал и предатель Господа и в последний раз совещался с теми, которым продал своего Учителя: эта ночь представлялась для них временем самым удобным для темного дела. Но Всеведущий видел и знал все, и, обращаясь к ученикам, сказал: *ктому не много глаголю с вами, грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже.* Князь, владычествующий над миром, погруженным во зле (1 Ин. 5, 19), т. е. диавол, в безгрешном Богочеловеке не имеет ничего, над чем бы мог господствовать, или, по выражению святителя Афанасия Александрийского, «во втором Адаме» не обрел ничего такого, что сам произвел в первом Адаме. И затем, желая снова ободрить учеников и показать им, что Он не против воли, но и добровольно идет на смерть» (святитель Иоанн Златоуст), Господь присовокупил: *но да разумеет мир, яко люблю Отца и якоже заповеда Мне Отец, тако творю. – Востаните, идем отсюду.* «Я, говорит, не подвластен смерти и не подлежу ей, но переношу ее из любви к Отцу: умертвят Меня, потому что Я так хочу и да познает мир, что Я люблю Отца». Сказав это, Спаситель пригласил учеников идти вместе с Ним навстречу приближающемуся врагу.

Все встали, и, собираясь в ночной путь и, как можно было понять из слов Учителя, путь небезопасный, начали забирать свои вещи, а некоторые запасались даже оружием (Лк. 22, 38; Ин. 18, 10). Ученики смутно чувствовали, что наступает для них другое время, полное бед и скорбей, когда не будет с ними Божественного Друга и Защитника и когда они должны, ввиду грозящих опасностей, опереться на самих себя. Приготовляя учеников к новому положению, Господь в образной речи возбуждал к особой бдительности и самостоятельному подвигу. При этом Он напомнил им о том времени, когда посылал их на проповедь (Мф. 10, 10), и указал на разность тогдашнего и настоящего положения: *егда послах вы без влагалища, и без меха, и без сапог, еда чесого лишени бысте?* Ученики отвечали: *ничесоже. Но ныне,* – сказал Господь, – *иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех, а иже не имать, да продаст ризу свою и купит нож.* Теперь ученики останутся одни, без видимой защиты и руководства Своего Учителя, и, исходя на проповедь Евангелия, должны приготовиться к борьбе с опасностями и мужественному перенесению разнообразных бедствий и гонений. Позволяя им взять мех и суму, Господь прикровенно давал понять, что скоро предстоит им испытать голод и различные лишения (2 Кор. 6, 4–5). «Вначале и при первых шагах, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – Он не попустил им потерпеть чего-либо, но везде был присущ им, ограждая и охраняя их и все предоставляя им в изобилии, а когда надлежало им показать и собственное мужество, то Он несколько сократил Свою благодать, заповедав им совершать многое и собственными силами; посему, когда они не имели ни сапог, ни пояса, ни посоха, ни меди, то не терпели ни в чем недостатка, а когда Он заповедал им и влагалище,

и мех, и сапоги, то они оказались и алчущими, и жаждущими, и наготующими». Слыша о мече, – продолжает святой отец, – мы будем разуметь не то, будто Он повелел приобрести мечи, но то, что мечами Он выражает угрожающие козни и что Ему предстоит потерпеть от иудеев то, что Он потерпел, – это видно из дальнейших слов Его: *глаголю бо вам, яко еще писаное се, подобает да скончается о Мне, еже: и со беззаконными вменися, ибо еже о Мне, кончину имать.* Слова, заимствованные из пророчества Исаии о страданиях Мессии (53, 12), буквально исполнились, когда Христос был распят между двумя разбойниками (Мк. 15, 27–28). Смущенные ученики, не проникая в истинный смысл речи Господа, подумали, что Он говорит о необходимости защищаться мечами в случае опасности, и поспешили похвалиться: *Господи, се ножа зде два.* Один из этих ножей был у Петра (Ин. 18, 10), который, без сомнения, особенно радовался такой предусмотрительности и впоследствии воспользовался своим оружием, за что и получил тогда же кроткий упрек Учителя. Если бы ученики спокойно размыслили о своем ответе, то могли бы заметить, как эти два ножа мало значили в сравнении с темными силами ада, сатаны и всех пособников их, искавших смерти Божественного Учителя! Господь видел, что ученики не понимают Его и, предоставляя будущему времени вразумить их, прервал речь кратким словом: *довольно* об этом.

Пасхальная вечеря обыкновенно оканчивалась пением хвалебных псалмов. В этих псалмах (110–118) вдохновенным языком древних священных песнопений прославлялись чудные благодеяния Божии ветхому Израилю, явленные в избавлении его из страны рабства. Но в устах сынов нового Израиля, святых апостолов, эти песнопения получали иной смысл, были *новою песнью* (Пс. 95, 1), в которой возносилась хвала Богу Спасителю о спасении всего рода человеческого от духовного рабства греху и диаволу. По окончании пения Господь в сопровождении учеников пошел к горе Елеонской и, желая предупредить апостолов о том, что вскоре совершится с ними, сказал им: в*си соблазнитеся о Мне в нощь сию, писано бо есть: поражу пастыря и разыдутся овцы.*

Это пророчество находится у Захарии (13, 7) и, по толкованию блаженного Феофилакта, «поражение Сына приписывается Отцу в том смысле, что иудеи распяли Господа по изволению, т. е. по допущению Отца», а овцами называются апостолы, «как люди незлобивые». Господь указал на древнее пророчество для того, чтобы «ученики не соблазнились и не вменили (предречение Его) себе в укор». С этой же целью Он поспешил утешить их радостною вестью: *по Воскресении Моем, варяю ей в Галилеи,* где и произошло одно из явлений воскресшего Господа (Мф. 28, 16). Тогда Петр с самонадеянностью сказал Ему в ответ: *аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогдаже соблажнюся.* В такой самоуверенной речи, по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, были «два преступления: первое – то, что он противоречил, а второе – что предпочитал себя другим, или, лучше сказать, было и третье преступление – то, что все приписывал Самому себе». Для уврачевания недугующего гордостью ученика Господь предсказал ему падение: *аминь глаголю тебе, яко ты днесь в нощь сию, прежде даже вторицею петель не возгласит, трикраты отвержешися Мене.* И как точно исполнилось это предречение! Но ослепленный самомнением Петр еще с большим усилием продолжал уверять: *аще же ми есть с Тобою и умрети, не отвергуся Тебе.* Прочие ученики, не испытав искушения и, по замечанию блаженного Феофилакта, «выражая тщетную горячность», обещали то, чего, по немощи своей, не могли исполнить, и говорили, что подобно Петру, не оставят своего Учителя ввиду грозящей Ему опасности.

Продолжение прощальной беседы *Ин. Гл. 15 и 16*

Путь к горе Елеонской пролегал между виноградниками, расположенными по склонам возвышенностей на восточной стороне города. Как прежде неоднократно, так и теперь Господь наш Иисус Христос воспользовался тем, что представляла окружающая Его природа для разъяснения ученикам теснейшего единения, в каком они должны находиться с Ним. Еще древние пророки уподобляли народ Израильский винограду, к которому приложены все попечения небесного Домовладыки (Ис. 5, 1; Иер. 2, 21; Иез. 15, 2). Живописным образом виноградной лозы с ее разветвлениями, знакомым и из обыденной жизни, и из ветхозаветных писаний, Спаситель делал понятною апостолам ту тесную связь, какою соединены они между собою и с Ним. *Аз есмь лоза истинная и Отец Мой делатель есть. Всяку розгу о Мне, не творящую плода, измет ю, и всяку творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет. Уже вы чисти есте за слово, еже глаголах вам. Будите во Мне, и Аз в вас: якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есть лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает.* Ветви вырастают и развиваются из лозы, от нее получают свои соки и жизнь, и лишь в соединении с нею приносят плод: так и ученики Христовы, находясь в благодатном общении с своим Учителем и Господом, духовно живы и от Него питаются «плодоношениями добрых дел» (святитель Василий Великий). Если же это общение прервано, происходит то же, что и с ветвями, отделенными от лозы: они теряют жизнь, засыхают и ввергаются в огонь. Без оживляющей, просвещающей и укрепляющей благодати Божией, получаемой верующей душою во имя Христово, все мы, по выражению святителя Григория Богослова, «живые мертвецы». Для пребывающего в общении со Христом сила Его то же, что воздух для птицы и вода для рыбы, а отделившийся от Христа и лишившийся благодатной помощи Его впадает в нравственное бессилие и умирает для жизни христианской. Утешая учеников, Господь указывал им на благодатную помощь свыше, потому что единение с Ним и хранение в сердце святого учения Его придает молитве веры особую силу, достигающую исполнения просимого во имя Христово (Ин. 14, 13–14): *аще пребудете во Мне, и глаголи Мои, в вас пребудут; егоже аще хощете, просите и будет вам.* Ученики Христовы докажут, что они не напрасно носят это имя, если подвигами ревностной проповеди и распространения на земле дела своего Учителя будут содействовать славе Отца Небесного: *о сем прославися Отец Мой, да плод мног сотворите и будете Мои ученицы.* Вся деятельность их должна быть одушевлена высшим началом христианской нравственности – святою любовью: *якоже возлюби Мя Отец и Аз возлюбих вас, будите в любви Моей,* – и *сия* любовь выражается деятельным последованием учению Его: *аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей, якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох и пребываю в Его любви.* И при таком единении нет места смущению и печали: *сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится.* «Я уничтожаю печаль, показывая вам, что о настоящих событиях нужно не печалиться, а радоваться» (святитель Иоанн Златоуст). *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы: больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя.* Такую любовь явил Сам Господь, пострадавший и распятый за спасение мира; такую же любовь между собою должны иметь и ученики Его, потому что, жертвуя друг за друга жизнью, они докажут, что любят друг друга, как и Христос возлюбил их. Исполнением заповедей Учителя, особенно же главнейшей – о самоотверженной любви, ученики делаются не только близкими между собою, но и близкими к своему Господу, доверенными друзьями Его, которым Он открывает

всю волю Божию о спасении рода человеческого настолько, насколько они могут вместить (Ин. 16, 12): *вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам; не ктому вас глаголю рабы, яко раб не весте, что творит господь его, вас же рекох други, яко вся, яже слышах от Отца Моего сказах вам.* Но при этом союзе дружества и любви они не должны забывать, что Господь есть Учитель их, избравший и уполномочивший их на великое дело проповеди и распространения на земле благодатного Царства Его: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет, да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам.* Это радостное обетование о силе молитвы, как действительного средства общения с Отцом Небесным, Господь не раз уже дает ученикам в предсмертной беседе с ними (Ин. 14, 13–14; 15, 7).

Всеведущий ясно зрел, что час разлуки с учениками приближается, и, желая укрепить их среди наступающих искушений, опять подтвердил заповедь о взаимной любви: *сия заповедаю вам, да любите друг друга.* Такая любовь, соединив верующих в одно святое общество, даст им возможность победно выдержать борьбу с враждебным миром, который устремится против них. Впрочем, для учеников должна была служить ободрением также и та мысль, что ненависть, с какою отнесется к ним погрязший в зле мир, собственно направлена против Самого Христа, а посему и страдания их будут страданиями за Христа, за которые ожидает их *мзда многа на небесех* (Мф. 5, 12). *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде.* И «скорбеть не следует о том, что вас будут теперь ненавидеть, а напротив нужно было бы скорбеть тогда, когда бы вас стали любить, – это было бы явным знаком вашей порочности» (святитель Иоанн Златоуст); *аще от мира бысте были,* т. е. были бы проникнуты правилами и стремлениями людей века сего, своекорыстных, самолюбивых, *мир убо свое любил бы, якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, отделил от него, чтобы сделать провозвестниками новой жизни, сего ради ненавидит вас мир.* И может ли быть иначе? *Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий господа своего, аще Мене изгнаша, и вас изженут, аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдут*. Спаситель говорил святым апостолам об этом еще при отправлении их на проповедь (Мф. 10, 24), говорил и в прощальной беседе во время Тайной вечери (Ин. 13, 16). Он напоминает сказанное прежде, потому что соучастие в страданиях с Ним должно было служить для учеников немалым утешением и ободрением. Новое утешение – в том, что эти страдания будут неповинные, единственно за веру, за исповедание имени Христова: *сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведят Пославшаго Мя.* Такое неведение гонителей, проистекая от ожесточенного неверия, есть непростительный грех, в котором выражается ненависть ко Христу и Небесному Отцу Его: *аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели, – ныне же извинения не имут о гресе своем.* Хотя и были даны избранному народу пророчества, предвозвещавшие Христа, но до пришествия Его, речения пророков, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не были ясными и понятными для иудеев: притом, от них не требовалась вера во Христа» – такая, как по пришествии Его. А теперь, по совершении пророчеств, после ясного откровения воплощенного Слова Божия (Ин. 17, 6–8), неверующие виновны в сознательном и упорном противлении истине. Они не имеют извинения и в том случае, когда стали бы вооружаться на защиту Отца против Сына (Ин. 10, 31–33), потому что ненависть к Сыну, при единосущии Отца с Сыном, есть ненависть также и к Отцу: *ненавидяй Мене и Отца Моего ненавидит.* Грех неверия учению Господа иудеи отягчили еще более грехом неверия тем необычайным делам всемогущества, которыми Он доказывал Божество Свое (Ин. 5, 36; 10, 25, 37–38): *еще дел не бых сотворил в них, ихже ин никтоже сотвори, греха не быша имели – ныне же и видеша, и возненавидеша Мене и Отца Моего.* Впрочем, в этой слепой ненависти, не имеющей причины и основания, исполняется древнее пророчественное слово (Пс. 34, 19; 68, 5), в котором изображается невинно страждущий праведник, как прообраз Мессии: *да сбудется слово, писанное в законе их, яко возненавидеша Мя туне.*

Ввиду приближающейся разлуки с учениками Господь раскрыл им со всею ясностью те гонения и бедствия, какие ожидают их в мире, среди развращенных и неверующих сынов века сего, а вместе с тем утешил обетованием Святого Духа, Который запечатлел убеждение их в истине Христовой Своими неизглаголанными вещаниями внутреннему чувству их, или же чрезвычайными знамениями и чудесами: *егда приидет Утешитель Егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне, и вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте.* «Свидетельство его будет достоверно, ибо Он Дух истины: как Дух истины, Он будет свидетельствовать об истине; как исходящий от Отца, Он знает все в точности, ибо Он от Того, от Кого всякое познание». В словах Спасителя сообщается святым апостолам, между прочим, глубочайшая тайна Божества, потому что, по толкованию святых отцов, выражением: *Егоже Аз послю вам от Отца,* указывается на временное послание в мир Духа Святаго, в силу заслуг Искупителя (Ин. 7, 39; 16, 7), а другим выражением: *Иже от Отца исходит,* – на вечное исхождение от Бога Отца. Ясное предсказание Господа о том, что вскоре совершится, должно было служить для учеников предостережением среди грозящих им опасностей и соблазнов: *сия глаголах вам, да не соблазнитеся. Настанут тяжкие испытания: от сонмищ ижденут вы, но приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу.* Это время наступило вскоре по вознесении Господа, когда сначала иудеи, а потом и язычники, воздвигли жестокое гонение на христиан, и, проливая неповинную кровь, в крайнем ослеплении мнили, что совершают дело богоугодное.

Причину такого ослепления Спаситель указывает опять (Ин. 15, 21) в упорном неверии, отвергающем все предложенные средства спасения: *сия сотворят, яко не познаша ни Отца, ни Мене.* Господь и прежде неоднократно предвозвещал ученикам о той вражде, с какою встретит их неверующий и развращенный мир, о тех гонениях и бедствиях, которые ожидают их на поприще Евангельской проповеди (Мф. 5, 10; 10, 16–22; 24, 9; Лк. 6, 22; 12, 4), но никогда Он не говорил о предстоящих ученикам страданиях так ясно и определенно, как теперь, в эти последние часы пребывания с ними. Предречение Господа впоследствии должно было служить для апостолов ободрением и утешением в трудном подвиге, который предстоял им: *сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко Аз рех вам, сих же вам исперва не рех, яко с вами бех.*

Ученики молчали, но Сердцеведец Господь зрел, что мысль об отшествии Его продолжает смущать их. Смущение их увеличивалось еще представлением тех бедствий, которые они должны будут испытать по разлуке с Божественным Учителем. Незадолго перед сим ученики обращались к Нему с разными вопросами; Петр говорил: *камо идеши* (Ин. 13, 36)? и Фома: *не вемы, камо идеши, и како можем путь ведети* (14, 5)? А теперь после прощальной беседы Господа, в которой преподано им столько откровений о будущей судьбе их и столько утешительных обетований, сердечная тоска связывала их уста. Ученики скорбели, не проникая в тайну домостроительства спасения, как «люди еще несовершенные», по выражению святителя Иоанна Златоуста, еще не просвещенные наитием Святаго Духа. Отшествие Господа представлялось им в виде печальной разлуки с единственным Другом, Покровителем и Наставником. В утешение смущенных учеников Спаситель снова указывает им на великие плоды Своего отшествия, снова возвещает им о ниспослании иного Утешителя, и притом не иначе, как именно вследствие отшествия Своего. На эту-то радостную сторону разлуки с Учителем никто из учеников не обращал внимания, несмотря на предупреждение Господа (Ин. 14, 28). Прерывая общее молчание, как бы с кротким упреком, Спаситель сказал им: *ныне иду к Пославшему Мя и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши? Но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша.* «Вместо того, чтобы стараться узнать, зачем и с какою целью Я отхожу от вас, вы только скорбите и смущаетесь, а между тем отшествие Мое от вас к Отцу Небесному необходимо для истинной вашей пользы». *Аз истину вам гла-*

голю: уне есть вам, да Аз иду, аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам, аще ли же иду, послю Его к вам. И это пришествие Святаго Духа, утешительное для учеников, будет обличительным для мира, враждебного Христовой истине. Оно будет как бы завершением спасительного дела Христова, победным торжеством над князем зла и всеми слугами его: *пришед Он обличит мир о гресе и о правде и о суде, – о гресе убо, яко не веруют в Мя; о правде же, яко ко Отцу Моему иду и ктому не видите Мене, – о суде же, яко князь мира сего осужден бысть.* Так как пришествие Святаго Духа обетовано, прежде всего, апостолам, то и обличительное действие Его должно было совершиться через них же, а именно посредством чудодейственной проповеди их, которая была *явлением Духа и силы* (1 Кор. 2, 4). Три предмета обличения – *грех, правда и суд* обнимают собою всю сущность Христовой истины и разнообразные уклонения от нее. Святый Дух обличит мир проповедью апостолов о тяжком *грехе* неверия в Спасителя Господа Иисуса Христа и в совершенное Им дело искупления, вследствие сего одни покаются и обратятся ко Христу (Деян. 2, 41), а другие ожесточатся еще более (5, 33). Он обличит мир также и *о правде,* засвидетельствовав устами провозвестников Евангелия что Христом явилась *правда Божия* (Рим. 3, 22) и верующие получают оправдание туне, в силу искупительных заслуг Того, Которого *предположи Бог очищение верою в крови* Его, в явление правды Его (Рим. 3, 24, 25). Тогда-то мир восчувствует неправду, оказанную Святейшему Праведнику (1 Пет. 3, 18), отверженному и умерщвленному им, но путем страданий и смерти вошедшему в предвечную славу (Ин. 17, 5). Святой Дух обличит мир и о суде, возвестив через апостолов, что власть духа тьмы, разрушенная крестом Христовым, не простирается более на искупленных (Кол. 2, 14–15) и что *князь мира сего,* т. е. диавол и сатана, действием суда Божия, как предрекал Сам Господь, *изгнан* (Ин. 12, 31) и, как зрел Тайновидец, низвержен в бездну и заключен (Откр. 20, 3). Но этот властный обличитель мира для св. апостолов явится не только Утешителем, а также Просветителем и Наставником, объясняющим и восполняющим вещания самого Господа: *еще много имам глаголати вам, но, – продолжал Спаситель, – не можете носити ныне; егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину, не от Себе бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать и грядущая возвестит вам.* Это слышание есть образное представление того непосредственного ведения Божественных таин, которое принадлежит Святому Духу совокупно с Отцом и Сыном. И как Отец прославился в Сыне учением и делами Его (14, 13; 17, 4), так и Сын прославится в Святом Духе: *Он Мя прославит, яко от Моего приимет и возвестит вам,* – «прославит Меня, как Дух премудрости, в величии Своем открывающий Христа, Божию силу и Божию премудрость» (святитель Василий Великий); «Мое и Его учение одно и то же: откуда Я должен был заимствовать Свое учение, из того же источника и Он будет говорить; не думайте же, что Его учение иное: и оно Мое и увеличивает Мою славу, ибо одна воля Отца и Сына и Святаго Духа» (святитель Иоанн Златоуст). Источник новозаветного откровения есть Триипостасный Бог, а посему учение Святаго Духа – то же Божественное учение, которое проповедано Господом Иисусом Христом, по заповеди Отца Небесного (Ин. 14, 10), так что, как замечает святитель Кирилл Иерусалимский, «Отец все дарствует через Сына и Духа Святаго: Отец дает Сыну, а Сын передает Духу Святому». *Вся, елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего приимет и возвестит вам.* В пришествии Утешителя Духа ученики найдут для себя замену отходящего от них Господа, так что, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «разлука с ними будет кратковременная, а пребывание – постоянное». *Вмале, и ктому не видите Мене, и, паки вмале, и узрите Мя, яко иду ко Отцу.* После скорбных дней разлуки настанет радостное свидание, когда ученики опять узрят воскресшего Господа, а по отшествии Его к Отцу и исполнении обетований об Утешителе Духе насладятся духовным видением Его в благодатном единении (Ин. 16, 22–23). Это Таинственное видение, которому не послужит пре-

пятствием отшествие к Отцу Небесному, будет состоять в радостном, живом чувстве невидимого соприсутствия, обещанного Господом ученикам по Воскресении (Мф. 28, 20).

Последние слова Господа привели некоторых из апостолов в недоумение: им казалось, что Он утверждает два противоречия. Ученики, еще не просвещенные наитием Святаго Духа, не могли возвыситься до разумения Таинственного смысла речи Учителя, а мечтательные ожидания мирского Царства Спасителя не оставляли их даже в эти последние часы земной жизни Его. Незадолго перед сим, в прощальной беседе на Тайной вечери, Господь говорил и об отшествии Своем к Отцу, и о видении Себя учениками (Ин. 14, 19–22), но, как видно, и тогда, и теперь, слова Его не были поняты. Пользуясь минутою остановки речи Учителя некоторые, наиболее пытливые, ученики начали спрашивать один другого: *что есть сие, еже глаголет нам: вмале, и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя, и яко Аз иду ко Отцу? Что сие есть, еже глаголет: вмале? Не вемы, что глаголет.* Но Сердцеведец уразумев, что ученики хотят обратиться к Нему за разъяснением своего недоумения, предупредил их вопросом: *о сем ли стязаетеся между собою, яко рех: вмале, и не видите Мене, и паки вмале, и узрите Мя?* и затем, представляя будущему времени решить им неясное, восполнить недостающее, Господь воодушевил их надеждою на радостное свидание после кратковременной печали: *аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а мир возрадуется, вы же печальни будете, но печаль ваша в радость будет.* Мало того, эта печаль будет заключать в себе залог непрестающей радости, обильной великими духовными утешениями. Для объяснения этой мысли Господь употребил выразительный образ, которым весьма нередко пользовались ветхозаветные пророки (Ис. 21, 3; 26, 17; 37, 3; 66, 7; Ос. 13, 13): *жена, егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея, егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир.* Печаль учеников о разлуке с Учителем уподобляется мукам рождения, потому что после скорби этих дней Гос подь, разрушив державу греха и смерти, явится для них в неизреченной славе СпасителяЖизнодавца. «В одно и то же время, – по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – Он и уверяет в истине Воскресения, и показывает, что отшествие отсюда подобно исшествию на свет из утробы матерней». После Воскресения Господа и по сошествии Святаго Духа апостолы ясно поняли спасительное дело искупления и, преисполнившись радостным дерзновением, *велиею силою воздаяху свидетельство Воскресению Господа Иисуса Христа* (Деян. 4, 31, 33). И если печаль учеников в скорбные дни страданий, смерти и погребения Спасителя будет велика, то тем более – и глубже, и сильнее будет радость их о прославлении Его и исполнении утешительных обетований Его. *И вы же,* – говорил Он ученикам, – *печаль убо имать ныне, паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас.* Настанет блаженное время, когда просвещенные Духом Утешителем ученики не будут нуждаться в особом наставлении и в восполнении своей радости, по молитве во имя Христово получат все, о чем ни попросят Отца Небесного: *и в той день Мене не воспросите ничесоже; аминь, аминь глаголю вам: елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам.* Это радостное обетование, данное молитве веры еще прежде (Мф. 21, 22; Мк. 11, 24), теперь повторено (Ин. 14, 13–14; 15, 7), без сомнения, для лучшего напечатления в памяти учеников. *Но Иисус не у бе прославлен* (7, 39), апостолы, по выражению святителя Филарета Московского, «видели в Нем более Учителя и Благодетеля человечества, нежели Ходатая Бога и человеков, ибо в сем последнем качестве открылся Он наипаче Своими страданиями, смертью и Воскресением», а посему не дерзали призывать имя Его в своих молитвах: по отшествии же своего Учителя они получат и право, и обязанность искать в молитве во имя Его наилучшего для себя утешения: *доселе не просисте ничесоже во имя Мое, просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет.* Тогда-то, по Своем прославлении, Божественный Учитель будет вещать ученикам прямо, без образов и иносказаний, так что ведение их таин Царства Божия будет полнее, яснее, точнее и определительнее: *сия в притчах*

глаголах вам, но приидет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возвещу вам. По толкованию святителя Иоанна Златоуста, «это Он говорит о времени Воскресения, и действительно, в течение сорока дней Он был и беседовал с учениками, вместе вкушая пищу и говоря о Царствии Божии (Деян. 1, 3). И эти наставления были потом приведены им на память и продолжены Утешителем Духом (Ин. 14, 26; 15, 26; 16, 13). Тогда и Сам Отец Небесный станет к ученикам в непосредственно близкие отношения, и, по совершении искупительной жертвы на Голгофе, не встретится надобности при каждой частной молитве их в новом ходатайстве единого Посредника и Ходатая Господа Иисуса Христа (1 Ин. 2, 1; Рим. 8, 34; 1 Тим. 2, 5; Евр. 7, 25). *В той день во имя Мое воспросите, – и не глаголю вам, яко Аз умолю Отца о вас; сам бо Отец любит вы, яко вы Мене возлюбисте и веровасте, яко Аз от Бога изыдох.* И затем Господь, в ясных и кратких словах изображая «весь путь Свой от начала до конца» (святитель Филарет Московский), изрекает сущность Евангельского учения, проповеданного Им в мире: *изыдох от Отца и приидох в мир, и паки оставляю мир и иду ко Отцу.* Лучи истины о Лице Богочеловека, рассеянные в беседах Его, как бы сосредоточиваются в этом изречении в один поразительно яркий луч. Он исшел от Отца, как Единородный Свет Божий, и пришел в мир, как Спаситель, а по совершении дела искупления опять отыдет к Отцу, в предвечную славу.

При таких ясных и определенных словах Господа ученикам показалось, что уже наступило то блаженное время, когда они узрели истину Христову во всей полноте, не прикрытой иносказанием. Они думали также, что и самая вера их, именно теперь после опыта всеведения, обнаруженного Господом, стала непоколебимо твердою и способною выдержать всевозможные испытания. *Се,* – сказали они, – *ныне не обинуяся глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши; ныне вемы, яко веси вся и не требуеши, да кто Тя вопрошает. О сем веруем, яко от Бога исшел еси.* «Видишь, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – как они были еще несовершенны». *Ныне ли веруете?* – с удивлением спросил Господь, и тотчас же разъяснил ученикам Своим, что им «еще многое нужно, чтобы придти к совершенству», что вера их не выдержит первого же испытания, которому скоро подвергнется, и что для достижения совершенства им предстоит перенести много скорбей: *се грядет час, и ныне прииде, да разыдетеся кийждо во своя и Мене единого оставите, и несмь един, яко Отец со Мною есть. Сия глаголах вам, да во Мне мир имате. В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир.* О скорби, какую враждебный мир причинит верующим, Спаситель подробно говорил в этой же беседе (Ин. 15, 18–21; 16, 1–8); теперь Он обращает внимание их на то, что, при всем мужестве, необходимом для перенесения грядущей скорби, они должны искать себе помощи и опоры в Нем, – *Начальнике и Совершителе веры* (Евр. 12, 2), Который, прежде нежели победил мир, Сам был *искушен по всяческим, разве греха* (4, 15). Победа над миром, а следовательно и над князем мира, представляется здесь уже совершившейся, по несомненной истине грядущего события (Ин. 12, 31; 13, 31; 16, 11). Приближались страдания и смерть Господа, но в этом самоуничижении просиявала превечная слава Его, и крест, воздвигаемый на Голгофе, являлся очам веры победным знамением.

Торжественным возгласом: *дерзайте, яко Аз победих мир,* – Господь окончил прощальную беседу с учениками, предначатую победными словами: *ныне прославися Сын Человеческий и Бог прославися о Нем* (Ин. 13, 31). Между этим началом и концом, перед глазами св. апостолов разверзлось необъятное море любви Божией, открылись судьбы всего человечества, обнаружилась в тайне сокровенная премудрость Божия в совершении спасения рода человеческого (1 Кор. 2, 7).

Заключение прощальной беседы – молитва Богу Отцу *Ин. Гл. 17*

Окончив беседу с учениками, Господь возвел очи к небу и, как Первосвященник *по чину Мелхиседекову,* грядущий принести в жертву Себя Самого (Евр. 7, 17, 27), произнес трогательную молитву Отцу Небесному. Ученики были уже предупреждены, что, по отшествии Учителя, настанет для них скорбное время бедствий и гонений со стороны врагов Евангелия. Оставляя их в мире как продолжателей Своего дела и видя в них начатки Своей святой Церкви, Спаситель в пламенной молитве передает их и всех верующих промыслительному попечению Отца Небесного. И при этом с какой теплотой чувства, с какой глубокой искренностью вернейшего друга Он говорит о Своих отношениях к ним во все время, пока находился с ними! С каким величием Богочеловека изъясняется о деле, совершенном Им на земле! С какой силой ходатайствует о преподании им высших духовных благ – единения между собою и с Богом, сохранения от зла, освящения истиною, приведения в вечное Царство Свое! Пред концом Своей земной жизни, ввиду Голгофы и креста, сооружаемого руками врагов, Господь молился о Своих учениках и о всех верующих, и эта молитва Его так всеобъемлюща, что простирается на все времена существования на земле Церкви Его, на верующих всех веков, прошедших и будущих, и всех стран и народов. Величественные слова Спасителя, произнесенные в ночной тишине к Отцу Небесному, в присутствии учеников, окружавших Своего Учителя, должны были напечатлеться в сердцах их неизгладимыми чертами и, по выражению святителя Иоанна Златоуста, послужить к большему утверждению и ободрению их. Применяя речь Свою к мере понятий человеческих, Господь наш, второе Лице Пресвятой Троицы, все возводит к Первопричине и Первоисточнику – Отцу Своему.

Отче, прииде час: прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя. По согласному толкованию святых отцов, Господь называет славою Крест, потому что в искупительной смерти Спасителя на Кресте яснейшим образом проявились свойства Божии – бесконечная премудрость и любовь к падшему человеку. Когда наступил этот час прославления, в который Он предопределил пострадать за всех людей, то, по замечанию святителя Кирилла Александрийского, «более не старался укрыться от ищущих Его», не уклонялся от козней и не исчезал из виду врагов, но Сам шел навстречу и молил Отца Небесного о совершении домостроительства спасения людей. В следующих словах молитвы Господь частнее определяет, в чем именно состоит прославление Сына Отцом и Отца Сыном: *якоже дал еси Ему власть всякия плоти, да всяко еже дал еси Ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога и Егоже послал еси Иисус Христа. Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю. И ныне прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самого славою, юже имех у Тебе, прежде мир не бысть.* Как Единородный Сын Божий, Единосущный Отцу и Святому Духу, Он имел велелепную славу Божества от вечности (Ин. 1, 14), и теперь, по мысли святителя Афанасия Александрийского, «не лишившись славы, но явившись в неславном теле», «просит не приумножения славы, но явления домостроительства» (святитель Василий Великий), по которому *подобаше Ему пострадати и внити в славу Свою* (Лк. 24, 26), т. е. ввести туда и воспринятое Им «естество плоти, еще не прославленное, не сподобившееся нетления, не приобщившееся царского престола» (святитель Иоанн Златоуст). Этими словами Господь заканчивает молитву о Себе и затем молится о соблюдении и освящении тех, которые, отделившись от неверую щего мира, сделались ближайшими последователями Его (Ин. 15, 19): *явих имя Твое человеком, ихже дал еси Мне от мира; Твои беша и Мне их дал еси, и слово Твое сохраниша.* Откровение, данное Господом, полнее, чем откровение ветхозаветное (Евр. 1, 1, 2), потому что лишь в Новом Завете верующие, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «познали Бога как Отца»; это – те

простые и чистые сердцем люди, которых Сам Отец Небесный предрасположил и привлек к вере в Спасителя особым благодатным озарением (Ин. 6, 37, 44, 45, 65). *Ныне разумеша, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть,* уразумели, изъясняет святитель Иоанн Златоуст, что «нет у Меня ничего чуждого, ничего особенного от Тебя, уразумели, что все, чему Я учил, Твое – и наставления, и догматы». Ученики уверовали и в лице Петра исповедали некогда пред Самим Господом, что Он – *Христос, Сын Бог живаго* (Мф. 16, 16), и что совершаемое Им дело спасения людей есть дело Божественное, предопределенное Отцом Небесным, а посему Спаситель снова и с особенным разъяснением повторяет только лишь высказанную мысль: *глаголы, ихже дал еси Мне, дах им, и тии прияша и разумеша воистинну, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя послал еси.* Хотя Промысл Божий объемлет весь мир, простираясь на самых неверующих и ожесточенных врагов Евангелия и употребляя многоразличные средства к обращению их, но ученики Господа, слуги и самовидцы воплощенного Слова (1 Ин. 1, 1) приобрели себе право на особенное попечение Божие, особенную помощь и защиту: *Аз о сих молю, не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть,* – потом, чтобы кто, слыша слова: дал еси Мне, не подумал, по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, что они отчуждаются теперь от власти Отца или что прежде были чужды власти Сына, Он уничтожил и то, и другое предположение, сказав с соответственным дополнением те же слова, которые были произнесены незадолго перед сим (Ин. 16, 15): *Моя вся Твоя суть и Твоя Моя, и прославихся в них.* «Здесь Он не разделяет общего господства, и не то хочет сказать, что иное принадлежит Ему, а иное Отцу, но показывает о Себе, что имеет равное господство с Отцом всяческих, научая, что в господстве Их нет разделения и господство у Них общее» (святитель Кирилл Александрийский). Оставляя учеников Своих на земле для продолжения Евангельской проповеди, Спаситель созерцает в духе дело служения их как бы совершающимся или даже оконченным во славу Божию. В отшествии Своем к Отцу Он указывает причину, почему ученики заслуживают особенного покровительства Отца Небесного: ктому несмь в мире, – «Ты призываешь Меня к Себе» (святитель Иоанн Златоуст) и скоро Меня не будет здесь видимым образом, – *и сии в мире суть, и Аз к Тебе гряду,* – Мое дело на земле окончено. *Отче святый, соблюди их во имя Твое, тех, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы.* В сих словах Спаситель молитвенно желает, чтобы ученики составили одно общество, тесно соединенное узами взаимной любви – такое общество, у которого было бы *сердце и душа едина* (Деян. 4, 32). Такое нравственное единение было бы подобием и отражением того существенного единения, которое соединяет Отца с Сыном Божиим. *Егда бях с ними в мире, Аз соблюдах их во имя Твое, ихже дал еси Мне, сохраних, и никтоже от них погибе, токмо сын погибелный, да сбудется Писание.* В молитве, выраженной, по замечанию святителя Иоанн Златоуста, «человекообразно и применительно к немощи учеников», Господь, как *Сын в дому Божием* (Евр. 3, 6), отдает отчет небесному Домовладыке в том, что Ему было поручено. Пророчество о погибельном предателе, содержащееся в псалме 40 (ст. 10) уже указано Спасителем ученикам по омовении ног (Ин. 13, 18). *Ныне же к Тебе гряду,* – повторяет Господь только лишь сказанное (ст. 11) и присовокупляет: – *и сия глаголю в мире, да имут радость Мою исполнену в себе,* т. е. «Я приношу эту молитву о соблюдении учеников в имени Твоем, еще находясь с ними в мире, для того, чтобы они, будучи свидетелями молитвы Моей, утешались и радовались, зная, что Ты исполнишь то, о чем Я прошу». Затем, переходя к другому предмету молитвы – об освящении учеников, Спаситель указывает на то исключительное положение, которое они займут в мире по отшествии Его. Приняв возвещенное Господом слово новозаветного откровения, они возбудили против себя ненависть мира – всех людей враждебных истине Христовой, а между тем скоро, очень скоро они выйдут в этот мир с проповедью Евангелия. Тогда-то особенно нужна будет им благодатная помощь в освящении на такое великое служение. *Аз дах им слово Твое и мир возненавиде их, яко не суть от мира, якоже и Аз от мира несмь.* Об этой ненависти

мира Господь говорил незадолго перед сим (15, 18–25). *Не молю, да возмеши тех от мира, но да соблюдеши их от неприязни,* какую может причинить им мир, лежащий *весь во зле* (1 Ин. 5, 19). *От мира не суть, якоже и Аз от мира несмь,* т. е. «Я пришел с неба, а они Мною избраны и отделены от мира (Ин. 15, 19), чтобы быть служителями Божественной истины». *Святи их во истину Твою: слово Твое истина есть,* – «отдели их для слова и проповеди и сделай святыми преподанием Святаго Духа и правых догматов» (святитель Иоанн Златоуст). Для распространения и утверждения в мире истины Христовой апостолы будут нуждаться в особенных дарах благодати Божией, которые и получат при сошествии обетованного Духа Утешителя (Ин. 14, 17; 15, 26; 16, 7, 13). И как Отец Небесный, посылая в мир Сына Своего, *освятил* Его (Ин. 10, 36), так и для апостолов, посылаемых в мир Сыном для продолжения Евангельской проповеди, потребно освящение для того, чтобы они были готовы на подвиги самоотверженного служения святому делу – до пожертвования даже жизнью. *Якоже Мене послал еси в мир, так и Аз послах их в мир.* Но Христос, освященный от Отца еще до явления в мир, при конце Своего служения на земле, как «Архиерей и Жертва» (святитель Григорий Богослов), Сам посвящает Себя принесением в жертву за грехи мира (1 Ин. 2, 2; Еф. 5, 2; Евр. 9, 14); апостолы же, как жертвы за истину Христову, будут освящены Утешителем Духом: *и за них Аз свящу Себе, да и тии будут священи воистинну,* – «Я приношу Себя в жертву за них, чтобы и они сделались истинной жертвой, проповедниками истины, готовыми претерпеть страдания и смерть за святое дело». За сим, как жертвенный Агнец Божий, вземляй на Себя грехи не только учеников и ближайших последователей Своих, но всего мира (Ин. 1, 29; 1 Ин. 2, 2), Спаситель возносит Отцу Небесному молитву о всех верующих, о всей Церкви, которая будет утверждена и распространена на земле трудами святых апостолов.

В сей молитве испрашивается верующим теснейшее единение между собою и с Богом, в благодатном общении здесь, на земле, и затем соединение всех в вечных обителях славы, там, где Христос (Ин. 12, 26; 14, 3): *не о сих молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да вси едино будут, якоже Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут, да и мир веру имет, яко Ты Мя послал еси.* «Говоря: *якоже*, – по толкованию святителя Афанасия Александрийского, – Господь показывает, что далеко людям быть в Отце, как Он в Отце, и далеко не по месту, но по естеству; мы не соделываемся тем же, что Сын в Отце и Отец в Сыне, но как Отец и Сын, так и мы соделываемся едино, по образу мыслей и по согласию духа». При таком единодушии (Деян. 4, 32) первое общество верующих возрастало необычайно быстро, действуя на неверующих нравственным влиянием, подкрепляемым чудными проявлениями силы Божией (5, 12–14). Это неотразимое нравственное влияние впоследствии сопутствовало христианству везде, во всех странах мира, и весьма много содействовало распространению его. Единение верующих между собою и Богом Отцом со Христом во Святом Духе в следующих словах молитвы представляется продолжающимся и в небесной славе, где оно даже достигнет полноты и совершенства. Созерцая будущее сопрославление Своих последователей как бы совершившимся, Спаситель продолжает: *и Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино якоже Мы едино есмы. Аз в них, и Ты во Мне, да будут совершени во едино и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси, и возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси.* Так все верующие составят единое тело Церкви небесной с вечным Главою Христом в единении с Отцом во Святом Духе! При таком зрелище прославленной Церкви враждебный мир признает, что Христос есть Мессия Искупитель и что верующие находятся под особой охраной Промысла Божия. Апостол Павел, раскрывая ту же самую мысль о прославлении Господа, говорит, что *Бог превознесе* Иисуса, *да о имени Его всяко колено поклонится небесных, земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 9–11). Соединение верующих в небесных обителях, о котором Спаситель предупреждал учеников (Ин. 12, 26; 14, 3), есть, можно сказать, последняя воля Искупителя, идущего на смерть, предсмертное завещание Его, выска-

занное с несомненной уверенностью, что оно будет исполнено Отцом, при единомыслии Его с Сыном. *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, яко, да, идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира.* По изъяснению святителя Иоанна Златоуста, Господь показывает, что «все (будущее) блаженство состоит именно в созерцании Сына Божия, а отсюда происходит уже и слава, и что предметом созерцания будет не то, что подлежит обыкновенному зрению, но некая страшная сущность». В заключительных словах Своей молитвы Господь соединяет все, что было сказано Им апостолам в прощальной беседе – о неверующем мире, верующих учениках, будущем откровении Духа Утешителя и о любви, всепроникающем и всесовершающем начале христианства. *Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах и сии познаша, яко Ты Мя послал еси, и сказах им имя Твое, и скажу,* – т. е. через Утешителя Духа, ибо «что принадлежит Духу, то Мое», – *да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них.* Вот конечная цель всего, что было совершено Господом до сего времени и что еще предлежало совершить для спасения человеческого рода; теснейшее единение верующих между собою и со Спасителем, а по заслугам Его – с Богом Отцом и Святым Духом, и, как непременное следствие такого единения, вечно блаженное пребывание в славе небесной.

Перед выходом из Пасхальной горницы Господь сказал Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу. Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя, и ты некогда обращся утверди братию твою.* Петр отвечал Ему: *Господи, с Тобою готов есмь и в темницу и на смерть ити.* Но Господь предостерегает его от самоуверенности: глаголю ти, Петр: *не возгласит петель днесь, дондеже трикраты отвержешися Мене не ведети* (Лк. 22, 31–34).

Потом и всем им сказал Господь: *егда послах вы без влагалища, и без меха, и без сапог, еда чесого лишени бысте?* Они отвечали: *ничесоже.* Тогда Он сказал им: *но ныне иже имать влагалище, да возмет, такожде и мех, а иже не имать, да продаст ризу свою, и купит нож* (Лк. 22, 35–36) – стяжи бодрость духа для предстоящей борьбы с духовным врагом, опасностями и лишениями. Мужество в отстаивании веры среди всех испытаний и гонений можно сравнить только с крепостью меча.

Апостолы думали, что Иисус повелевает им вооружиться мечами, и с наивностью ответили:

Господи, се ножа зде два. Он же рече им: довольно. Господь прервал беседу, видя, что ученики Его не поняли.

Сказав сие, Господь еще повторил: *востаните, идем отсюду* (Ин. 14, 31; 18, 1).

Так окончилась вечеря.

Страдания Господа. Моление о чаше
Мф. 26, 36–46; Мк. 14, 32–42; Лк. 22, 40–46; Ин. 18, 1–2

По окончании молитвы, в которой Господь наш Иисус Христос предал учеников Своих и всех верующих всеблагому промышлению Отца Небесного, Он перешел, в сопровождении св. апостолов, на восточную сторону потока Кедронского, на западный склон горы Елеонской. Здесь находилось селение, носившее название Гефсимании, с большим тенистым садом оливковых деревьев.[3] Но Всеведущий знал, что Он пришел теперь в обычное место уединения не для отдохновения (Ин. 18, 2), а для нового тягчайшего подвига.

Здесь, в ночной тишине, пред очами Отца Небесного, началось то беспримерное, единственное поприще страданий нашего Искупителя, которое завершилось на Голгофе, пред лицом неба и земли. Прежде внешнего креста, со всеми ужасами его, в Гефсиманском уединении сретил Богочеловека крест внутренний, который, отяготев над душою Его, привел в крайнее изнеможение плоть Его. *Начальнику* нашего *спасения* (Евр. 2, 10), *Совершителю* нашей *веры* (12, 2), надлежало быть искушенным во всем, кроме греха (4, 15), принять на Себя ту *клятву,* которая, со времени преслушания прародителей, лежала на потомстве их (Гал. 3, 13). *Вторый Адам* (1 Кор. 15, 45), пришедший удовлетворить правде Божией за грех первого, должен был один *истоптать точило* гнева Божия (Ис. 63, 3), пройти искушение все, до последней крайности, – страданиями и внутренними, и внешними. Пребывая бесстрастным по Божеству, Искупитель наш в Гефсиманском саду, по человечеству, испытал всю немощь нашего естества. И этот подвиг крайнего истощения не был ли отягчен еще более тем князем мира, о котором говорил Господь в прощальной беседе с учениками (Ин. 14, 30)? И не здесь ли, в Гефсимании, Спаситель предначал окончательное поражение этого таинственного врага – *змия древнего, иже есть диавол и сатана* (Откр. 20, 2)? Святой апостол Павел, изъясняя глубокий смысл Гефсиманского подвига Господа, называет его *совершением* всех подвигов Богочеловека и замечает, что, когда Он *во днех плоти Своея, моления же и молитвы к могущему спасти Его от смерти с воплем крепким и со слезами принес,* то и был услышан за Свое благоговение (Евр. 5, 7, 9), «услышан, по толкованию святителя Филарета Московского, тем образом, что Ему предоставлено Своей крестной смертью и Воскресением избавить нас от владычества греха и смерти вечныя». Гефсиманские страдания были приготовлением к великому Голгофскому жертвоприношению.

Господь знал, что наступает час страданий Его, на который Он неоднократно указывал, как на самый решительный в домостроительстве спасения рода человеческого (Ин. 2, 4, 7; 6, 8, 30). Но Он видел также, что ученики, по душевному настроению своему, не все могли быть ближайшими свидетелями молитвенного Гефсиманского подвига. Посему, пришедши на место, Иисус Христос сказал апостолам: *седите ту, дондеже шед помолюся тамо: молитеся, да не внидете в напасть.* В глубину сада Он взял трех довереннейших учеников – Петра, Иакова и Иоанна: эти очевидцы славы Его на Фаворе (Мф. 17, 1) менее прочих учеников могли соблазниться видом уничижения Его в Гефсимании. С другой стороны, подвигом Божественного Учителя полезно было убедиться Петру – в крайнем вреде самонадеянности, обнаруженной этим учеником незадолго перед сим (Ин. 13, 37), Иакову и Иоанну – в тяжести той чаши, которую они вызывались разделить с Господом (Мк. 10, 39). Пред этими тремя учениками Спаситель начал скорбеть, ужасаться и тосковать, не по предусмотрению приближающихся страданий в Иерусалиме и на Голгофе и не потому, чтобы исто-

[3] Сад Гефсиманский принадлежал, по преданию, Зеведею, отцу ап. Иоанна. Сад этот существет и теперь. В нем есть несколько олив, которым насчитывают более 2000 лет, потому что они имеют в окружности до 25 шагов. Значит, эти деревья существовали и в то время, когда Иисус Христос скорбел и молился в саду Гефсиманском.

щалось терпение Его, но «потому, что Своими внутренними страданиями очищал Он наши внутренние нечистоты, заглаждал нашу виновность, удовлетворял раздраженному на нас правосудию Божию: эта была горечь наших грехов, тягость нашей виновности пред Богом и заслуженных нами казней» (святитель Филарет Московский). Чистая и святая душа Богочеловека в Гефсиманском преддверии креста зрит грехи всего человечества во всем ужасном виде, со всеми горестными последствиями; умственному взору Искупителя, ввиду Голгофы, как бы представляются все века жизни человечества, прошедшие и будущие, с теми злодеяниями и преступлениями, которые совершены или еще будут совершены грешными потомками древнего Адама *от крове Авеля праведного* (Мф. 23, 35) до последнего богохульства антихриста и последователей его. И если для первого Адама Едемский сад был местом дерзостного нарушения воли Божией и греховного услаждения, то для нового Адама, пришедшего загладить преступление древнего, Гефсиманский сад сделался местом, где Он томился смертной скорбью о грехах падшего человечества и, удовлетворяя за преслушание прародителей, предавал Себя воле Отца Небесного. Скорбь Искупителя была так всеобъемлюща и неизмеримо глубока, что ее не могли постигнуть и вместить даже довереннейшие ученики; оставалось излить ее в молитвенной беседе с Отцом Небесным, в полном уединении, так чтобы таинственная и недомыслимая глубина страданий Гефсиманских была ведомой Ему единому. *Прискорбна есть душа Моя до смерти, – пождите зде и бдите со Мною,* – сказал Господь трем ученикам и, видя, как сии избранные были малоспособны принять участие в подвиге Его, отошел от них немного, на такое расстояние, на какое можно бросить камень. Человеческое естество Господа Иисуса Христа страшилось предстоящего креста со всеми его ужасами, и это обстоятельство служило к уверению, что «Он истинный человек, ибо человеческой природе свойственно бояться смерти» (блаженный Феофилакт). Великий Гефсиманский Подвигоположник преклонил колена, пал лицом на землю и молился, дабы, если возможно, миновал Его час сей. Доказывая, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «истину благодатного строительства и словом, и страданием», Он к умиленным действиям присовокупил смиренную молитву: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия, обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты. – Авва Отче, вся возможна Тебе: мимо неси от Мене чашу сию, но не еже Аз хощу, но еже Ты. – Отче, аще волиши мимонести чашу сию от Мене, обаче не Моя воля, но Твоя да будет!* Образ чаши, наполненной вином, очень нередко употребляется в Святом Писании для обозначения бедствий и страданий, доводящих несчастного до крайнего изнеможения (Пс. 74, 9; Ис. 51, 17, 22). Сам Господь еще прежде – в беседе с сынами Зеведеевыми – под этим же образом указывал на страдания, предстоящие Ему и ученикам (Мф. 20, 22, 23; Мк. 10, 38, 39). Гефсиманская чаша, которую подает Ему Отец, так же неизмеримо глубока, как и скорбь, объявшая чистейшую душу Его в навечерии Голгофского жертвоприношения: это, по выражению святителя Филарета Московского, «чаша всех беззаконий, нами содеянных, и всех казней, нам уготованных, которая потопила бы весь мир, если бы Он един не восприял, удержал, иссушил ее; все потоки человеческих беззаконий сливались для Иисуса в единую чашу скорби и страдания». Объясняя слова Господа, святые отцы замечают, что они сказаны «по домостроительству» (святитель Василий Великий), «со стороны плоти, а не со стороны Божества» (святитель Иоанн Златоуст), показывая «немощь человеческой природы, не хотящей просто отрешиться от настоящей жизни», страх, свойственный человеческому естеству, и что вообще в них обнаруживается в лице Богочеловека две воли – человеческая и Божеская, «человеческая, свойственная плоти, и Божеская, свойственная Богу: человеческая, по немощи плоти, отрекается от страдания, а Божеская Его воля готова на оное; *в подобии человечестем быв* (Флп. 2, 7), – продолжает святитель Афанасий Александрийский, – отрекается от страдания, как человек, но как Бог, непричастный страданию, по Божеской сущности, с готовностью приемлет страдание и смерть». Кроме сего, слова, сказанные Господом

по человечеству, имеют высокий нравственный смысл для всех страдальцев, научая их, по выражению преподобного Исидора Пелусиота, «не вдаваться самим в опасности, но когда настали они, встречать их терпеливо, ибо и Христос отрекался от креста, еще уготовляемого, но осужденный на крест, подъяв его на рамена, восшел на него, как победитель».

Иисус молился, но Отец безмолвствовал, и ответа свыше не было, без сомнения, потому что человечество Христа Господа имело ответ в Божестве Его: Божественная воля Его была та же самая, что и воля Отца Небесного. Молитвенный подвиг усиливался и достигал крайней степени томительного изнеможения, похожего на состояние человека, находящегося в борьбе со смертью. Чрезвычайные душевные и телесные страдания сопровождались необычайным явлением: пот Его был, как капли крови, падающие на землю. И вот в самую тяжкую минуту, вместо ответа на молитву, явился Ему Ангел с небес для укрепления, в котором нуждалось человеческое естество великого Гефсиманского Молитвенника, для того, чтобы перенести наступающие страдания с подобающим Ему величием. Как и после первого подвига в пустыне, когда Господь отразил искушение диавола, Ангелы приступили и служили Ему (Мф. 4, 11). Возможно ли, чтобы эти чистые и святые служебные духи (Евр. 1, 14) не проявили своего благотворного служения при Гефсиманском подвиге своего Господа? Укрепление, принесенное Ангелом, могло состоять в умиротворении смятенной и скорбящей души, оживлении и возвышении ослабших сил телесных. Присутствие светлого духа восполнило для Господа то утешение, какое Он мог бы иметь в молитвенном сочувствии довереннейших учеников, если бы они исполнили слово Учителя, призывавшего их к бодрственному вниманию. Но, еще несовершенные и не очищенные наитием Духа Утешителя, они не могли возвыситься до ясного понимания совершающихся событий, а посему, отягченные немощью плоти, не соблюли вверенной им Божественной стражбы. Пустынное место, глубокое безмолвие ночи, разнообразные впечатления предшествовавшего дня и особенно печаль и тоска о будущем расположили их к дремоте и сну там, где они не раз уже ночевали (Лк. 21, 37; Ин. 18, 2). После тяжкого молитвенного подвига, укрепленный явлением Ангела, Богочеловек пошел к ученикам, чтобы ободрить скорбный дух их, и нашел их спящими. *Симоне, спиши ли?* – сказал Господь Петру, который еще недавно похвалялся положить за Него душу свою (Ин. 13, 37), *не возмогл еси единаго часа побдети?* «Не ты ли обещался умереть со Мною, а и одного часа не мог побдеть?» (блаженный Феофилакт). И затем, с таким же упреком обратился к другим апостолам: *тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною?* и научая их «не гордиться, но смирить мысль свою и сердце и предать все Богу» (святитель Иоанн Златоуст), присовокупил: *что спите? воставше бдите и молитеся, да не внидите в напасть, дух убо бодр, плоть же немощна*. Ученикам предстояло великое испытание веры во Христа Спасителя, и предсказанное отречение Петра давало предчувствовать, что дух их, при всей твердости, может быть увлечен к падению немощью плоти. Посему Господь как бы так говорил им: «Я извиняю вас, потому что воздремали не по невниманию ко Мне, а по немощи; итак, если вы видите немощь свою, то не будьте так смелы, но молитесь, дабы не впасть вам в искушение» (блаженный Феофилакт). Удалившись от учеников, Господь опять молился Отцу Небесному, и хотя предмет молитвы был тот же, но в словах молитвы уже слышится, что человеческая воля, отвращавшаяся от страданий и смерти, разрешается в совершенное послушание воле Божественной: *Отче Мой, аще не может сия чаша мимоити от Мене, аще не пию ея, буди воля Твоя!* По окончании второго моления Спаситель возвратился к апостолам и застал их в глубоком сне: *бяху бо очеса их тягостна,* по замечанию святых евангелистов, *и не ведяху, что быша Ему отвечали.* Господь не стал их возбуждать или обличать, потому что, по выражению святителя Иоанна Златоуста, не желал, по Своей кротости и смирению, «поразить еще более уже пораженных» людей, которых делала безответными собственная слабость. Отошедши на прежнее место, великий Гефсиманский Подвигоположник совершил третье моление и произнес то же слово.

После сего молитвенный подвиг был окончен, желания и стремления человеческого естества смолкли и заменились совершенной преданностью воле Божией, облако скорби и печали пронеслось мимо, настало мирное и спокойное состояние души и тела – и внутренний Гефсиманский крест завершился незримой, таинственной победой!

Богочеловек, желая еще раз показать, что происходящее есть дело «не необходимости или немощи, но высочайшего промышления» (святитель Иоанн Златоуст), пришел к ученикам и с спокойствием, свойственным всеведению, сказал им: *спите прочее и почивайте, приспе конец, се приближися и прииде час, и Сын Человеческий предается в руки грешников: востаните, идем, се приближися предаяй Мя.*

Бог не причастен страданию – страдает человек. Из житий святых известно, как Бог укреплял мучеников, и они шли на смерть с радостью. Ангел с небес укреплял Господа во время сорокадневного пребывания в пустыне, и здесь, в Гефсимании, Ангел укреплял Господа и служил Ему. Диавол, искушая Господа на горе, не знал тайны – он видел Человека, но не ведал, что этот Человек был Бог. И в молении о чаше князь мира сего тоже не знал о тайне Божества Иисуса, в великом Его уничижении в саду Гефсиманском. («гефсимания» значит дом или место выжимания масла из оливок.) Сатана так до конца и не уразумел, что на вольные страдания предается Сам Богочеловек. Недоумевали и фарисеи: *не Сей ли есть тектонов сын?* (Мф. 13, 55).

Тайна сия велика. Желания и стремления человеческого естества смолкли, и *прииде час, и Сын Человеческий предается в руки грешников* (Мк. 14, 41). И народ, совсем еще недавно желавший провозгласить Его царем, теперь будет требовать распятия, дабы кровь Его была ни них и на их детях (Мф. 27, 25). Скорбь о зле людском – вот горчайшая чаша для Спасителя.

Господь видел грехи всего человечества и страшный грех Богоубийства. Еще ранее Он плакал об Иерусалиме, Своем любимом городе, плакал о смердящем четырехдневном Лазаре, о Кресте сокрушался и жаждал претерпеть его, дабы даровать всем спасение. Но Он видел также, что многие не обратятся ко спасению. Есть воля человеческая, и есть воля Божия. Господь возгласил: *Лазаре, гряди вон!* – и было явление великой силы Божества: мертвый подчинился повелению и воскрес. А слово: *будьте святы, яко Аз, Господь Бог ваш Свят,* – не соделовало сынов человеческих святыми, ибо здесь нужно проявление воли человеческой, нужно обратиться к добру, истине, любви к Богу. Грех неверия во Христа есть преступление. И за это преступление последовало наказание и избранного народа, и разрушение любимого града Великого Царя. Какой катастрофой обернулись для еврейского народа и первая иудейская война в 70 году, и вторая иудейская война в 132 году!

Все эти страшные бедствия предвидел Господь и плакал. Прискорбна была душа Христа даже до смерти (Мк. 14, 34). И Он молился: *Авва Отче, мимо неси о Мене чашу сию* (Мк. 14, 36). Но как мимоидет чаша злодеяния – смерти? Это было совмещение всех страданий и всех смертей всех людей. Отец не может силой Божества обратить людей к святости без участия их воли. Господь, по словам преподобного Нила Мироточивого, когда взывал на кресте: «Жажду» – видел, как Иуда бросил тридцать сребреников, сказав: *Согреших, предав кровь неповинную.* И *шед удавися* (Мф. 27, 4, 6). Но Господь трижды наклонял дерево в долине геенской (по преданию, там будет вход в ад) и жаждал, чтобы Иуда пришел ко кресту и покаялся, Господь хотел и готов был простить его. В житии святого Антония (см. 17 января) указывается, что Господь готов даже демону вернуть светлость и вчинить его в лик Ангелов, если тот покается.

Господь жаждал спасения всем. Люди и демоны злодеяниями своими навлекают на себя огромные бедствия. Примеры тому: Содом и Гоморра, Великий потоп, разрушение Иерусалима, войны и многие другие беды.

Взятие Господа стражей
Мф. 20, 47–56; Мк. 14, 43–52; Лк. 22, 47–53; Ин. 18, 3–12

Вто время как Богочеловек страдал в предсмертном борении в саду Гефсиманском и утомленные апостолы спали тревожным сном, враги Христовы были в большом беспокойстве: именно теперь они решились привести в исполнение определение синедриона взять под стражу ненавистного им Пророка галилейского (Ин. 11, 53, 57). Один из числа двенадцати апостолов, Иуда, пришедшей с вечери, был готов осуществить свой ужасный замысел: он знал, где собирался Иисус с учениками (18, 2) и где Он в последнее время проводил ночи (Лк. 21, 37). Мрак и тишина ночи могли служить надежным покровом для темного дела, особенно в то время, когда мысли народа были заняты праздничными приготовлениями. Впрочем, на всякий случай были приняты такие меры предосторожности, как будто грозила опасность ожесточенного сопротивления (Мф. 26, 55). Предателю был дан значительный вооруженный отряд римских воинов под предводительством тысяченачальника. К этому отряду присоединилась толпа служителей храма и синедриона (Ин. 7, 32, 45), а к ней примешались рабы первосвященнические (18, 10) и некоторые из начальников (Лк. 22, 52). Для освещения пути в ночной темноте, а также, быть может, и для поисков в чаще сада, в случае нужды, были взяты светильники и фонари. Эту силу, которая шла как бы на лютого разбойника и возмутителя общественного покоя (Лк. 22, 52), Иуда вел в Гефсиманию, наверное, рассчитывая найти там Господа. Дорогой, желая, с одной стороны, ясно указать Божественного Учителя даже и тем своим спутникам, которые не видели и не знали Его лично, а с другой – перед самим Учителем и апостолами прикрыть злое дело лицемерием и лестью, предатель обещал дать им условленный знак лобзанием. Не опасался ли Иуда, что Господь и в этот раз удалится от толпы, как это Он делал прежде, когда еще не пришел час Его (Лк. 4, 30; Ин. 6, 15; 7, 30, 44; 8, 20, 59)? Но Всеведущий знал, что час Его настал и что для совершения правды Божией, по предвечному определению Божественному, теперь наступило время темной власти *князя мира сего* (Ин. 14, 30) и служителей его, а посему «как не позволил взять Себя, пока не пришло время, так не стал укрываться по наступлении времени, и Сам Себя предал злоумышляющим» (святитель Афанасий Александрийский).

Пробудив спавших учеников и предупредив их об опасности, Спаситель пошел навстречу приближавшейся толпе. Иуда, шедший впереди, лишь только увидел Учителя, поспешил к Нему и со словами лицемерного приветствия поцеловал Его. Ужасный поцелуй! «О, какое злодеяние взял на душу свою Иуда! – скажем словами святителя Иоанна Златоуста, – какими глазами он смотрел тогда на Учителя, какими устами лобызал Его? Преступная душа! О чем он рассуждал, на что отваживался?» Присутствие ученика в толпе, присланной врагами Христовыми, и предательский поцелуй болезненно отозвались в сердце Богочеловека. Как бы вызывая падшего ученика еще раз зрело обдумать свое положение, Господь с кротким укором сказал ему: *друже, на сие ли пришел еси?* Подумай, «с каким расположением пришел ты сюда? Пришел ли ты как друг? Но в таком случае не следовало приходить с оружием и дреколием. Или ты пришел как враг? Но для чего целуешь Меня?» (блаженный Феофилакт). И засим, в обличение коварного умысла, продолжал: *Иудо, лобзанием ли Сына Человеческаго предаеши?* Последствия скоро показали, что эти слова глубоко запали в преступную душу предателя, который, впрочем, воспользовался ими не во благо, а во вред себе (Мф. 27, 3–5). Но теперь – что мог отвечать несчастный своему Учителю и Господу? Он молчал, потому что злое дело говорило само за себя, молчал, потому что был вполне безответен пред своим Благодетелем, как это выражает Святая Церковь в песнопении: «кий тя образ, Иуда, предателя Спасу содела? Еда от лика тя апостольска раз-

лучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда со онеми вечеряв, тебе от трапезы отрину? Еда иных ноги умыв, твои же презре? О, коликих благ непамятлив был еси!»

Преданный льстивым лобзанием ученика, Спаситель желал показать ему и приведенной им толпе что все усилия врагов остались бы безуспешными, если бы на то не было собственного изволения Его. Вооруженная толпа приблизилась к месту предания и тотчас же убедилась, что Он предает Себя, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не по необходимости, или принуждению, или насилию приступивших, но добровольно, по собственному предызбранию и желанию, и по давнему приготовлению к этому».

Был какой-то особенный страх на всех пришедших взять Иисуса, ибо знали они, что перед ними Великий Чудотворец. Помнили они, как огонь с неба пожег тысяченачальников с отрядами, посланных взять пророка Илию, – поэтому никто первый не хотел подвергнуться небесному гневу и все стояли неподвижно.

Иисус Христос подошел к толпе и спросил: *кого ищете? – Иисуса Назорея,* – послышались голоса из толпы. Так, приведенные Иудою воины и служители не узнали Господа, хотя и могли бы узнать Его по виду, по голосу, или же по знаку, данному предателем: очи их были ослеплены и сознание неясно: «это сделал Иисус, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – для того, дабы показать, что без Его соизволения они не только не могли бы взять Его, но не могли и увидеть Его, хотя Он находился среди них». Господь наш стоял пред врагами Своими во всем величии всемирной Искупительной Жертвы, как Агнец, предопределенный на заклание (Исх. 53, 7). *Аз есмь,* – кротко сказал Он ищущим, и в этих спокойных словах выразилась необычайная, непреоборимая, всемогущая сила: воины, служители и самые руководители их – первосвященники, начальники храма и старейшины, бывшие здесь, отступили назад и пали на землю. И когда первый страх прошел и толпа успокоилась, Господь опять спросил: *кого ищете? – Иисуса Назорея,* – опять отве чали из толпы. Спаситель, показав Свою Божественную власть, теперь теми же словами, которыми поверг Своих врагов на землю, допустил взять Себя: *рех вам, яко Аз есмь,* и указывая на учеников, присовокупил: *аще убо Мене ищете, оставите сих идти,* – сказал это, по выражению св. евангелиста, *да сбудется слово, еже рече, яко ихже дал еси Мне, не погубих от них никогоже.* «Христос, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – сначала сделал все, что могло отклонить врагов от предприятия, и уже тогда, как они остались упорными в злобе и не имели никакого оправдания, предал им Себя».

Ученики, вероятно, припомнив наставление Господа о мужестве в опасностях (Лк. 22, 36), думали, что уже наступило предсказанное Учителем время, и обратились к Нему с вопросом: *Господи, аще ударим ножем?* Но когда одни спрашивали и другие не знали, на что решиться, стремительный Петр действовал: имея при себе меч, он извлек его и одним ударом отсек правое ухо первосвященническому рабу Малху. Пример Петра подействовал на учеников: они стали готовиться отразить силу силой. *Оставите до сего,* – сказал им Господь и, обратившись к Петру, обличил безвременное усердие его: – *возврати нож твой в место его – в ножницу, вси бо приемшии нож ножем погибнут. Чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити ея? Или мнится ти, яко не могу ныне умолити Отца Моего, и представит Ми вящше неже дванадесяте легиона Ангел. Како убо сбудутся писания, яко тако подобает быти?* Таким образом двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозою наказания тем, которые начинают нападение, во-вторых, тем, что Он терпит сие добровольно и в полном соответствии с древними предсказаниями. Господь прикоснулся к уху Малха и исцелил его, так что последнее дело милосердия, совершенное Спасителем во время земной жизни, было исцеление врага, т. е. исполнение той заповеди о любви к врагам, которую Он дал Своим последователям (Мф. 5, 44).

Чудное проявление Божественной силы в повержении на землю приведенных Иудой воинов и служителей и исцеление раба, а также воспрещение ученикам всяких мер обо-

роны против нападавшей толпы, ясно показали присутствовавшим здесь первосвященникам, начальникам храма и старейшинам, что Господь Сам предает Себя во власть их и что без воли Его никакие враждебные усилия не могли бы достигнуть цели. Много раз во время общественного служения Его враги старались схватить Его – и не могли, потому что время Его еще не настало (Ин. 7, 6), не пришел час Его (7, 30, 44; 8, 20), а теперь – время это наступило и час пришел, а посему Он допустил их взять Его и при этом дал им понять, что «если и прежде, имея Его в своих руках, всегда посреди себя, не могли взять Его, то и ныне также не могли бы сделать сего, если бы Сам не захотел» (святитель Иоанн Златоуст). Все меры предосторожности, принятые опасливыми врагами, были излишни и заслужили лишь горький упрек: *яко на разбойника ли изыдосте со оружием и дреколми яти Мя? По вся дни бех при вас в церкви – при вас седех уча, не простросте руки на Мя и не ясте Мене, но се есть ваша година и область темная.* После сего, Господь дал связать Свои пречистые руки, те руки, которыми Он столько благотворил, исцеляя всех (Деян. 10, 38), отверзал очи слепым, слух глухим, воскрешал мертвых. Все благодеяния были забыты, и власть тьмы торжествовала.

Ученики, видя, что Учитель не употребляет ни сверхъестественных, ни естественных средств к Своей защите и Сам Себя предает в руки врагов, искали спасения в поспешном бегстве: они справедливо могли опасаться, что стража, оправившаяся от страха и взявшая Господа, обратится теперь против них для того, чтобы вместе с Учителем представить на суд и учеников Его. Таким образом исполнились последние слова прощальной беседы Господа, сказанные ученикам за несколько часов пред сим (Ин. 16, 32). Когда уводили Божественного Узника, за Ним следовал один юноша, завернувшийся в покрывало: это был, по всей вероятности, случайный свидетель взятия Господа, вышедший на шум толпы прямо с места ночного покоя. Из простого любопытства юноша шел за толпою, но невинный поступок его казался воинам весьма подозрительным, – быть может, даже уликой в сообщничестве, а посему они схватили его. Тогда юноша, подвергшийся неожиданной опасности, оставил покрывало в руках их, вырвался и нагой убежал от них. И из учеников два – Петр и Иоанн – решились проследить дальнейшую судьбу Учителя и шли за толпою в некотором расстоянии, достаточном для того, чтобы не быть узнанными и схваченными стражей. Иоанн, сокрывший свое имя под общим названием *ученика, иже бе знаем архиереови* (Ин. 18, 16), рассчитывал, что именно это знакомство даст ему возможность знать и видеть все, что произойдет, а Петр, бывший в особенном дружестве с Иоанном (Деян. 3, 1; 8, 14), желал воспользоваться покровительством его. Одного влекла за Господом любовь, которая привела его потом и к подножию креста на Голгофу, а другого – вера, которой вскоре предстояло великое испытание.

Суд синедриона
Мф. 26, 57; 59–68; Мк. 14, 53; 55–65; Лк. 22, 54, 63–65; Ин. 18, 13, 14; 19–24

Вто время, когда израильтяне, приготовив Пасхальных агнцев к великому празднику, как установил Моисеев закон (Исх. 12, 3–6), спали глубоким сном в предпраздничную ночь, неведомо для избранного народа, под покровом ночной тьмы, отделялся от общества людей и приготовлялся тот единственный *непорочный и пречистый Агнец* (1 Пет. 1, 19), в Котором ветхозаветные агнцы и жертвы находили свой истинный смысл (Евр. 10, 1; 10–12). Около полуночи повели связанного Спасителя из Гефсимании к дому первосвященников Анны, или Анана, и зятя его Иосифа Каиафы. Пока собирались члены высшего судилища – синедриона, у действительного первосвященника, на тот год Каиафы, стража представила Господа на предварительный допрос Анны. Этот хитрый и бессердечный саддукей семь лет был действительным первосвященником (7–14 г. по Р. Х.), а теперь, лишенный должности римским прокуратором Валерием Гратом, больше двадцати лет пользовался почетным званием и, благодаря родству своему и связям, огромным влиянием на дела своей страны. Он был чужеземец, вывезенный Иродом из Александрии, дожил до преклонных лет и около полувека видел первосвященническое достоинство в своем роде: пять сыновей его и зять, один за другим, были первосвященниками. При таком значении Анны и дружеских отношениях его к семейству Ирода и римским правителям, фарисеи могли лишь радоваться, что дело ненавистного им разорителя субботы и преданий старцев перешло в руки самого важного представителя саддукеев а посему, оставив священнической партии саддукеев доканчивать это дело, отстранились от видимого участия в нем. Они знали, что саддукеи, подобно им самим, имели свои причины ненавидеть Пророка галилейского. Слова и действия Господа, в которых Он показал Себя Владыкою храма, были поняты священниками, считавшими дом Божий как бы своею собственностью, не иначе как нарушением стародавних прав их, вторжением в круг материаль ных выгод, которыми саддукеи дорожили более всего. Первое очищение храма было памятно, потому что обличало одно из крайних злоупотреблений, приютившихся в святом месте (Ин. 2, 18), но очищение в последнюю седмицу произвело еще большее впечатление, так что негодующими на этот поступок являются именно первосвященники, книжники и старейшины (Мк. 11, 18; Лк. 19, 47). Это обстоятельство послужило ближайшим поводом, по которому они искали, как бы погубить Его (Мк. 11, 18). Саддукеи-священники, привыкшие к роскоши, могли справедливо опасаться, что вмешательство Пророка из Галилеи, чтимого народом, в их распоряжения в храме сократит или даже совсем прекратит источник богатства их. Это влиятельное сословие, занимавшее в синедрионе первое место (Мк. 15, 1) и принимавшее руководящее участие в важнейших делах (Ин. 7, 32, 55; 11, 47; Деян. 4, 6), имело в своем распоряжении все средства устранить грозившую опасность, предав своего Обличителя суду и осуждению. Так, соплетение страстей человеческих и совпадение обстоятельств, развивавшихся вполне естественно, – все это вело к исполнению предвечного совета Божия о спасении людей искупительной жертвой Сына Божия.

Престарелый саддукей с живейшим чувством удовольствия увидел пред собою связанным и окруженным стражей того Пророка галилейского, Которого еще так недавно страшился синедрион, не зная, что с Ним делать (Ин. 11, 47). Хитрый первосвященник, без всякого сомнения, много слышал и о учении Господа Спасителя, и об учениках Его, но теперь притворился, что ему ничего неизвестно, и стал расспрашивать Иисуса Христа об учениках Его и учении. Из ответа Господа видно, что вопрос, предложенный Анною, не был вопросом любопытства, но относился к Нему, как главе и руководителю обширного заговора, пре-

следующего тайные цели, вредные для общества, и имеющего многих соучастников. Спаситель объяснил первосвященнику, что Он проповедовал Свое учение открыто, в местах многолюдных собраний, пред многочисленными слушателями, и что в учении Его не было ничего тайного, что нужно было бы скрывать: *Аз не обинуяся глаголах миру; Аз всегда учах на сонмищах и в церкви, идеже всегда иудее снемлются, и тай не глаголах ничесоже. Что Мя вопрошаеши? вопроси слышавших, что глаголах им: се сии ведят, яже рех Аз.* Если Господь беседовал с Никодимом ночью (Ин. 3, 2), то предметом беседы были пути ко спасению, которым Он научал и народ; если апостолам Он открывал иногда более, нежели другим слушателям, то для того только, чтобы они со временем слышанное на ухо проповедали на кровлях (Мф. 10, 27). Проповедь Его была не о земном царстве и не о делах мира сего, а исключительно о царстве благодатном, которое Он пришел основать на земле. Перед саддукеем Он не изъяснял Своего учения, потому что знал, что ослепленный злобою первосвященник искал не назидания, а лишь повода к обвинению. Притом, если бы Господь Сам о Себе свидетельствовал, то разве не сказал бы Ему неправедный судья того же, что говорили прежде фарисеи: *Ты о Себе сам свидетельствуеши: свидетельство Твое несть истинно* (Ин. 8, 13)? Между присутствовавшими, очевидно, было немало слушателей проповеди Господа, даже из числа первосвященнических служителей, которые когда-то, будучи посланы схватить Его, не исполнили этого поручения, потому что, как они доносили пославшим их, *николиже тако есть глаголал человек, яко Сей Человек* (7, 46). Ссылкою на сих свидетелей Господь показал в Себе, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «человека, твердо уверенного в истине Своих слов, ибо несомненное доказательство истины, когда кто призывает врагов в свидетели своих слов». Саддукей молчал, но смущение, быть может, в первый раз овладевшее человеком, не знавшим пределов своему властолюбию, было замечено приверженцами его. *Тако ли отвещаваеши архиереови?* – вскричал один из служителей, стоявший близко, и, желая выказать особенное усердие в присутствии своего господина, нанес первый постыдный удар в ланиту Спасителя. «Ужаснись небо, – восклицает святитель Иоанн Златоуст, – вострепещи земля при таком долготерпении Владыки и при такой несправедливости рабов! – И между тем, как ударили Его в ланиту, Он, несмотря на то, что мог все поколебать, истребить и ниспровергнуть, ничего такого не делает, а напротив, произносит слова, могущие укротить всякое зверство». Обратив на ударившего спокойный взор, Господь отдал наглый и дерзкий поступок на беспристрастное рассмотрение самого обидчика: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле, аще ли добре, что Мя биеши?* Какой убедительный пример терпения для всех последователей Божественного Узника! «Представляй, кто сказал, кому сказано, для чего сказано, – и сии слова будут для тебя некоторым божественным и непрестанным припевом, который возможет низложить всякую гордыню. Представляй достоинство Бесчестимого, ничтожество бесчестящего, тяжесть бесчестия; ибо не только оскорбил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту: нет ничего бесчестнее сего удара; однако же Он все перенес, чтобы ты вполне научился поступать кротко» (святитель Иоанн Златоуст).

Анна, не желая входить в подробнейшее рассмотрение дела Христова и предоставляя дальнейшее расследование власти действительного первосвященника и главного судилища – синедриона, отослал связанного Иисуса к Каиафе. Была глубокая ночь, и хотя, по обычаю иудеев, имевшему силу закона, нельзя было разбирать и судить важных дел ночью, но враги Христовы, спешившие ввиду приближающегося праздника окончить начатое судопроизводство как можно скорее, отступили от принятого порядка. В силу того же обычая, в крайнем случае, для законности приговора требовалось присутствие лишь одной трети состава верховного судилища, т. е. не менее 23 членов.

Несмотря на ночное время, члены суда не пожелали воспользоваться такой льготой, и весь синедрион, с нетерпением ожидавший задержания ненавистного Пророка галилейского, собрался в помещении Каиафы. Поистине это было *сборище злонамеренных,* о кото-

ром предрекал Псалмопевец (Псал. 25, 5), или, выражаясь языком церковных песней, «беззаконное сонмище и собор лукавнующих богоубийц». Председатель этого собрания, зять Анны, Иосиф Каиафа с лицемерием, лестью и бессердечием саддукея соединял быстроту решений и неразборчивость в выборе средств для достижения намеченной цели. Несмотря на постоянное вмешательство в церковные дела римских правителей, часто сменявших первосвященников, Каиафа сумел удержать за собою достоинство первосвященника во все девять лет прокуратуры Понтия Пилата (Лк. 3, 2; Деян. 4, 6) и был низложен лишь по удалении его из Палестины при проконсуле Вителлии (в 36 г. по Р. Х.). Теперь этому верховному судье предстояло решить дело, уже предрешенное им незадолго пред сим на совещании синедриона, бывшем по воскрешении Господом Лазаря (Ин. 11, 50). Оставалось придать уже готовому решению наружный законный вид, подыскав вину, заслуживающую уголовного осуждения, которую можно было бы приписать Господу. Моисеев закон требовал в важном обвинении показания трех или, по крайней мере, двух свидетелей (Втор. 17, 6; Чис. 35, 30). Члены синедриона, ослепленные ненавистью к Узнику, решились для приличия соблюсти порядок судопроизводства, указанный в законе, и стали искать свидетельства на Иисуса, чтобы предать Его смерти. «Люди, сами достойные осуждения, – замечает блаженный Феофилакт, – составляют вид судилища, чтобы показать, будто умертвили Его по суду». Скоро явились лжесвидетели, привлеченные, быть может, приманкою мзды или же советами, убеждениями и приказаниями начальников, находившихся в заседании синедриона. Но все показания этих людей, усердствовавших *не по разуму* (Рим. 10, 2), оказались недостаточными для уголовного обвинения: они были так сбивчивы, заведомо ложны и противоречивы, или касались таких мелочей, что далее озлобленные враги Спасителя не считали возможным воспользоваться ими для своей цели. Наконец выступили два лжесвидетеля, привлекшие особенное внимание судей: показания их казались правдоподобнее и подавали членам синедриона некоторую надежду на желательный исход дела. При начале Своего открытого служения, во время первой Пасхи, Господь, изгнав торжников из храма, сказал иудеям, требовавшим у Него знамения: *разорите церковь сию и треми денми воздвигну ю.* Св. евангелист замечает, что *Он глаголаше о церкви тела Своего* и что, по Воскресении Его, ученики вспомнили эти слова и поняли смысл их (Ин. 2, 19, 21, 22). Но лжесвидетели или не могли припомнить точных слов Господа, или, что вероятнее, замечая желание судей, намеренно извратили их, придав особый смысл к обвинению Узника. Они говорили: *мы слышахом Его глаголюща: могу разорити церковь Божию и треми денми создати ю, – Аз разорю церковь сию рукотворенную и треми денми ину нерукотворену созижду.* В сих словах можно было усмотреть явное пренебрежение к святыне храма и намек на какой-то замысел о ниспровержении существующего храма, как бы не соответствующего своему назначению, и о замене его каким-то другим. Все это отзывалось хулою на Бога, а за такое преступление в законе Моисея была положена смертная казнь (Лев. 24, 15, 16). Впрочем, по некотором размышлении, эти лжесвидетельства не были признаны удовлетворительными: смысл их не был вполне ясен. Судьи ожидали, что Господь, отвечая на ложные показания, даст повод уловить Его в слове. Но Он, по предречению древнего пророка, не отверзал уст Своих и был безгласен, яко овча, ведомое на заколение, и *яко агнец пред стригущим его* (Ис. 53, 7). И что мог бы сказать Своим врагам Божественный Узник? Время обличений прошло; оправдания не могли убедить тех, для коих неубедительны были знамения, а изъяснение таинственного смысла слов о Воскресении, искаженных лжесвидетелями, было бы встречено неверием.

Молчание Божественного Узника смутило неправедных судей: они чувствовали всю несостоятельность показаний, сделанных против Него, и между тем от самого Обвиняемого не слышали ничего такого, на чем можно было бы основать обвинение. Тогда Каиафа встал, и, вышедши на средину, где стоял Иисус, сказал Ему: *ничесоже ли отвещаваеши, что сии*

на Тя свидетельствуют? Иисус Христос продолжал молчать и не отвечал ничего: «ответ был бесполезен, когда никто не слушал и когда суд их имел только наружный вид суда, в самом же деле был не что иное, как нападение разбойников» (святитель Иоанн Златоуст). Первосвященник был поставлен в крайнее затруднение, но тотчас нашел верное средство, устранив затруднение, привести дело к желаемому концу: в присутствии высшего судилища Каиафа решился употребить способ допроса, на который нельзя было не отвечать, не преступив должного уважения к закону. *Заклинаю Тя Богом живым,* – сказал он, обращаясь к Узнику, – *да речеши нам, аще Ты еси Христос, Сын Божий, Сын Бога благословеннаго?* Вопрос поставлен прямо, без всяких околичностей, и так хитро, что в случае утвердительного ответа можно было бы осудить Узника как богохульника, а в случае отрицательного ответа – поставить Его свидетелем против Себя самого и обвинить как обольстителя народа; в том и другому случае – смертный приговор (Лев. 24, 15, 16; Втор. 18, 20). Но *Уловляяй премудрых в мудрости их* (Иов. 5, 13) ответил так: *ты рекл еси, – Аз есмь,* т. е. твои уста исповедали, что Я Сын Божий. Подтверждая и усиливая сказанное, Господь присовокупил: *обаче глаголю вам: отселе узрите Сына Человеческаго, седяща одесную силы и грядуща на облацех небесных.* Этими указаниями на пророчество Давида (Пс. 109, 1), где Мессия представляется седящим одесную Бога, и Даниила (7, 13), где Он изображается шествующим на облаках небесных, Господь наш Иисус Христос торжественно, пред лицом врагов, исповедал Свое Божественное достоинство. Он знал, что они не уверуют, но, по замечанию блаженного Феофилакта, возвестил им истину с целью лишить их всякого извинения «дабы впоследствии они не могли сказать, что, если бы мы слышали от Него прямое свидетельство о Себе Самом, мы уверовали бы».

Такое признание представилось Каиафе решительным самообвинением, не требующим никаких других разъяснений и доказательств. Саддукей, привыкший лицемерить, притворился крайне пораженным словами, которые сейчас слышал от Узника, и в знак глубокого огорчения разодрал одежды свои. Первосвященнику законом было воспрещено раздирать свои одежды (Лев. 10, 6; 21, 10), но Каиафа последовал народному обычаю выражения скорби (Быт. 37, 29; 44, 13; Суд. 11, 35; 1 Цар. 4, 12; 2 Цар. 1, 2, 11; 3, 31; 3 Цар. 21, 27; 4 Цар. 5, 8, 6, 30 и др.), чтобы сильнее подействовать на присутствовавших. Это раздрание, по выражению блаженного Феофилакта, было вместе и «образом раздрания и упразднения иудейского первосвященства, хотя первосвященник и не сознавал сего». В притворном ужасе, обращаясь к собранию, Каиафа воскликнул: *хулу глагола: что еще требуем свидетелей? се ныне слышасте хулу Его. Что вам мнится? – Повинен есть смерти,* – отвечали злейшие враги Христовы. Какой неправедный суд! Какое странное смешение судебных действий! «Сами обвиняют, сами судят сами произносят приговор, сами все делают» (святитель Иоанн Златоуст).

Ночное заседание окончилось. До утра оставалось несколько часов, и члены суда спешили разойтись по домам, чтобы, отдохнув после бессонной ночи, снова собраться для произнесения окончательного приговора. Между тем Божественный Узник из того помещения первосвященнического дома, где происходил суд, был выведен на двор (Мк. 14, 66) и предан на посмеяние грубой и буйной толпы. Воины и служители, привлекшие Иисуса Христа из Гефсиманского сада и все время, пока длился допрос, выжидавшие на дворе у разведенного огня (Мк. 14, 54; Лк. 22, 55), воспользовались случаем выместить на Узнике свою досаду за ночное беспокойство. Некоторые, в знак крайнего презрения (Чис. 12, 14), плевали Ему в лицо и зауша ли, другие били по ланитам, а иные закрывая Ему лицо, ударяли Его и спрашивали: *прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя?* Но Господь, уничиживший Себя до зрака раба, смиривший Себя даже до смерти (Флп. 2, 7–8), все это перенес долготерпеливо, чтобы быть искушенным во всем, кроме греха (Евр. 4, 15).

Отречение и раскаяние Петра *Мф. 26, 58, 69–75; Мк. 14, 54, 66–72; Лк. 22, 54–62; Ин. 18, 15–18, 25–27*

Вто время, когда происходил допрос Божественного Узника у первосвященников Анны и Каиафы и предварительный суд синедриона, во дворе первосвященнического дома совершилось знаменательное событие, предсказанное Господом вечером, в конце прощальной беседы с учениками (Мф. 26, 34; Лк. 22, 34; Ин. 13, 38). Это событие, смирив горделивую самонадеянность одного из довереннейших учеников Спасителя, должно было послужить и для него самого, и для других апостолов незабвенным уроком, ясно показавшим, как, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «велика слабость нашей природы, когда ее оставит Бог, и как худо не возлагать всего упования на Бога, а надеяться на себя».

Один из следовавших за Господом учеников был знаком первосвященнику и беспрепятственно вошел вслед за Учителем и стражей во внутренний двор, а другой – Петр – остался вне и должен был терпеливо ждать, пока ходатайство спутника, который, по свидетельству предания был Иоанн, откроет ему вход. По обычаю того времени (Деян. 12, 13) присмотр за входной дверью был поручен придвернице; Иоанн переговорил с нею и ввел Петра внутрь, во двор первосвященнического дома. Служанка, удивленная домогательством Петра проникнуть внутрь двора, туда, куда привели Иисуса Христа, открывая дверь, спросила: *еда и ты ученик еси Человека сего?* Петр отвечал: *несмь*. Уверенный в себе, твердый и решительный, как и всегда, этот избранный ученик нимало не предчувствовал, что короткий ответ его был началом того глубокого падения, о котором он был, незадолго перед сим, предупрежден. Войдя внутрь, Петр вмешался в толпу рабов и служителей, которые, во время допроса Узника, развели на дворе огонь и грелись. Он думал, что, оставаясь незамеченным, из толков стражи узнает все, что нужно. Но подозрение, раз возбужденное, росло и распространялось; как любопытная новость, оно передавалось между служанками. Одна из них, видя Петра, сидящего у огня, подошла к нему и, пристально всмотревшись, сказала присутствующим: *и сей с Ним бе,* и вслед за сим Петру: и *ты был еси с Назарянином Иисусом Галилейским.* И этот горячий и пламенный ученик, еще недавно изъявлявший решимость положить за Учителя душу свою (Ин. 13, 37), пытавшийся защищать Его мечом (18, 10), теперь, как бы омертвев от страха забыл о своих обещаниях и покорился человеческой немощи. Слова служанки привлекли общее внимание. Петр поспешил отстранить опасность так, как казалось ему наиболее благоразумным в его положении: он перед всеми отрекся от Христа Господа и сказал женщине: *жено, не вем, ниже знаю, что ты глаголеши.* Когда присутствовавшие успокоились этим объяснением и первая опасность миновала, апостол, избегая новых вопросов, незаметно отделился от толпы и вышел на передний двор. Здесь ожидало его предсказанное Господом предостережение, на которое, впрочем, Петр в смущении и страхе не обратил внимания: в первый раз запел петух. Впрочем, хотя уста апостола и отрекались от Учителя, но сердце влекло к Нему: дав пройти первому впечатлению, Петр через несколько времени опять вмешался в толпу, стоявшую у огня. Хотя он и старался казаться простым зрителем, совершенно неприкосновенным к делу, но смущенный вид, живое участие в судьбе Узника, особенности речи и другие обстоятельства, заметные для служителей суда, привыкших обращаться с людьми подозрительными, все это как-то невольно выдавало его, возбуждало сомнения и служило поводом к разным догадкам и соображениям. Настало новое испытание. Другая служанка, увидев Петра, начала говорить стоявшим тут: *и сей бе с Иисусом Назореом, – сей от них есть.* Все стали наблюдать за ним с особенным вниманием. *Еда и ты от ученик Его еси?* – последовал естественный после слов служанки вопрос

окружающих слуг. А кто-то, присмотревшись, прямо сказал: *и ты от них еси!* Преследуемый подозрениями, не зная на что решиться, Петр охотно бежал бы из этого места, сделавшегося западнею, где терялось лучшее сокровище души его – вера, но бегство было уже невозможно, потому что, не сохранив от опасности, оправдало бы подозрения. Нужно было отвечать. Простое слово отречения: *человече, несмь!* казалось уже неубедительным: малодушный ученик с клятвою начал утверждать, что не знает сего человека. Так, увлекаемый тяжестью греха, он неудержимо скользил по склону бездны и падал глубже и глубже. Близкая опасность была предотвращена тяжкой жертвой клятвенного отречения: толпа, оставив Петра, обратила внимание на то, что происходило в заседании суда. Прошел еще один ужасный час. Божественный Узник быть выведен на двор и отдан страже на поругание. Петру казалось, что теперь, когда все были заняты Божественным Страдальцем, он может быть вполне безопас ным свидетелем происходящего и еще раз, хотя издали, желал посмотреть на Учителя. Но разговор в который он вступил со стоявшими вблизи слугами, снова возбудил улегшиеся подозрения. Началось последнее и самое жестокое испытание. Один из слуг, слыша в выговоре Петра звуки и даже целые слова галилейского наречия, настойчиво стал уверять: *воистинну и сей с Ним бе, ибо галилеанин есть.* Петр отвечал: *человече, не вем, еже глаголеши,* – между тем живо чувствовал, что положение его опять сделалось крайне опасным, потому что враги, не щадя Учителя, без сомнения, не пощадили бы и ученика, попавшегося в их руки. Смущение апостола еще более усилилось, когда и другие, стоявшие там, подошли к нему и сказали: *воистинну и ты от них еси, ибо галилеанин еси и беседа твоя яве тя творит.* Являлась также и улика, которую нелегко было оспорить: родственник тому первосвященническому рабу Малху, у которого Петр отсек ухо, хорошо запомнивший приметы виновника нападения на близкого ему человека, приступил с вопросом: *не аз ли тя видех в вертограде с Ним?* Тогда апостол, объятый страхом, начал клясться и божиться: *не вем человека сего, егоже вы глаголете.* Не успел еще Петр кончить этих слов, как петух запел в другой раз. Такое малодушие ученика, некогда выражавшего от лица всех апостолов твердую, как камень, веру в Сына Божия (Мф. 16, 16), увеличило страдания Божественного Узника, терпевшего от бессердечных слуг неправедных судей поругание, биение, оплевание, заушение. Спаситель знал, что совершилось то, что было предсказано, и, обратившись, взглянул на Петра тем проницающим сердце взором, который, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «послужил ему вместо голоса». Этот взор, полный укора и сострадания, указал апостолу всю глубину его падения, и вместе с тем был действием великого промышления о нем, располагавшим его к покаянию. Петр вспомнил слово Господа, предсказавшего ему измену: *прежде даже алектор не возгласит – двакраты, трикраты отвержешися Мене* (Мф. 26, 31); стыд и раскаяние овладели им, но, не смея плакать явно, чтобы по слезам не быть обвиненным, вышел вон и горько заплакал. Это покаяние глубокое и искреннее, эти горькие слезы, по замечанию блаженного толковника, опять возвратили его Христу.

Шестой день – Великая пятница

Окончательный приговор синедриона
Мф. 27, 1; Мк. 15, 1; Лк. 22, 66–71

Засияла заря священного дня, в который совершилось предвечное определение Триипостасного Божества о спасении рода человеческого крестною смертью Единородного Сына Божия Господа нашего Иисуса Христа. Человечество почивало во тьме богоневедения, и самый Израиль, которому принадлежали *всыновление, и слава, и завети, и законоположение, и служение, и обетования* (Рим. 9, 4) не уразумел *времене посещения своего* (Лк. 19, 44), не уведал дня, когда истинная *Пасха, непорочный и пречистый Агнец Божий* (Ин. 1, 29, 36; 1 Пет. 1, 19) был заклан (1 Кор. 5, 7) *за грехи* всего *мира* (1 Ин. 2, 2). Мысли иудеев были заняты прообразовательной жертвой, и враги Христовы спешили окончить богоубийственное дело до наступления праздничного вечера.

Как только наступило утро, члены синедриона опять пришли в движение. Обычай, имевший силу закона, требовал, чтобы уголовные дела, клонившиеся к осуждению виновного, были оканчиваемы не иначе как на другой день. Такая отсрочка давала судьям время тщательнее вникнуть в основания обвинения и придти к более зрелому решению. Но теперь, собираясь во второй раз (если считать ночное собрание законным), судьи имели ввиду лишь выполнить установившиеся обычаи и порядки судопроизводства и придать наружный вид законности своим пристрастным действиям. Смерть Иисуса была решена еще прежде ночного заседания (Ин. 11, 53), и решена бесповоротно. Как ни различны были члены верховного судилища по своим взглядам и убеждениям, но все они сходились в одном – в глубокой ненависти к галилейскому Пророку. В этом деле исчезало для них различие сект и сословий; все были единодушны и желали как можно скорее избавиться от своего Обличителя. Первосвященники-саддукеи ненавидели Его за ту ревность о святости храма, которую Он всенародно выражал в ущерб корыстолюбивым стремлениям их; фарисеи – за нарушение субботы и раввинских преданий, которое Он допускал и оправдывал; старейшины, книжники и начальники – за строгие обличения в нравственной слепоте, невежестве и лицемерии. Люди, погрязшие в пороках, возлюбившие *паче тьму, неже свет* (Ин. 3, 19), ненавидели самосущую Святость и Истину. Правда, были в составе суда два человека, которые благоговейно чтили Божественного Учителя – это Иосиф Аримафейский, знаменитый член совета (Мк. 15, 43), добрый и правдивый (Лк. 23, 50), тайный ученик Иисуса (Ин. 19, 38), и Никодим, беседовавший с Ним ночью (3, 1; 7, 50). Но что они значили в сравнении с большинством, проникнутым самой глубокой ненавистью к Божественному Узнику? Видя свое бессилие, они могли лишь воздержаться от участия в богоубийственном совете и беззаконном деле, как у святого евангелиста Луки это и замечается об Иосифе (23, 51).

Господь наш Иисус Христос был во власти злейших врагов Своих, жаждавших смерти Его. Но какое обвинение они могли представить против Того, Кого нельзя было обличить в неправде и грехе (Ин. 8, 46)? Нарушение покоя дня субботнего было связано с благотворениями страждущему человечеству, а посему не казалось безусловно твердым и бесспорным основанием для смертного приговора, особенно в глазах римского правителя. Несоблюдение старческих преданий и устных толкований и дополнений к закону, представлявшееся фарисеям потрясением основ веры, для саддукеев было действием вполне безразличным. Подозрение в распространении тайного учения не имело места ввиду всенародной проповеди Божественного Учителя. Властное очищение храма от торжников, превращавших дом

молитвы в вертеп разбойников, без сомнения, нашло сочувствие в среде благомыслящих людей порядка. А путь лжесвидетельства был весьма ненадежен и приводил совсем не к тем заключениям, какие требовались, как в этом имели случай убедиться члены верховного судилища в ночном собрании. Оставалось вновь выслушать признание со стороны Божественного Узника Его достоинства Мессии, и на основании сего построить обвинение не только в богохульстве, которое, по закону (Лев. 24, 15, 16), наказывалось смертью, но – в преступлении против предержащей власти римских кесарей, жестоко каравших за всякое мнимое или действительное нарушение верховных прав их над подвластными народами.

Между тем Божественный Страдалец, с Которого узы на время допроса были сняты, введен в синедрион и опять стал перед беззаконным соборищем, чтобы выслушать приговор. Теперь уже не один первосвященник, а многие голоса, в которых звучала затаенная злоба, спрашивали Его: *аще Ты еси Христос, рцы нам.* Сердцеведцу видимы были тайные мысли неправедных судей, а посему Он ответствовал: *аще вам реку, не имете веры, аще же вопрошу вы, не отвещаете Ми, ни отпустите,* и засим торжественно объявил им, что настает время прославления Его, когда Он не будет уже пред стоять пред судилищем их, но восприимет и по человечеству Божественную славу Свою: *отселе будет Сын Человеческий седяй одесную силы Божия*. Тогда вскричали все: *Ты ли убо еси Сын Божий?* – Вы справедливо *глаголете, яко Аз есмь*, – отвечал Господь, в последний раз вразумляя неверующих. Этого было достаточно для ослепленной злобы: судьи не желали входить в дальнейшее расследование дела и, увлеченные примером и внушениями Каиафы, высказали свое мнение его же словами, произнесенными в ночном заседании: *что еще требуем свидетельства? сами бо слышахом от уст Его.* Смертный приговор был окончательно постановлен.

Но члены синедриона, осудив Иисуса, хорошо знали, что им *не достоит убити никогоже* (Ин. 18, 31). С того времени, как иудеи попали под римское владычество, верховное судилище их лишено было права приводить в исполнение смертные приговоры без утверждения римской власти. Представителями этой власти с 6 года по Р. Х. были прокураторы, которые, имея постоянное местопребывание в приморском городе Кесарии, на праздник Пасхи, по случаю большого стечения в Иерусалиме богомольцев, для поддержания порядка приезжали в святой город в сопровождении значительного отряда военной силы. Синедриону оставалось одно из двух: или представить свое решение на утверждение римского правителя и потом предать осужденного какой-либо отечественной казни, или же отправить обвиненного на суд прокуратора с тем, чтобы он постановил приговор по законам римским. Последнее казалось саддукеям-первосвященникам наилучшим средством для удобнейшего достижения цели. Отдавая прославленного народом Учителя на суд римского правителя, они как бы снимали с себя в глазах народа всякую ответственность за дальнейшие последствия, а с другой стороны, были вполне уверены, что осужденного римской властью ждет самая мучительная и позорная казнь – крест. Нужно было только представить дело в таком виде, чтобы прокуратор убедился в крайней важности его для римского правительства. А посему синедрион, повелев опять наложить на Обвиненного узы и вести Его в римское судилище – преторию, последовал за ним туда же, чтобы довести дело до желаемого конца. Так обстоятельства, располагавшиеся по видимому сами собою, незримым действием Промысла Божия направлялись к точному исполнению предсказаний древних пророков и Самого Спасителя, возвестившего ученикам Своим при последнем восхождении в Иерусалим, что *Сын Человеческий предан будет архиереем и книжником и осудят Его на смерть, предадят Его языком на поругание, и биение, и пропятие* (Мф. 20, 18, 19).

Погибель Иуды
Мф. 27, 3–10; Деян. 1, 16–20

Весть об осуждении Иисуса Христа синедрионом и предании Его римскому правителю быстро разнеслась по городу и достигла до Иуды, который с ужасом увидел, что «на деле вышло не так, как он предполагал» (блаженный Феофилакт). Ослепленный страстью сребролюбия, в которой коренится всякое зло (1 Тим. 6, 10), он рассчитывал воспользоваться мздою предательства в уверенности, что дело не дойдет до последней крайности: или, мог думать предатель, стража не посмеет наложить руки на Господа, как это раз уже случилось (Ин. 7, 44–46); или враги, захватив Его, не сделают Ему никакого зла из-за боязни народа, собравшегося во множестве в город на праздник Пасхи; или же наконец Сам Господь, по прежним примерам (Лк. 4, 30; Ин. 6, 15; 8, 59; 10, 39; 12, 36), найдет средство избавить Себя от опасности. Но совершилось то, что должно было совершиться: *подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою* (Лк. 24, 26), а *сыну погибели* (Ин. 17, 12) *идти в место свое* (Деян. 1, 25). Смертный приговор Спасителю на мгновение, как бы молнией, осветил мрачную душу предателя. После долгого усыпления совесть пробудилась в нем и заговорила грозным голосом, пред которым смолкли все своекорыстные расчеты и ожидания, все житейские попечения и привязанности, даже самая господствующая страсть, которой принесена тяжкая жертва. В душе Иуды, сделавшейся со вчерашнего вечера (Ин. 13, 27) виталищем исконного *человекоубийцы* (8, 44) сатаны, теперь настал ад, преддверие того ада, который *уготован диаволу* и слугам его (Мф. 25, 41). Воспоминания, одно другого мучительнее, представления, одно другого мрачнее, терзали душу предателя. Лицемерие, с каким он носил звание апостола, сребролюбие, которому он служил так усердно, упорство во зле, несмотря на кроткие внушения Господа, ужасная неблагодарность, оказанная незлобивому Учителю, все дурные мысли и желания, весь богоубийственный замысел от начала до конца, – все это в быстрой последовательности проносилось пред мрачным взором Иуды. Преследуемый жгучими обличениями совести, предатель не знал, на что решиться и первым движением его было – идти за словом совета к тем людям, которые поощрили его и дали ему мзду предательства. Пред ними Иуда решился быть искренним, явно признал свой тяжкий грех и назвал себя предателем Невинного. Явившись в то отделение храма, где обыкновенно происходило собрание первосвященников и старейшин для рассуждения о текущих делах, он сказал присутствовавшим в заседании: *согреших, предав кровь неповинную,* и с этими словами бросил им те тридцать сребреников, которыми теперь уже не хотел воспользоваться. Не думал ли он таким решительным поступком хотя немного облегчить тяжкое бремя свое и вместе с поверженными сребрениками возложить долю его на главных виновников преступного дела, или, быть может, такое искреннее сознание было последней потухающей искрой пред непроглядной тьмой, – приготовлением к задуманному расчету с жизнью? Не облегчив положения Иуды, признание невинности Осужденного пред иудейскими начальниками, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, умножило вину их и предателя, – предателя потому, что «он не раскаялся, или раскаялся, но уже поздно и медленно, и сам над собою произнес осуждение, исповедав, что предал Его», – и начальников иудейских потому, что «они тогда, как могли раскаяться и переменить свои мысли, не раскаялись». С бессердечной холодностью людей, уверенных в безусловной правоте своих действий, они встретили признание Иуды насмешкою: *что есть нам? – ты узриши.* Нет и намека на возможность ошибки, нет ни малейшего желания соблюсти справедливость по существу дела, а не по внешней только стороне. «Мы рассмотрели и решили дело, – как бы так говорили неправедные судьи, – не иначе, как на основании закона, и перевершать его не имеем ни досуга, ни охоты. Если же ты признаешь себя виновным, то это нас нимало не касается, и ты сам должен отвечать за себя!»

Отвергнутый всеми, даже главными виновниками и соучастниками погибельного дела, предатель почувствовал новые, жесточайшие терзания совести; мрак, наполнявший душу его, сгущался более и более, и среди этого мрака не светил уже ни малейший луч надежды и отрады. По выражению блаженного Феофилакта, «поздно одумывается Иуда, и хотя раскаивается, но не на добро». Вместо того, чтобы плакать и умолять Преданного, он весь отдался мертвящему чувству отчаяния, и, потеряв веру в Бога и милосердие Его, прежде смерти телесной, умер духовно. Диавол, ближайший советник и руководитель Иуды, «отвлек его от покаяния, дабы оно наконец осталось бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и открытой, убедив его погубить себя самого» (святитель Иоанн Златоуст). Предатель пошел в уединенное место и там удавился, и, как дополняет повествование святого евангелиста апостол Петр, *ниц быв, проседеся посреде, и излияся вся утроба его* (Деян. 1, 18).

Поверженные Иудой деньги привели первосвященников в немалое затруднение. Эти тридцать сребреников, которыми они купили измену ученика Учителю, при более внимательном рассмотрении, представились им нечистой мздой, а такую мзду законом было воспрещено вносить в дом Господень (Втор. 23, 18). Лицемерные ревнители святости храма говорили друг другу: *недостойно есть вложити их в корвану, понеже цена крове есть,* – и как бы для того, чтобы, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «никто не остался неповинным в сем беззаконии, чтобы все были виновны», сделали совет: решено было употребить цену предательства на приобретение от одного горшечника в ближайшей окрестности города пустого места для погребения странников, – тех богомольцев из иудеев и прозелитов, которых смерть застигала вдали от родины при исполнении священных обетов в Иерусалиме. Строгие блюстители чистоты народных обычаев и веры считали неудобным и по смерти смешивать прах людей сомнительных убеждений с прахом правоверных иудеев. Это новое кладбище скоро прослыло у народа землей крови – Акелдама (Деян. 1, 18).

Таким образом в судьбе предателя исполнилось, по толкованию св. апостола Петра (Деян. 1, 20), древнее пророчество книги псалмов: *да будет двор его пуст и да не будет живущаго в нем* (Пс. 68, 26) и *епископство его да приимет ин* (108, 8). Тридцать сребреников отданы за землю горшечника также, по замечанию святого евангелиста Матфея (27, 9, 10), во исполнение реченного в книге пророков: *и прияша тридесять сребреник, цену цененнаго, егоже цениша от сынов Израилев, и даша я на село скудельниче, якоже сказа мне Господь* (Зах. 11, 12, 13; ср. Иер. 18, 2; сл. 32, 6 сл.).

Суд Пилата
Мф. 27, 2, 11–14; Мк. 15, 1–5; Лк. 23, 1–6; Ин. 18, 28–38

Римский правитель Иудеи, к которому синедрион решился перенести дело Осужденного на окончательное рассмотрение и утверждение, был Понтий Пилат. Такие правители появились в Палестине со времени подчинения ее римской власти и, принадлежа большей частью к достоинству всадников, назывались наместниками или игемонами и прокураторами и пользовались правами претора, в зависимости от сирийского проконсула. Для удобства сношений с Римом они обыкновенно жили в Кесарии, приморском городе, украшенном роскошными зданиями, колоннадами и портиками в римском вкусе, и лишь на короткий срок оставляли свое местопребывание и приходили в Иерусалим в исключительных случаях народных мятежей или большого стечения богомольцев к храму в годовые праздники. В святом городе римские правители помещались в пышном дворце, воздвигнутом Иродом недалеко от храма и крепости Антония, и слывшем в народе под именем *претории Иродовой* (Деян. 23, 35). По римскому обычаю судебное разбирательство совершалось на глазах всех, на площадке, выстланной разноцветными плитами, почему она и называлась по-гречески *лифостротон* или по-сирийски *гаввафа*. На этой площадке, на особом возвышении, стояло судейское кресло, на котором восседал римский сановник, производивший суд.

В 26 г. по Р. Х. Пилат сделался шестым прокуратором Иудеи, Самарии и Идумеи. Десятилетнее правление его совпало с временем проповеди святого Иоанна Предтечи (Лк. 3, 1–3), общественного служения, смерти и Воскресения Господа (Мф. 27, 2; Мк. 15, 1; Лк. 13, 1; 23, 1; Ин. 18, 29–19, 38; Деян. 3, 13; 4, 27; 13, 28; 1 Тим. 6, 13). Отсутствие твердой воли и бесхарактерность, льстивая угодливость перед сильнейшими, прихотливая жестокость и легкомыслие, – все эти нравственные качества, отличавшие Пилата, делали его послушным орудием искусившихся в кознях врагов Христовых для достижения предположенной ими цели – погубить ненавистного Пророка галилейского чужими руками, – руками и властью языческого правителя. Составив окончательный приговор, синедрион решился привести его в исполнение как можно скорее, не откладывая до конца наступающего праздника, чтобы такой поспешностью не дать времени правителю к более внимательному рассмотрению дела, а со стороны народа предотвратить возможные попытки к освобождению Узника (Мф. 26, 5). Но все эти ухищрения злой человеческой воли, неведомо для врагов Христовых, вели к совершению предвечного совета Триипостасного Божества, по которому, в день заклания прообразовательных агнцев, истинная *Пасха наша за ны пожрен бысть Христос* (1 Кор. 5, 7). С целью придать больше веса своему решению видимым единодушием, первосвященники со старейшинами и книжниками и все множество членов синедриона повели связанного Иисуса в преторию, чтобы предать Его Пилату. (По преданию, вели Иисуса Христа в преторию, как будто окончательно приговоренного к смерти преступника, со связанными руками и с веревкой на шее. По толкованию святителя Василия Великого, в воспоминание сего употребляется в богослужении епитрахиль и орарь.) Здесь, перед представителем иноземной власти, они оказались такими же лицемерами, какими всегда были. Приготовляясь к богоубийственному делу, они, тем не менее, не желали войти в преторию, чтобы не оскверниться через прикосновение к нечистому предмету или лицу: такое осквернение, по их мнению, могло бы потребовать очищения в срок более или менее продолжительный и послужить препятствием к законному вкушению Пасхи вечером того же дня (2 Пар. 30, 16–20). Появление у дверей претории синедриона с Божественным Узником, без сомнения, не было неожиданностью для правителя, знавшего о завистливой ненависти ко Христу иудейских законников (Мф. 27, 18). Пилат вышел к толпе и спросил врагов Христовых: *кую вину приносите на человека сего?* Римская власть, при разбирательстве важных дел обыкновенно действовала

с особой осмотрительностью, внимательно выслушивала жалобы обвинителей и защиту обвиняемых (Деян. 25, 16). Но ослепленные страстью обвинители Гос пода Иисуса, рассчитывая, что правитель, ввиду исключительных обстоятельств примет жалобу их без особого расследования и, обманувшись в своих ожиданиях, возразили ему с досадой: *аще не бы был сей злодей, не быхом предали Его тебе* . Такое неопределенное обвинение, без ясного указания вины, без судебной оценки доказательств преступления, противоречило требованиям и обычаям римского судопроизводства, а самоуверенность членов синедриона в непогрешимости своего решения вызывала в представителе римской власти одно лишь презрение к беспорядочному и, очевидно, пристрастному суду их. Пилат, оскорбленный заносчивой речью обвинителей, в своем ответе повидимому согласился с ними и даже предлагал им обойтись без участия его и решить дело мнимого преступника на основании их собственных законов: *поимите Его вы и по закону вашему судите Его.* Правитель знал, что синедрион не мог выйти из пределов предоставленной ему власти и приговорить Обвиняемого к смерти, а, настаивая на смертном приговоре, должен был смириться, признать свою зависимость от воли миродержавного Рима и заговорить с лицом, облеченным доверием кесаря, совсем другим языком, почтительной покорности. В первом случае Обвиняемый освобождался бы от казни, которой, по мнению прокуратора, и не заслуживал, а во втором – приговор, постановленный о Нем синедрионом, подлежал бы новому, обстоятельному пересмотру на суде, не имеющем ничего общего с пристрастным судом иудейским. В ответ на предложение Пилата враги Христовы сознались, что судебная власть их в решении важных дел весьма ограничена, и что без согласия и утверждения римского правителя они не могут привести в исполнение постановленный ими смертный приговор: *нам не достоит убити никогоже.* Они так говорили на основании установившегося порядка судопроизводства в подвластной римлянам стране, хотя впоследствии бывали редкие, исключительные случаи, когда они позволяли себе нарушать этот порядок и обходились без участия прокураторов, например, при побиении камнями святого первомученика Стефана (Деян. 7, 58, 59) и при посечении мечом св. апостола Иакова (12, 2). Уклониться от принятого порядка суда в деле Господа враги Его и не могли, и не желали; не могли по причине присутствия в Иерусалиме самого прокуратора, который не потерпел бы нарушения своих прав; не желали, потому что римская казнь – распятие, позорная и мучительная, более соответствовала той жестокой ненависти, какую они питали к галилейскому Пророку. Враги Христовы не ведали, что удовлетворяя чувству мщения и злобы, они исполняют предопределение предвечного совета Божества и предсказание Самого Спасителя, Который неоднократно указывал на вознесение на крест и распятие, как на предназначенный Ему род смерти (Ин. 3, 14, 12, 32; Мф. 20, 19). Пред лицом язычника, представителя римской власти, члены синедриона не считали удобным и целесообразным указывать на мнимое богохульство, послужившее для них самих поводом к смертному приговору, а выставили тройственное обвинение в нарушении общественного спокойствия, мятеже против власти кесаря и присвоении себе царского достоинства. Как бы печалуя о благе народном, они говорили Пилату: *сего обретохом развращающа язык наш и возбраняюща кесареви дань даяти, глаголюще себе Христа Царя быти.* Это обвинение, несмотря на свою важность, было голословно и заведомо ложно. Христос Спаситель ходил по градам и весям с проповедью, *благодетельствуя и исцеляя вся* (Деян. 10, 38), и при этом устранялся от всяких видов человеческой славы, так что, когда, по чудесном насыщении пяти тысяч пятью хлебами, люди хотели сделать Его царем, Он удалился на гору один (Ин. 6, 15). В ясных словах, торжественно сказанных в ответ на хитрый, искусительный вопрос, Он повелевал воздавать *кесарева кесареви* (Мф. 22, 21) и всегда указывал в Себе не царя земного, а Христа, Сына Божия, Которому предстоит испить горькую чашу страданий и смерти (16, 20, 21; 20, 22). Христовы враги сами чувствовали внутреннюю несостоятельность обвинения при всей его тяжести, и хотели подействовать на правителя числом и важностью обви-

нителей: *обретохом* – мы, члены высшего судилища, законом уполномоченные блюстители общественного порядка и народного спокойствия.

Покорив весь мир, римляне ревниво охраняли державные права свои, и представители власти среди побежденных народов обязаны были строго следить за спокойным течением дел и вооруженной рукой подавлять возникающий беспорядок. Расчет врагов Христовых оправдался, – и Пилат обратил внимание на тройственное обвинение, возведенное на стоявшего перед ним Узника. Главная вина его, по мнению правителя, состояла в посягательстве на царственную власть, но эта вина, ввиду отсутствия доказательств и согласно обычаям римского судопроизводства, требовала тщательной поверки, тем более, что внешний вид и беззащитное положение Узника, оставленного всеми, даже ближайшими учениками, свидетельствовали против обвинителей. При видимом несоответствии обвинения тому положению, в каком находился Узник, признавая необходимым выслушать объяснение Его, Пилат вошел в преторию и призвал туда Иисуса. Правитель надеялся, что при отсутствии обвинителей, не решавшихся войти в преторию по страху осквернения, Обвиняемый с большей откровенностью изложит обстоятельства дела, по свойству своему не подлежавшего огласке.

Когда Господь стал пред Пилатом в судилище, игемон спросил Его: *Ты ли еси Царь иудейский?* Вся сила обвинения сосредоточивалась в признании Господом за Собою царского достоинства, но это признание, казалось Пилату, заключало в себе какой-то особенный смысл, который надлежало выяснить на суде. Присвоение царского имени в обыкновенном смысле, без сомнения, было бы важным преступлением, за которое закон наказывал смертью, а наименование себя царем в каком-либо другом смысле в глазах язычника не составило бы вины. Господь Иисус Христос был Царем духовного, нравственного Царства: таким Он Сам признавал Себя; таким признавали Его и веровавшие проповеди Евангелия о благодатном и Небесном Царстве. Посему, прежде ответа на вопрос Пилата, Божественный Узник Сам предложил ему вопрос с той целью, чтобы узнать, в каком смысле правитель понимает слово *царь*: спрашивает ли сам от себя, как будто об открытом заговоре против кесаря, или говорит со слов других, передававших ему о деле Пророка галилейского: *о себе ли, ты сие глаголеши, или инии тебе рекоша о Мне?* «Ты ли, правитель Иудеи, имеющий все средства знать мятежные замыслы, обвиняешь Меня в присвоении земной власти, или только повторяешь обвинение, подсказанное тебе злыми завистниками? Они сказали, что Я – злодей, похититель царской власти; твое дело наследовать и рассмотреть, какой Я царь». Пилат должен был сознаться, что со своей стороны не мог обвинить Подсудимого в каких-либо вредных действиях; тоном правителя-язычника, не имевшего желания вмешиваться во внутренние дела подвластной страны, или, еще менее, в ожесточенную борьбу партий, раздиравших Иудею, он указал обвинителей в лице членов синедриона с их единомышленниками и хотел слышать от самого Обвиняемого объяснение, чем могло быть вызвано такое обвинение: *еда Аз жидовин есмь? Род Твой и архиерее предаша Тя мне: что еси сотворил?* Он видел также, что жалоба синедриона, важная сама по себе, принесена на виду толпы народа, склонявшегося на сторону врагов Христовых, благодаря стараниям первосвященников и старейшин (Мк. 15, 11, 15). Тогда Господь Иисус, направляя Свой ответ против главного обвинения в присвоении царской власти, заметил, что Царство Его не мирское и земное, и для владычества римского не представляет опасности уже потому, что не находит защитников, вооруженных человеческими средствами нападения и обороны: *Царство Мое несть от мира сего, еще от мира сего было бы Царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не предан бых был иудеом, ныне же Царство Мое несть отсюду.* О неотразимой силе доказательства, высказанного Господом о неземном свойстве Своего Царства, свидетельствовала вся общественная деятельность Его, свидетельствовали недавние события и наглядно для каждого говорило настоящее смиренное положение Его. Он никогда не пользовался для мирских целей той славой, которую народ воздавал Ему (Ин. 6, 15); не воспользовался для этих

целей восторгом народа, торжественно встречавшего Его при входе в Иерусалим (Мф. 21, 8–11); да и теперь, обвиняемый своими врагами, предстоял на суде иноземца-язычника в уничиженном виде Узника, оставленного всеми. Пилат видел, что обвинение Христа иудеями в домогательстве мирского Царства падает само собою, но, тем не менее, слова Господа о каком-то Царстве казались ему странными: он хотел, чтобы Подсудимый отказался от них или же объяснил их точнее и понятнее, показав, в чем состоит это Царство, столь отличное от других Царств. *Убо Царь ли еси Ты?* – спросил игемон. Воплощенное Слово, Господь наш Иисус Христос, желал «научить Пилата и возвести к высшим понятиям» (святитель Иоанн Златоуст), засвидетельствовал пред ним, по выражению святого апостола Павла, *доброе исповедание* (1 Тим. 6, 13), возвестил, что не может отречься от царс кого наименования, как оно ни кажется опасным, потому что есть Царь духовный, облеченный «властью не человеческой, но гораздо выше и славнее человеческой» (святитель Иоанн Златоуст). Он Царь, но не такой, каким представляли Его обвинители, не такой, которого мог бы страшиться правитель, охранявший верховные права кесаря. *Ты глаголеши правду,* – ответствовал Господь, – *яко Царь есмь Аз, Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину, и всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего.* Этот Царь неземного, благодатного Царства, посланный Отцом в мир (Ин. 3, 17; 17, 18), проповедал людям истину новозаветного откровения (1, 17; 8, 32) и приобрел Себе учеников и последователей, уверовавших в Него (17, 8). Язычник не мог понять слов Господа в истинном смысле, а лишь вывел из них заключение, что перед ним стоит Невинный, подавший повод к клевете неосторожным употреблением опасных названий. «Вероятно, – думал Пилат, – это мудрец, подобный философам Греции и Рима, стремившимся к открытию истины и, увы, не достигавшим ее: какая же тут опасность для власти кесаря?» Римский правитель имел вообще смутное понятие об истине и не считал необходимым заниматься разъяснением этого предмета, по мнению его, не относившегося к делу. И между тем, не желая показаться совершенно равнодушным к истине, о которой так много и, к сожалению, бесплодно говорили тогдашние мудрецы, Пилат, как бы мимоходом, спросил: что есть истина? Это был вместе с тем упрек Обвиняемому, сделавшему задачей Своей жизни свидетельство об истине, которая, по мнению язычника, состав ляла неразрешимую загадку. Пилат, по за мечанию святителя Иоанна Златоуста, «понимал, что этот вопрос требовал времени для рассмотрения, а дело не терпело отлагательства». Проницательность правителя, опытность судьи, знание местных обстоятельств и характеров действующих лиц, – все убеждало его в невинности Узника, казавшегося простым мечтателем о неведомом Царстве. А посему, отложив спор об истине, Пилат спешил «избавить Иисуса от неистовства иудеев» (святитель Иоанн Златоуст). Он вышел к членам синедриона, ожидавшим у входа в преторию, и торжественно объявил первосвященникам и народу: *аз ни единыя вины обретаю в Нем*. Горько было слышать членам синедриона мнение язычника, уничтожавшее уже постановленный приговор над Обвиняемым, и они с крайним ожесточением решились продолжать начатое дело и довести его до конца. По выражению святого евангелиста Марка, первосвященники начали обвинять Христа *во многом* (15, 3). В такую решительную минуту злоречие и клевета не пощадили Того, Кто не сделал никакого греха (1 Пет. 2, 22). Возмущение Иуды галилеянина, увлекшего за собою довольно народа (Деян. 5, 37), было еще в свежей памяти; незадолго перед сим и сам Пилат, по подозрению в мятеже, умертвил в храме нескольких галилеян (Лк. 13, 1). Враги Христовы могли воспользоваться этими событиями с той целью, чтобы придать своим клеветливым внушениям некоторое правдоподобие. Необычайное действие учения Христа на слушателей (Ин. 7, 46), привязанность народа, не отходившего от Него по целым дням (Мк. 8, 2), множество учеников (Лк. 6, 17), нарушение раввинских преданий (Мк. 7, 3, 4) и несоблюдение субботы (Мф. 12, 2; Ин. 5, 16; 9, 16), очищение храма от торжников (Ин. 2, 18; Мф. 21, 12) наконец самые чудеса, привлекавшие к Нему народные толпы (Мф. 4, 24, 25), – все это иудеи теперь припомнили и,

клевеща и перетолковывая, обратили в вину Гос поду Иисусу. Но Обвиняемый, видя, что суд идет не по правде и что никакие оправдания не подействуют на упорных и многочисленных врагов, ничего не отвечал первосвященникам и старейшинам. Такое молчание, без сомнения, было приятно врагам Христовым: они могли опасаться, что Подсудимый, обладая чрезвычайной силой слова, без особенного труда разрушит хитросплетенную сеть лжи и обмана, в которую они хотели запутать римского правителя. Тогда потребовались бы новые усилия с их стороны; пришлось бы, по всей вероятности, подробнейшее рассмотрение дела отложить на неопределенное время, по крайней мере, до конца праздника, а этого именно они и хотели избежать, рассчитывая поспешностью решения прикрыть неосновательность обвинений. Пилат был убежден в невинности Господа; знал, что истинный источник обвинений – зависть (Мф. 27, 18) и что Обвиняемый может сказать многое в защиту Свою, а посему обратился к Нему с выражением недоумения: *не отвещаваеши ли ничтоже? – Не слышиши ли, колико на Тя свидетель ствуют? – Виждь, колико на Тя свидетельствуют!* Но Господь и ему ничего не отвечал ни на одно слово, так что игемон весьма дивился, как ему казалось, неуместной молчаливости Подсудимого и явному небрежению о Своей защите.

Между тем враги Христовы, пользуясь беззащитностью своей жертвы, продолжали настаивать; они теперь выставляли Иисуса преступником, возмущавшим народ не в Иудее только, но и в Галилее и во всей Палестине: *развращает люди, уча по всей Иудеи, начен от Галилеи до зде.* Первосвященники и старейшины, упомянув о Галилее, хотели сильнее подействовать на Пилата, бывшего во вражде с правителем этой области и после известного случая (Лк. 13, 1) подозрительно относившегося к галилеянам. Пилат, услышав о Галилее, спросил: *аще человек галилеянин есть?* До явления Своего миру Господь жил в галилейском городе Назарете, большая часть общественной деятельности Его протекла также в Галилее, а посему в Иерусалиме считали Его происходящим из Галилеи (Ин. 7, 41, 52) и даже прямо называли *галилеянином* (Мф. 26, 69). Это обстоятельство, открывшееся так неожиданно, навело правителя на новую мысль. В то время в Иерусалиме проживал галилейский четверовластник Ирод Антипа, прибывший в святой город для празднования Пасхи. Пилат, узнав, что Обвиняемый из области Ирода, решился послать Его к этому властителю, не с той, конечно, целью, чтобы уклониться от решения дела Иисусова: Ирод не мог спорить о власти с представителем державного кесаря и присвоить себе право окончательного суда, а Пилат не мог, если бы даже и захотел, отречься от преимуществ своего положения в пользу подчиненного ему тетрарха. Следуя римскому обычаю вести судебное разбирательство в уголовных делах с крайней осторожностью (Деян. 25, 16), Пилат считал необходимым предъявить Подсудимого правителю Галилеи для того, чтобы получить от Ирода, по возможности, полные и определенные сведения о лице Узника. При своем, хотя и поверхностном знакомстве с делом, игемон мог рассчитывать, что эти сведения послужат в пользу Обвиняемого и облегчат ему дальнейшую защиту Невинного против несправедливых нареканий врагов (Лк. 23, 15). Наконец, всенародным знаком внимания к сыну друга римлян, царя Ирода, Пилат надеялся расположить его к примирению, потому что тетрарх и римский правитель находились во вражде друг с другом (23, 12). В силу этих побуждений Господь Иисус Христос, в узах и под стражей, был отправлен к Ироду. За ним последовали злые обвинители первосвященники и книжники вместе с прочими членами синедриона, чтобы и там следить за ходом дела.

Иисус Христос перед Иродом *Лк. 23, 7–12*

Галилейский тетрарх Ирод Антипа, к которому теперь влекли Божественного Узника по стогнам Иерусалима, вполне неожиданно должен был принять участие в деле Иисуса благодаря угодливости Пилата. Соединяя хитрость лисицы (Лк. 13, 82) с легкомыслием и склонностью к чувственным удовольствиям (Мф. 14, 3, 6, 7), этот потомок Ирода Великого всегда готов был жертвовать своими убеждениями желаниям развращенного сердца (Мк. 6, 20, 27). В течение долголетнего правления Галилеей и заиорданской областью Переей он сделал много худого (Лк. 3, 19), запятнал себя убийством прославленного народом святого Пророка и Крестителя Господня Иоанна (Мф. 14, 10; Мк. 6, 27) и впоследствии, лишенный власти, скончался в далекой ссылке.

Имя и дела Христовы давно уже были известны Антипе по той громкой молве, которая, переходя из уст в уста, достигла и до слуха его (Мф. 14, 1; Мк. 6, 14; Лк. 9, 7). В недоумении он спрашивал: *Кто есть сей, о Немже аз слышу таковая*? (Лк. 9, 9) и предполагал, что этот Чудотворец, быть может, воскресший Иоанн Креститель, которого он умертвил (Мф. 14, 2; Мк. 6, 14, 16) и для окончательного удостоверения искал случая увидеть Его (Лк. 9, 9). Тетрарх скоро забыл о бедном Пророке галилейском; не вспомнил бы о Нем и теперь, если бы появление Иисуса перед лицом его не оживило прежних желаний, остававшихся до сего времени неудовлетворенными. Увидев Иисуса, Ирод очень обрадовался, рассчитывая удовлетворить своему любопытству. Тетрарх надеялся, что Господь совершит перед ним какое-либо чудо, и при этом, по замечанию блаженного Феофилакта, «желал увидеть чудо от Иисуса не с тем, чтобы уверовать, но насытить зрение», как бы на каком зрелище, где искусники представляют нечто удивительное. Желание его видеть чудо происходило из глубокого неверия силе Божией, открывшейся в спасительном явлении Господа; и в случае удовлетворения не принесло бы пользы и не сломило бы горделивого самомнения, а послужило бы во вред, подав повод к сомнению, презрению и насмешке над обнаружением всемогущества Божия. Всеведущий ясно зрел всю неблаговременность чуда в настоящем случае, и подобно тому, как в начале Своего служения отверг искусительные предложения диавола (Мф. 4, 4, 7), так и в конце своей земной жизни не удовлетворил праздному любопытству Ирода. Тетрарх, обманувшийся в своих ожиданиях, начал предлагать Иисусу Христу многие вопросы, но и вопросы эти были таковы, что Господь ничего не отвечал на них, ибо, замечает блаженный Феофилакт, «что за нужда отвечать тому, кто спрашивает не для научения? какая нужда повергать бисер пред свиньями (Мф. 7, 6)?» Божественный Узник стоял перед Иродом и молчал. Это молчание члены синедриона не преминули перетолковать по-своему и, поставив его в новую вину Подсудимому, начали клеветать на Него еще с большим озлоблением. Без сомнения, они здесь повторили и усилили те обвинения, какие высказали Пилату, выставляя Господа Иисуса противником власти, возмутителем общественного спокойствия. Злые обвинители льстили себя надеждой, что Ирод примет слова их с доверием, подобающим такому властному свидетельству, и тем более, что за несколько дней перед сим фарисеи успели привлечь иродиан, приверженцев галилейского правителя, к участию с собою в уловлении Господа в словах (Мф. 22, 16). Предубеждение против Иисуса от приверженцев правителя легко могло перейти к самому правителю, и теперь первосвященники и книжники старались о том, чтобы своими наговорами усилить это предубеждение. Но сколько они не трудились, Ирод не желал идти так далеко в обвинении Узника, Который представлялся ему не преступником, а скорее достойной сожаления жертвой вражды и зависти. Странным казалось правителю лишь то обстоятельство, что этот Человек по-видимому бессильный, не ищет у него защиты и помощи. Ирод чувствовал свое самолюбие уязвленным и, не сдержи-

вая порывов злобной мести, уничижил Страдальца и вместе со своими воинами надругался над Ним. Господь Иисус Христос безропотно и в молчании перенес язвительные насмешки и грубые шутки, в которых тетрарх желал выразить свое презрение к Нему, а воины, со своей стороны, старались выказать угодливость своему повелителю. Так, и во дворце галилейского правителя *Человек в язве сый и ведый терпети болезнь, по слову пророка, озлоблен бысть и не отверзает уст Своих, яко овча на заколение ведеся и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст Своих* (Ис. 53, 3, 7). Насытившись видом осмеянной и униженной невинности, Ирод повелел одеть Узника в светлую одежду и отослал Его к Пилату. В такие одежды обыкновенно облекались у римлян искавшие какой-либо почетной должности. Белая одежда на Иисусе, по мысли Ирода, должна была служить для всех заметным знаком, что он не находит в Нем вины, достойной смерти, и со своей стороны считает обвиняемого неопасным искателем престола, не заслуживающим осуждения. Пилат понял тонкий намек тетрарха (Лк. 23, 15), и оба правителя, выказав взаимную угодливость, довольные друг другом, забыли прежние неприятности, примирились и с этого времени сделались друзьями.

Продолжение суда Пилата
Мф. 27, 15–23; Мк. 15, 6–15; Лк. 23, 33–25; Ин. 18, 39, 40

Между тем перед преторией Пилата собралась значительная толпа народа: одни, заслышав о суде над Иисусом Христом, желали знать, чем кончится дело, а другие, быть может, пришли для того, чтобы подать свой голос при обычном освобождении узника на праздник. Пилат не мог не знать, как народ чтит своего Учителя, Чудотворца и Благодетеля, и, считая Его ни в чем не повинным, рассчитывал в народном мнении найти себе поддержку в попытках освободить Узника. Но, приняв во внимание крайнее упорство обвинителей, неотступно требовавших осуждения Господа, Пилат надеялся удовлетворить их телесным наказанием Подсудимого. Гибкая совесть язычника не смущалась тем обстоятельством, что невинный подвергнется незаслуженному позору и потерпит жестокие истязания, лишь бы восхвалялись мудрость и милость судьи, избавившего Его от смерти. Созвав первосвященников и начальников, возвратившихся от Ирода, и пригласив народ приблизиться к своему судейскому месту, Пилат сказал: *приведосте ми Человека сего, яко развращающа люди, и се аз пред вами истязав, ни единыя же обретаю в Человеце сем вины, яже нань вадите, но ни Ирод, послах бо Его к нему, и се ничтоже достойно смерти сотворено есть о Нем, – наказав убо Его отпущу.* Правитель думал, что такое решение не только успокоит врагов Господа, но будет особенно приятно народу. Был обычай, установленный, вероятно, римлянами для приобретения народной благосклонности, в силу которого правитель ежегодно отпускал на праздник Пасхи одного узника по выбору самого народа. Шумная толпа, спешившая воспользоваться предоставленным ей правом, начала теперь кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для нее. Игемон решился воспользоваться этим случаем для достижения своей цели: ему известно было, что народ, внимательно слушавший учение Иисуса Христа, испытавший от Него много благодеяний, не имел никакой причины враждовать против своего Благодетеля. *Есть обычай вам,* – сказал Пилат, – *да единого вам отпущу на Пасху: хощете ли убо, да отпущу вам Царя иудейска?* Наименование Иисуса Царем иудейским могло показаться врагам Христовым насмешкой правителя над Обвиняемым, но в народе оно должно было возбудить воспоминание о славном прошедшем и заветные чаяния утешительного будущего, имеющего открыться с пришествием Царя Мессии. То и другое, по мнению Пилата, могло склонить народную толпу отнестись сочувственно к Узнику, Который повидимому разделял чаяния ее.

В то время как народ, удивленный неожиданным предложением Пилата, стал совещаться, какой дать ответ, случилось событие, служившее для него предостережением. Жена правителя, которую древние сказания называют Клавдией Прокулой, видела замечательный сон и прислала слугу просить мужа не делать зла судимому Праведнику. *Ничтоже тебе и Праведнику тому, много бо пострадах днесь во сне Его ради,* – говорил посланный от лица жены Пилата. Это был сон пророчественный, а таким снам древность приписывала особенное значение (Быт. 37, 5; 41, 11; Суд. 1, 13), считая их внушением свыше (Быт. 20, 3; 28, 12, 31, 24; 46, 2. Чис. 12, 6; 1 Цар. 28, 6; 3 Цар. 3, 5; Дан. 7, 1). Не открыто ли было жене Пилата, какая печальная участь угрожает врагам Иисуса, и в частности мужу ее, за осуждение Невинного? Не дано ли было видеть ей в близком будущем лишение власти и ссылку мужа и затем самоубийство его, – обстоятельства, имевшие горестно повлиять на ее собственную участь? Но то несомненно, что Клавдия Прокула была восприим чивее своего мужа к сверхъестественным внушениям.

«Почему, – спрашивает святитель Иоанн Златоуст, – не сам Пилат видел сон?» – и отвечает: «или потому, что жена наипаче была достойна сего, или потому, что если бы он видел, то не поверил бы и даже, быть может, не сказал бы никому».

По преданию, жена Пилата видела во сне Господа Иисуса Христа, производящего Страшный суд над всеми людьми. В видение ей было открыто, что за богоубийство Иерусалим будет разрушен, храм уничтожен, многие иудеи будут наказаны и сам Пилат умрет недоброй смертью. Впоследствии Прокула стала христианкой и даже сподобилась пострадать за Христа.

Таинственное предупреждение супруги застигло Пилата в большом раздумье. Он сам хорошо понимал, что перед ним стоит Узник, ни в чем не повинный: знал, что обвинители Его предали из зависти, но как идти наперекор этим хитрым и могущественным врагам Его? Совесть Пилата была обременена тяжкими преступлениями, за которые, рано или поздно, могла постигнуть его вполне заслуженная кара: отказом своим раздражить сильных, упрямых и злых клеветников для него было опасно, потому что члены синедриона со своими единомышленниками могли бы обвинить его в новом преступлении – потворстве злому умыслу против кесаря – и тогда пришлось бы расстаться с выгодами своего положения. Под гнетом таких опасений, волновавших слабую душу Пилата, чувство справедливости, жалости и милосердия должно было уступить место расчетам своекорыстия и личной безопасности.

Между тем враги Христовы не бездействовали: пока Пилат выслушивал посланного от жены, первосвященники и старейшины употребили все усилия к наущению народа против Господа Иисуса Христа. Иерусалимляне издавна были известны неверием провозвестникам Божественного откровения (Мф. 23, 37; Лк. 14, 33) и, подобно всем иудеям, отличались слепой приверженностью фарисеям (Мф. 15, 14), которые пользовались большим влиянием на народ. Не раз уже возникала между ними распря, за кого принимать Иисуса Христа (Ин. 7, 43; 9, 16), и тогда как одни говорили, что Он Пророк (7, 40) и Христос Мессия (ст. 41), другие выражали сомнение, чтобы Пророк мог придти из Галилеи (ст. 41). Предубеждение против галилеян особенно сильно было между иерусалимлянами, считавшими себя и по вере, и по языку, и по нравам несравненно выше и чище жителей пограничной области, имевшей смешанное население (Мф. 26, 73; Мк. 14, 70; Ин. 7, 52; Деян. 2, 7). Все это заранее обнадеживало хитрых обвинителей в успехе их козней. Теперь именно, в такую решительную минуту, они, по всей вероятности, не упустили случая повторить прежние клеветы, которые были ими измышлены и рассеиваемы в народе во время общественного служения Господа. Вмешавшись в толпу, они убеждали не щадить ненавистного Пророка галилейского: Он – злодей, худший обыкновенных преступников (Ин. 18, 30), возмутитель и развратитель народа (Лк. 23, 2, 5), презритель отеческих преданий (Мф. 15, 2; Мк. 7, 1–5), разоритель субботы (Мф. 12, 2, 8; Ин. 5, 16), угрожавший разрушить храм (Мф. 26, 61; 27, 40), друг мытарей, грешников и самарян (Мф. 9, 11, 1, 19; Ин. 4, 40; 8, 48), обольститель, действовавший силой веельзевула, князя бесовского (Мф. 9, 34; 12, 24; 27, 63). Положение, в каком находился тогда Божественный Узник повидимому служило наглядным подтверждением справедливости того, что враги Его внушали народу. Продолжая наговоры с наглой хитростью людей, искусившихся в кознях, первосвященники и старейшины довели народ до того, что он решился предпочесть Христу Варавву и подать голос за освобождение его. Варавва был известный разбойник, посаженный в темницу вместе с сообщниками за произведенное в городе возмущение и убийство. И несмотря на то, что это был отъявленный злодей и что преступление его, сопровождавшееся кровопролитием, было всем известно и, бесспорно, заслуживало смертной казни, враги Христовы нашли возможность уменьшить вину его или даже совсем прикрыть ее, выставив возмущение Вараввы попыткой, подобной многим другим, к возвращению дорогой народу независимости. Сопоставляя Иисуса Христа и Варавву, первосвященники и старейшины не упустили указать слепо верившему им народу в первом – злоумышленника, разрушавшего закон, служивший для Израиля единственным утешением в скорбных обстоятельствах того времени, и в другом – случайного преступника, доведенного до преступления ревностью к отечественной свободе.

Лживыми и клеветливыми внушениями завистливые обвинители успели привлечь на свою сторону мнение народа, и когда Пилат опять обратился к народу, раздался крик: отпусти *не Сего, но Варавву!* Кричали все, подущенные членами синедриона, кричали с редким единодушием. «Если, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – позволено было отпускать одного из уличенных преступников, то тем более сомнительного, и, конечно, Иисус не казался для них худшим явных человекоубийц, но они кричали со слов своих руководителей, которые были совершенно ослеплены завистью и, сами будучи злы, развращали и народ». Предпочтение, оказанное народом явному преступнику в сравнении с Узником, Которого вина еще не доказана, привело Пилата в крайнее изумление, так что он еще раз спросил: *кого хощете от обою отпущу вам?* Голоса из толпы отвечали: *Варавву*. Игемон опять спросил: *что убо хощете, сотворю, Егоже глаголете Царя иудейска?* Все закричали: *да распят будет – пропни Его – возми Сего, отпусти же нам Варавву!* Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса, но голос его был заглушен криками: *распни, распни Его!* Правитель, призывая народ к беспристрастному рассмотрению дела, в третий раз обратился к нему с вопросом: *что бо зло сотвори Сей?* – и напомнив о голословности обвинений, предложил удовольствоваться высказанным решением: *ничесоже достойна смерти обретох в Нем, наказав убо Его, отпущу.* Вслед за этими словами поднялся великий крик: первосвященники и народная толпа, настроенная ими, с грозными воплями настоятельно требовали, чтобы Христос был распят. Римский правитель знал по прежним опытам, с каким народом имеет дело, знал упрямый и мятежный дух иудеев. Видя угрожающее положение толпы, решился уступить требованиям ее относительно Вараввы, а относительно Иисуса Христа – привести в исполнение свое решение. Он повелел отпустить из темницы Варавву, заключенного за возмущение и убийство, а Иисуса предал воинам для бичевания.

Бичевание
Мф. 27, 27–30; Мк. 15, 16–19; Ин. 19, 1–3

Бичевание, к которому Пилат приговорил Божественного Узника, было наказание чрезвычайно жестокое и мучительное. Римские судьи употребляли его или для исправления и вразумления обвиненных в преступлениях меньшей важности (Деян. 5, 40; 16, 22, 37), или в виде пытки для открытия истины (22, 24), или, наконец, как обычное приготовление преступника к смертной казни, и тогда как римские граждане пользовались в этом отношении некоторой льготой и могли быть наказаны лишь розгами, для рабов и вообще не имевших прав римского гражданства орудием наказания служил «ужасный бич». Эти бичи делались обыкновенно из ремней, в которые были вплетаемы острые металлические или костяные, наконечники. Число ударов и более или менее жестокие подробности бичевания вполне зависели от воли грубых, суровых и кровожадных исполнителей казни. Осужденного обнажали, привязывали за руки к столбу и бичевали по спине, а иногда с умышленной жестокостью наносили удары по лицу и глазам. Это наказание было так ужасно, что, по свидетельству древнего писателя, «многие умирали во время бичевания». Пилат предал Божественного Страдальца на истязание с той целью, чтобы, с одной стороны, видом израненного смягчить сердца врагов Его (Ин. 19, 4) и, по выражению преподобного Ефрема Сирина, «искупив большее наказание меньшим, спасти Иисуса от смерти», а с другой – успокоить волнующуюся толпу и вразумить Того, Кто казался ему неосторожным мечтателем, восстановившим против Себя не только старейшин, но и самый народ.

Исполняя повеление правителя, воины взяли Узника и отвели внутрь двора претории – туда, где обыкновенно производилось бичевание. Впрочем, хотя это место было обычным местом подобных наказаний, да и самые исполнители казни были, без сомнения, люди привычные, но в настоящем случае Страдалец был необыкновенный, – тот *Человек в язве сый и ведый терпети болезнь* (Ис. 53, 8) Который задолго до события говорил о Себе через пророка: *плещи Мои вдах на раны и ланите Мои на заушения, лица же Моего не отвратих от студа заплеваний* (50, 6). Все, что ни происходило в это время на дворе претории, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «превосходит всякое описание». Здесь Владыка неба и земли, *Себе умалив, зрак раба приим* (Флп. 2, 7), благоволил претерпеть, по выражению святой Церкви, «страшные страсти». Воины собрали для предстоящего ужасного зрелища весь полк:[4] они не ведали того, что если бы Узник, бывший во власти их, восхотел защитить Себя, то мог бы окружить Себя более, нежели двенадцатью легионами Ангелов (Мф. 26, 53). Так недальновидная человеческая мудрость, служа высшим целям Божественной премудрости, принимала свои меры предосторожности на случай могущих произойти беспорядков. Древнейшее предание утверждает, что пречистое тело Господа во время бичевания было привязано к каменной колонне. Римские воины, не привыкшие щадить, наносили удары жестокие, желая отомстить мнимому противнику кесаря. Но в этих язвах пророк, еще задолго до события, указал мир и спасение всего человечества: *Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша; наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53, 5).

Насытившись видом истерзанной жертвы, мучители закончили свое кровавое дело поруганием над Страдальцем. В этом отношении закон и обычное право нимало не стесняли злого произвола их, а пример Ирода и желание устроить для себя грубую забаву служили для них как бы поощрением. Они знали также, что, нанося многообразные и крайние обиды обвиненному судом синедриона, делают приятное иудейским старейшинам, кото-

[4] Полк, или когорта, составляла десятую часть римского легиона и была численностью от 400 до 600 человек.

рые не забудут такой важной услуги. Сам правитель недавно называл Узника Царем иудейским (Ин. 18, 39), и вот теперь воины, как бы продолжая и развивая угаданную ими мысль вождя, задумали окружить Страдальца мнимыми знаками царского достоинства. Но эти знаки, составлявшие новый вид страданий, Божественный Искупитель, намереваясь взойти на крест, как на престол славы, с которого воссияла любовь Божия к падшему человечеству, благоволил приять как Ему Единому приличные знаки крайнего самоуничижения и смирения (Флп. 2, 1, 8). В подражание царской багрянице на пречистое тело Господа, покрытое ранами, накинули пурпуровую хламиду – нечто вроде короткой епанчи, закрывавшей лишь половину тела и служившей отличительной принадлежностью военного звания. Эта, по выражению церковной песни, «ложная багряница», «багряница поругания», без сомнения, соответствовала цели, т. е. была ветхая и непригодная к употреблению. Для обозначения царского венца и победных лавров кесарей сплели венец из колючих ветвей терна и возложили на главу Спасителя. Терновый венец, уязвивший пресвятую главу, по изъяснению преподобного Исидора Пелусиота, был поистине победным знамением для Того, Кто пришел разрушить клятву, произрастившую на земле терния и волчцы (Быт. 3, 18): «так поступают благоискусные победители, выставляя на вид то самое орудие, посредством которого одержали победу». Вместо царского скипетра вложили в правую руку Божественного Страдальца трость. Окончив эти приготовления, воины с притворной торжественностью окружили жертву своей жестокости для того, чтобы приветствовать ее новым поруганием. В изъявление особенного уважения на Востоке перед царями обыкновенно преклоняли колена и падали на землю (Пс. 71, 9; Ис. 49, 24); и вот, как бы подражая этому обычаю, они становились перед Господом Иисусом на колена, кланялись Ему и говорили: *радуйся, Царю иудейский!* Затем, обнаруживая истинное значение приветствия, били Его по ланитам, плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове. «Что может быть тягчее, что обиднее? Не часть одна, а все тело терпело страдания: глава от венца и трости, лицо от ударов и заплеваний, ланиты от заушений, все тело от бичевания, наготы, одеяния хламидой и притворного поклонения, рука от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра» (святитель Иоанн Златоуст). Долготерпеливый Господь перенес эти страдания ради нашего спасения и, как Агнец, ведомый на заклание, *не отверзал уст Своих* (Ис. 53, 7), *будучи укоряемь противу не укоряше, стражда не прещаше, предаяше же Судящему праведно – Богу, Отцу Небесному* (1 Пет. 2, 23).

Приговор Пилата
Мф. 27, 24–26; Мк. 15, 15; Лк. 23, 25; Ин. 19, 4–16

Первосвященники, старейшины и народ продолжали стоять на улице у судейского места, в намерении довести дело до желаемого конца: при заметном колебании правителя они не теряли надежды исторгнуть у него согласие на распятие Христа Господа. Между тем повеление Пилата, предавшего Божественного Узника на бичевание, было исполнено с такой жестокостью, какой он, по всей вероятности, не желал и не ожидал. Пилат опять вышел к народу и, повелев привести Божественного Страдальца, еще раз засвидетельствовал о невинности Его: *се извожду Его вам вон, да разумеете, яко в Нем ни единыя вины обретаю.* Иисус Христос появился у судейского места со знамениями страданий, весь истерзанный, изъязвленный, в терновом венце и в багрянице, омоченной пресвятой кровью. Жалостное зрелище! Этого единственного Страдальца разумел вдохновенный пророк, когда, описывая Таинственного Воителя, спрашивал: *кто Сей пришедый от Едома, червлены ризы Его от Восора? Сей красен во утвари, зело с крепостию. Почто червлены ризы Твоя и одежды Твоя, яко от истоптания точила?* и не Его ли мысли изображал тот же пророк: *исполнен истоптания, и от язык несть мужа со Мною, – лето избавления, приспе, – воззрех и не бе помощника, и помыслих и никтоже заступи, и избави я мышца Моя* (Ис. 63, 1–5).

Взгляд на невинного Страдальца, потерпевшего ужасные истязания, внушил Пилату мысль испытать последнее средство ко спасении Его. Он рассчитывал, что положение, в каком находился теперь Узник, могло не только возбудить сострадание в самых жестоких сердцах, но и расположить обвинителей к более трезвому и спокойному рассмотрению дела, по утолении первых порывов злобы видом измученной жертвы. Указывая на Христа Господа, правитель воскликнул: *се Человек!* Смотрите, может ли этот человек быть нарушителем общественного спокойствия? Это не честолюбец, мечтающей о славе и величии, а скорее Страдалец, умеющий терпеть и вполне достойный сочувствия и удивления!

Вместе с тем Пилат невольно сказал подлинную правду: Господь и в унижении Своем больше, чем во славе и Царственном блеске, проявил все духовное величие и нравственную красоту истинного Человека, каким он должен быть по замыслу Творца. *Се, Человек!* – вот образец Человека, к которому все должны стремиться, таким Адам был в раю.

«Пилат, – по замечанию святителя Филарета Московского, – сказал в сих словах более, нежели сколько сам разумел: Иисус в таком состоянии, в которое приведен волей других, в чуждой одежде, не видно никакого действия Его, не слышно никакого слова Его, Его как бы нет. Он без воли, без действия, без слова. Сие молчание, которое Он сохраняет между восклицаниями защитника и между воплями клеветников и хулителей, сей глубокий взор, сквозь смятения человеческие погруженный в судьбы Божии, сии неподвижные члены, так сказать, почивающие в страданиях, – все сие представляет образ человека высочайше терпеливого, мужественного, кроткого, смиренного, никакой всеобщей враждой непобедимого в любви, непоколебимого в мире со всеми, человека бесстрашного, чистого, святого». Настала решительная минута. Первосвященники, опасаясь выпустить жертву из рук, закричали сами и заставили кричать своих служителей: *распни, распни Его!* Ненависть их к Пророку галилейскому, встречая препятствие к исполнению богоубийственного замысла, не только не ослабевала, а более и более увеличивалась. Такое упорство заставило Пилата опять призадуматься над решением вопроса, как выйти из трудного положения: с одной стороны, ему не хотелось преданием на смерть Невинного взять на себя тяжкую ответственность, если не перед судом кесаря, то перед судом своей совести, а с другой – представлялось опасным раздражать сильных и влиятельных врагов Христовых неисполнением требований их. Но как избежать той и другой опасности? Не зная, на что решиться, Пилат в досаде на упорных обвинителей дает

им понять, что настойчивость их неуместна, потому что он по-прежнему (Ин. 18, 38) считает Обвиняемого невинным и не может утвердить составленный ими смертный приговор: *поймите Его вы и распните, аз бо не обретаю в Нем вины.*

Первосвященники и прочие члены синедриона должны были убедиться, что обвинение в нарушении общественного спокойствия, выставленное ими против Господа Иисуса, правителем окончательно признано недоказанным. Для постановки смертного приговора римский закон требовал, кроме сознания самого виновного, прямых и несомненных улик (Деян. 25, 16), которых не могли представить злые и клеветливые обвинители Христовы. Но эта неудача не остановила людей, искусившихся в кознях: потеряв надежду довести дело до желаемого конца в порядке римского судопроизводства, враги Христовы с обычной изворотливостью обратились к своим местным законоположениям. При сем они могли рассчитывать, что, по всей вероятности, языческий правитель, менее сведущий в иудейском законе, нежели в римском, должен будет уступить требованиям их, подкрепленным фарисейскими доводами и толкованиями. Теперь жалоба их принимала иной вид: не упоминая более о преступлении гражданском или государственном – нарушении державных прав кесаря, возмущении народа и т. д. враги Христовы выставили обвинение чисто религиозного характера, то самое, которое было высказано в заседании синедриона, решившем предать Господа суду Пилата. Не далее как в тот же день утром, первосвященник, выслушав слова Иисуса Христа *о Сыне Человеческом, седящем одесную силы и грядущем на облацех небесных* (Мф. 26, 64), *объявила, что такое присвоение Боже*ственного достоинства есть богохульство, и тогда же весь синедрион признал Узника повинным смерти. Осуждением на смерть Господа славы лицемеры мнили исполнить букву закона Моисеева, который говорил, что хулитель имени Господня должен умереть (Лев. 24, 16). Властным голосом людей, призванных охранять святость закона, первосвященники и прочие члены синедриона обратили внимание Пилата на это преступление против веры и на закон, осуждающий преступника на смерть. Правда, этот закон был местный, исключительно отечественный, но они могли надеяться, что правитель и на сей раз не отступит от обычая римлян, относившихся с крайней терпимостью к законам и учреждениям побежденных народов. *Мы закон имамы,* – сказали они Пилату, – *по закону нашему должен есть умрети, яко Себе Сына Божия сотвори.* Это обвинение произвело на Пилата необыкновенное впечатление.

Все, что он слышал о Христе до суда и на суде, все, что сам теперь видел, все это представляло ему невинного Страдальца в каком-то особенном, таинственном свете: слухи о благодетельных чудесах Господа, доходившие до него, просьба жены не делать зла Праведнику, молчаливое спокойствие, с каким Узник выслушивал клеветы врагов Своих, удивительное терпение, с каким Он перенес тяжкие истязания и язвительные насмешки, – все это както безотчетно приводило Пилата к мысли, что пред ним не простой Обвиняемый. Римский судья, быть может, в первый раз в жизни чувствовал невольный страх перед Подсудимым, а теперь, услышав обвинение иудеев, убоялся еще более. Он не веровал Богу Иегове, но держался общего поверья язычников, что боги могут сходить на землю и вступать в сношения с людьми (Деян. 14, 11; 28, 6). У Пилата явилась догадка, не стоит ли на судилище его один из небожителей, странствующий на земле и уже так много потерпевший по воле его. Но обратиться к самим обвинителям за дальнейшими разъяснениями по возникшему недоумению казалось неудобным по причине крайне возбужденного состояния их, а главное – бесцельным, потому что, принадлежа к вере иудейской и относясь к язычникам с презрением, они могли бы или совсем не удовлетворить любопытства правителя, или же сообщить ему неточные и даже ложные сведения. Оставалось допросить Подсудимого, и притом, ввиду важности дела, без свидетелей и наедине, в надежде, что Он, не стесняемый присутствием своих врагов, с прямодушной откровенностью изъяснит о своем происхождении все, что нужно знать.

Прокуратор в крайнем недоумении и страхе по поводу вновь открывшегося обстоятельства, вошел в преторию и призвал туда Господа Иисуса. *Откуду еси Ты?* – спросил Пилат Обвиняемого, желая знать не о месте рождения Его, отечественной стране и отечественном городе, но вообще о происхождении, есть ли Он только простой человек, или более, нежели простой человек? На этот вопрос суеверного язычника Божественный Узник не дал никакого ответа. Он незадолго перед сим сообщил Пилату в самых общих чертах о Своем пришествии в мир для свидетельства об истине, но не нашел в правителе желания слышать более полное изъяснение непонятной ему истины (Ин. 18, 37–38). Также и теперь правитель был неспособен принять и понять возвышенное учение о домостроительстве Божием и об истинном Сыне Божием, сшедшем с неба для спасения мира, потому что все баснословные сказания язычников о происхождении богов и о сношении их с земнородными не могли прояснить тайны вочеловечения Христа Господа. Если бы эта тайна была открыта Пилату, то, без сомнения, была бы понята им совершенно превратно и затем, будучи высказана пред врагами Христовыми, дала бы им повод к новым насмешкам. Господь молчал, предоставляя Пилату припомнить прежде сказанное ему и довольствоваться той степенью откровения, какая преподана ограниченной мере разумения его. Но такое молчание показалось правителю неуместным: суеверный, легкомысленный и гордый, он мгновенно перешел от гнетущего чувства страха пред неведомой опасностью к вспышке оскорбленного самолюбия. *Мне ли не глаголеши,* – спросил Пилат, – *не веси ли, яко власть имам распяти Тя и власть имам пустити Тя?* Высокомерный судья в обаянии власти, предоставленной ему волей кесаря, забыл ту истину, что кроме земного суда, человеческого, есть еще суд высший, Божественный, и кроме земной власти есть еще власть небесного Судии, управляющего всеми человеческими делами. Люди, облеченные земной властью, часто служат лишь простыми орудиями в достижении цели, предуказанной волей небесного Мироправителя. Господь Иисус Христос в Своем ответе дал понять римскому правителю, что он, незаметно для себя пользуется властью лишь в тех пределах, какие назначены иной высшей властью, и что «все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но Таинственно» (святитель Иоанн Златоуст): *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше; сего ради предавый Мя тебе болий грех имать.* «Выражение: *дано*, – по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – здесь значит – допущено». Зло всегда остается злом, хотя нередко направляется Промыслом Божиим ко благу, а посему и Пилат, и предавшие ему Господа не свободны от греха и ответственности перед судом Божиим. Впрочем, язычник, не имевший откровенного закона (Рим. 2, 14) и сохранивший в душе своей некоторые остатки добра, понесет меньшую вину, а предавшие Господа его власти – неблагодарный ученик Иуда и все нераскаянные в злобе враги Христовы, сознательно отвергшие своего Мессию, будут иметь тягчайший грех и подвергнутся большему осуждению. Особенная благодатная сила, сокрытая в словах Господа Иисуса (Ин. 7, 46), и на этот раз оказала свое действие: кроткий и незлобивый ответ истерзанной жертвы, великой в самом ужасном уничижении, проник в душу Пилата и произвел на него благоприятное впечатление. Господь осудил его самопревозношение, указал степень виновности его, и за эти прямые, искренние слова правитель почувствовал еще большее расположение к судимому Страдальцу и, по замечанию святого евангелиста, *от сего искаше пустити Его*, т. е. еще настойчивее, еще решительнее изыскивал средства спасти Его от смерти.

Во время разговора Пилата в претории с Господом Иисусом Христом первосвященники и старейшины, оставшиеся вне у судейского места, имели довольно времени для того, чтобы, со своей стороны, еще более возбудить народ против Божественного Узника и условиться между собою, как вести дело далее. По некотором размышлении они пришли к тому заключению, что в глазах римского судьи, во всяком случае, более могли значить, хотя бы и притворные, ревность о пользе кесаря и преданность Риму, нежели забота о благе отечества,

составляющего лишь малую часть всесветной империи Римской, или же привязанность к вере, не знаемой язычником, а посему, в случае отказа прокуратора удовлетворить требованию их, решились возобновить прежнее обвинение в нарушении верховных прав кесаря. По выходе из претории Пилата иудеи дали понять ему, что они решительно настаивают на особенном значении обвинения и требуют признания важности его. Раздались громкие крики: *аще Сего пустиши, неси друг кесарев: всяк, иже царя себе творит, противится кесарю.* Правитель убедился, что первосвященники и члены синедриона не отступят ни пред какой крайностью и готовы передать дело на рассмотрение самого кесаря, а такой оборот дела для Пилата был тем страшнее, что иудеи имели основание обвинять его в распоряжениях, без всякой нужды оскорблявших народное чувство и вызывавших возмущения. Опасение подвергнуться гневу кесаря и забота о личной пользе заглушили в душе Пилата все другие чувства и стремления: правитель решился употребить последнее усилие спасти страждущую невинность и в случае неудачи покориться обстоятельствам, отказаться от защиты и отдать Узника в волю врагов.

Настала торжественная минута окончательного приговора. Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый (Ин. 19, 14) по римскому времени.

Суд продолжался уже несколько часов. Во все это время перед преторией стояла большая толпа, ожидавшая, чем кончится дело; здесь же были и обвинители – члены синедриона. Утомленный продолжительным допросом, расстроенный неудачными попытками спасти жизнь Обвиняемому, Пилат решился произнести окончательный приговор. Он сел на судейском месте, на возвышенной площадке, устланной разноцветными камнями, лифостротоне, повелел привести из претории Господа Иисуса и поставил Его перед лицом народа и обвинителей. Иудеи еще раз могли видеть предсказанного им *Мужа скорбей* (Ис. 53, 3) со всеми знаками истязаний и поругания: в багрянице, в терновом венце, со страшными язвами бичевания. Пилат с горьким упреком воскликнул: *се Царь ваш!* в последний раз он призывал врагов Христовых к состраданию при виде истерзанного, окровавленного Узника, но в ответ опять послышались яростные крики: *возми, возми, распни Его!* С новой язвительной насмешкой над толпой, служившей слепым орудием в руках злых клеветников, и над первосвященниками и членами синедриона, требовавшими смерти, очевидно, безвредного и невинного Страдальца, прокуратор спросил: *Царя ли вашего распну?* И вот первосвященники, льстивые и вероломные рабы римлян, должны были сознаться в глубоком своем унижении: *не имамы царя, токмо кесаря.* Эти хитрые лицемеры для достижения своей цели – погибели Обвиняемого – выставляли напоказ мнимую преданность кесарю, но эта преданность была лишь на лживых устах их, а на Самом деле они ненавидели чужеземного языческого повелителя и ни о чем так не заботились, как о свержении тяжелого ига римлян.

Злополучнейший из всех судей в мире убедился, что все усилия его сохранить жизнь Невинному остались безуспешными и ничто не помогло расположить обвинителей к прекращению возбужденного ими дела. С высоты судейского седалища он мог заметить, что волнение в народе увеличивается, а посему, решившись пожертвовать Праведником для удовлетворения врагов Его, правитель пожелал всенародно выполнить одно знаменательное действие, бывшее в употребление как у язычников, так и иудеев, – омовение рук, которое, по мысли Пилата, должно было свидетельствовать о том, что он неповинен в смерти Господа Иисуса Христа. Между язычниками было распространено древнее поверье, что в случае пролития крови человека или даже животных для очищения вины необходимо омыть руки водой, а у иудеев был закон, по которому старейшины города, ближайшего к тому месту, где найдено тело человека, неизвестно кем убитого, обязаны были в доказательство своей невинности торжественно омыть руки с известными обрядами (Втор. 21, 6; ср. Пс. 25, 6; 72, 13). Соблюдением древнего обычая Пилат думал успокоить свою слабую совесть и, кроме того, омовением рук на возвышенном месте, ввиду всего народа, хотел показать всем при-

сутствовавшим, и особенно стоявшим в отдалении и не имевшим возможности слышать слова его, что он снимает с себя всякую ответственность в пролитии крови Невинного и осуждает Иисуса против воли, лишь в угодность врагам Его. Совершив омовение рук, правитель сказал: *неповинен есмь от крове Праведнаго сего, вы узрите.* В этих словах скрывалось глубокое противоречие или, по выражению блаженного Феофилакта, «мудрование, очевидно ложное, потому что хотя сам он называл Иисуса праведником, однако предал Его убийцам». Пилат умыл руки не от крови, а в крови Праведника: сделав все, что можно было сделать, по соображениям человеческой предусмотрительности, в оправдание повидимому строгого беспристрастия суда, он не сделал самого главного, т. е. не довел до конца своей защиты Невинного и склонился на сторону врагов Его. И эти враги были так бесстрашны, что готовы были принять на себя все последствия богоубийственного дела. В ответ Пилату народ закричал: *кровь Его на нас и на чадех наших!* «Такова безрассудная ярость, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – такова злая страсть! Не позво ляет видеть то, что должно видеть. Они были жестоки и бесчеловечны к своим детям и отрекались от самой природы, но Господь не подтвердил согласием сего голоса не только против детей, а и против их самих: даже и из них самих принял покаявшихся и удостоил бесчисленных благ, кровь Его была на детях их, но не на всех, а только на тех, которые подражали нечестию и беззаконию отцов, и только те, которые были сынами их не по преемству природы, а по произвольному безумию, подверглись бедствиям. И не тотчас навел на них наказания и бедствия, но спустя сорок и более лет после креста: Он хотел дать им время на покаяние, чтобы они оставили свои грехи и загладили преступления». На нераскаянных же и неверующих иудеев проклятие их предков обрушилось всей тяжестью – и «памятник их бедствия – целая вселенная, по которой они рассеяны» (святитель Григорий Богослов).

Суд окончился ужасным проклятием, которым иудеи наказали себя за пролитие невинной крови. Пилат решил быть по прошению их и, желая сделать угодное народу, предал Господа в их волю – на распятие.

У евреев существовал обычай: осужденного на смерть преступника казнить не сразу после осуждения, а через несколько дней. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Он тотчас же был предан воинам на распятие.

Крестное шествие
Мф. 27, 31–32; Мк. 15, 20–21; Лк. 23, 26–32; Ин. 19, 16–17

По обычаю, имевшему у иудеев обязательную силу, и по римскому закону Тиверия смертная казнь была совершаема над осужденными спустя несколько дней по произнесении приговора. В таком случае глашатай всенародно объявлял о судебном определении, вызывая желающих представить к облегчению участи приговоренного новые дополнительные и объяснительные показания. Но такую отсрочку давали только обыкновенным преступникам, и притом в дни простые, непраздничные; Господь Иисус, как нарушитель общественного спокойствия, обвиненный в главных преступлениях и по иудейским, и по римским законам, в богохульстве и мятеже, по мнению врагов Его, не имел права на какую-либо льготу. Наступление покоя субботы с вечера того дня, а также великого праздника Пасхи и опресноков (Ин. 19, 31), могло служить для лицемерных блюстителей Моисеева закона новым побуждением поспешить с исполнением смертного приговора. И эта поспешность, которой сначала они хотели избежать из опасения возмущения (Мф. 26, 4, 5), теперь казалась необходимой, ввиду благоприятного для них настроения народа.

Агнец непорочный и пречистый, предуведеный прежде сложения мира предвечным советом Триипостасного Божества в искупительную жертву за грехи всего человечества (1 Пет. 1, 19, 20; 2, 24), был предан в руки воинов, которые у римлян обыкновенно исполняли судебные приговоры. Они сняли с Божественного Страдальца багряницу поругания и одели Его в собственные одежды Его, без сомнения, для того, чтобы все жители Иерусалима, даже случайные свидетели шествия к месту распятия, могли узнать Того, Кого так часто видели в храме и на улицах города. Орудие казни было готово. Тут же, на улице, ожидали Господа Иисуса Христа два спутника – разбойники, приговоренные вместе с Ним к распятию. Осужденные, по обычаю римскому, сами на себе несли орудие казни до места исполнения приговора в ближайшей окрестности города (Чис. 15, 35–36; 3 Цар. 21, 18; Деян. 7, 58; Евр. 13, 12). Со своей стороны, иудеи, памятуя слова Моисея (Втор. 21, 23), по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «так гнушались древом креста, что не позволяли себе даже прикоснуться к нему». Подобно Исааку, древнему прообразу, несшему дрова для своего всесожжения (Быт. 22, 6), Искупитель наш должен был Сам нести древо крестное для своего жертвоприношения. И вот, Божественный Крестоносец, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «вышел, неся крест, как знак победы над державой смерти»: «в глазах нечестивцев, – по замечанию святителя Льва Великого, – это было великим посмешищем, но для верных – великим Таинством, потому что славнейший Победитель диавола и могущественнейший Завоеватель враждебных сил в прекрасном виде нес трофей Своей победы и держал на раменах несокрушимого терпения спасительное знамение, назначенное для поклонения всех Царств и народов».

Открылось необычайное, единственное, крестное шествие *Ходатая Завета Новаго* (Евр. 12, 24), *Начальника и Совершителя веры, Иисуса,* претерпевшего такое над Собой поругание от грешников (ст. 2, 3). Теперь настало то время, когда ученики Господа и *все, чаявшие избавления во Ирусалиме* (Лк. 2, 38), должны были припомнить и уразуметь предуказание Его: *блажен, иже еще не соблазнится о Мне* (Мф. 11, 6). Тот, Кто *греха не сотвори, ни обретеся лесть во устех Его* (1 Пет. 2, 22), Кто ходил по всем городам и селениям *проповедая Евангелие Царствия Небесного, благодетельствуя и исцеляя всяк недуг и всякую язю в людех* (Мф. 4, 23; Деян. 10, 38), Кого недавно еще народ, собравшийся в Иерусалиме, встречал с радостными криками *осанна* (Мф. 21, 9–10), Искупитель падшего человечества, смиривший Себя до последнего предела человеческого уничижения – *до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8), шествовал с двумя злодеями по стогнам Иерусалима к месту казни,

влача на раменах тяжелый крест. Путь направлялся к западу, к Судным вратам, через которые обыкновенно выводили осужденных за город. Господь наш Иисус Христос, около суток не имевший покоя ни на минуту, влачимый из одного места в другое для допросов, повсюду подвергаемый поруганию и насмешкам, заплеваниям, заушениям, побоям, претерпевший страшное бичевание, изнемог на пути и преклонился под тяжестью креста. Видя, что изнуренный и обессиленный Страдалец не может нести далее креста Своего, и зная, что из иудеев никто не решится опозорить себя прикосновением к нечистому дереву, воины захватили возвращавшегося с поля некоего Симона Киринеянина и заставили его нести крест Господа. Это был язычник, чужестранец, родом из ливийского города Киринеи, а посему иудейские обычаи, понятия и предрассудки для него не имели обязательной силы. Так человек, *отчужденный жития Израилева и чуждый от завет обетования, упования не имущий* (Еф. 2, 12), сверх чаяния, удостоился разделить с Господом тяжесть креста Его. Этим обстоятельством, по толкованию святителя Льва Великого, «предзнаменовалась вера тех язычников, для коих крест Христов имел быть не соблазном, но славой, ибо неслучайно, но таинственно и знаменовательно произошло, что, когда иудеи злобились против Христа, для страдания с Ним явился не израильтянин, а иноземец. Через сие преложение креста перешло умилостивление кровью пречистого Агнца и полнота всех Таинств от обрезания к необрезанию, от чад плотских к чадам духовным».

О самом Симоне известно, что он был близок к ученикам Христовым, потому что евангелист Марк говорит о сыновьях его Александре и Руфе как о людях, которых хорошо знали в христианском обществе (Мк. 15, 21). Полагают, что апостол Павел в своем Послании к Римлянам именно этого Руфа называл избранным о Господе и память его он настолько уважал, что мать его именовал своей матерью (Рим. 16, 13). Вполне вероятно, что Симон и сыновья его Александр и Руф были начатком Христианской Церкви у киринейцев.

Итак, страшное шествие продолжалось: впереди шел Началовождь спасения нашего Господь Иисус Христос, за Ним – Симон Киринеянин, два разбойника, воины и великое множество народа, привлеченного любопытством видеть плачевное зрелище. Господь хранил глубокое молчание и не беседовал с народом, как бы давая разуметь, что прошло время слышать для имеющих уши и настало другое – созерцать для имеющих очи. В толпе народа следовали за Иисусом и женщины, которые плакали и рыдали о Нем.

Одна женщина, жившая в доме прямо у Крестного пути, подошла ко Господу и отерла Его окровавленный лик полотенцем. Предание сохранило имя этой женщины – Вероника. По мнению одних, Вероника – сродница царя Ирода, другие считают, что это исцеленная Христом кровоточивая жена. Может быть, она и то, и другое вместе. Ведь по Евангелию кровоточивая была очень богата, потому что много лет понапрасну лечилась она у разных врачей, пока прикосновение к ризе Христовой не исцелило ее. А здесь Вероника, выйдя на пыльную дорогу Иерусалимскую в зной предполуденного часа и подав Христу убрус – полотенце, получила на нем запечатленный Образ Его.

Слезы женщин были естественным выражением глубокой горести сердец чувствительных при ужасном зрелище, и в этом смысле могли ли они быть отринуты Тем, Кто также, уступая влечению человеческой природы, при гробе Своего друга восскорбел, возмутился духом и прослезился (Ин. 11, 33, 35)? Но страдания, перенесенные Им, и смерть, на которую Он шел, были превыше слез сострадания, хотя бы и самых искренних: тут нужны были слезы не о Нем, совершающем дело, от века предуставленное (Лк. 22, 22), которое должно было совершиться, а нужны были горькие слезы о том, что Иерусалим и весь народ израильский *не уразумели времене посещения своего* и за отвержение Мессии испытают на себе гнев Божий (19, 44). Нужно было плакать о себе и своем потомстве, а не о Том, Которого «страдание было не невольно и не вопреки желанию: неприятно и не заслуживает одобрения сострадание, когда страждет кто по собственному изволению» (преподобный Исидор

Пелусиот). Желая указать сострадательным женам истинный предмет сожаления, Господь, молчанием отвечавший на самые настоятельные вопросы на суде синедриона, Пилата и во дворце Ирода, теперь отверзает уста Свои и обращает к плачущим и рыдающим внушительную речь. *Дщери иерусалимски,* – сказал Господь, обратившись в ту сторону, откуда слышались плач и вопли, – *не плачитеся о Мне, обаче себе плачите и чад ваших,* – и при этом духовному взору Его представились приближающиеся дни грозного посещения Божия, когда настанут для богоубийственного народа такие бедствия, что чадородие, этот видимый знак благословения Божия (Втор. 28, 4; Пс. 126, 3; 127, 3–4), честь и слава жен (Быт. 24, 60; 30, 1–13; Пс. 112, 9), потеряет свою цену, а бесчадие, почитаемое тяжким несчастьем (Ис. 47, 9; 49, 21; Ос. 9, 14), сделается завидным: *яко се дние грядут, в няже рекут: блажены неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша.* И эти бедствия будут так велики, что застигнутые ими, поспешая укрыться от врагов в расселинах гор и холмов, будут желать, чтобы эти горы и холмы обрушились на них всей своей тяжестью и мгновенно прекратили плачевное существование их: образное выражение невыносимых страданий (Ос. 10, 8; Откр. 6, 16): *тогда начнут глаголати горам: падите на ны,* и холмом: покрыйте ны. И может ли быть иначе? Если невинному не дают пощады, что же сделают с преступным народом: *зане еще в сурове древе сия творят, в сусе что будет?* Истребительный огонь приближается к Иудее: если зеленое дерево горит, то еще скорее будет истреблено сухое. «Если, – как бы так говорит Господь, – римляне так поступили со Мною, деревом влажным, плодоносным, вечно зеленеющим и вечно живущим силой Божества и плодами учения Своего всех питающими, то чего не причинят они вам, т. е. народу, дереву сухому, лишенному всякой животворной праведности и не приносящему никакого плода?» (блаженный Феофилакт). Великие народные бедствия и у древних пророков иногда представлялись под образом пламени, истребляющего и зеленеющие, и сухие деревья (Иез. 20, 47), а Предтеча Господень Иоанн сравнивал фарисеев и саддукеев с деревом, не приносящим плода и годным лишь к сожжению (Мф. 3, 10), так что слова Господа, по всей вероятности, были в то время общеупотребительным народным присловьем.

Эта последняя проповедь покаяния, произнесенная без всякого укора и проникнутая глубоким чувством сострадания и любви к преступному народу, должна была запечатлеться в памяти слушателей тем тверже, что она изречена в самом преддверии креста. Многие из них, без сомнения, дожили до опустошительной войны с римлянами, последовавшей через тридцать лет, и могли быть свидетелямиочевидцами исполнения предречения Господа. Кровь Праведника, которую они призывали на себя, пала на них, на детей их, на все потомство их; она пала и на всех участников страшного события. Предатель Иуда умер смертью самоубийцы. Каиафа, льстивый угодник римлян, в следующем году лишен первосвященства. Дом Анны в следующем же колене был разорен бешеной толпою, которая волочила сына его по улицам, бичевала и била до тех пор, пока он не умер. Кровь иудеев лилась рекой во время войны и разрушения Иерусалима. Они кричали Пилату: *распни, распни!* – и вот римляне, как бы в отмщение, распинали их самих тысячами вокруг стен города. Они дали предателю тридцать сребреников, а сами были продаваемы победителями в рабство еще за меньшую цену. Они выбрали для себя Варавву – и не стало для них Мессии: потеряв свое отечество и свою самостоятельность, они влачат свое существование среди иноплеменных народов из века в век.

В годы Второй мировой войны (1939–1945) погибло 6 миллионов евреев – все еврейство Европы, треть народа. А ведь еврейскому народу тогда угрожало полное уничтожение (6 млн. жили в России и 6 млн. В США). В чем причина такой трагедии? – она явилась следствием великой катастрофы отпадения от Бога, непризнания Христа.

Распятие
Мф. 27, 33–56; Мк. 15, 22–41; Лк. 23, 33–49; Ин. 19, 18–30

Во время земной жизни Господа за стеной Иерусалима, к северо-западу, в близком расстоянии от города, находился небольшой кругообразный холм, называвшийся Голгофою или, по изъяснению святых евангелистов, Лобным местом (Мф. 27, 33; Ин. 19, 17). Такое название он получил или потому, что там были разбросаны черепа и кости казненных, или потому, что лишенный растительности представлял некоторое сходство с черепом (ср. 4 Цар. 9, 35). По древнему преданию, сохраненному святыми отцами, на этом холме, предназначенном Божиим определением быть местом удовлетворения за грех *перваго* Адама смертью *втораго* Адама (1 Кор. 15, 45), был погребен наш падший прародитель. Так Господь, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «водрузил знамение победы на том Самом месте, где Царствовала смерть», «дабы там же последовало и разрушение смерти, где было начало ее» (блаженный Феофилакт).

Злые делатели давно уже сговорились убить Наследника Небесного Домовладыки вне виноградника (Мф. 21, 38, 39). Но, исполняя свое дело, они неведомо для себя самих послужили *велией тайне* (1 Тим. 3, 16) домостроительства спасения падшего человечества, – *тайне, сокровенной от век и родов* (Кол. 1, 26) и постигаемой лишь смиренной и благоговейной верой. В законе Моисеевом в день очищения было повелено изгонять из стана или города некоторых животных по исповедании над ними грехов всего народа, а других жертвенных животных сожигать также вне стана (Лев. 16, 21, 27). Когда настал великий день всемирного очищения – день, который Господь назвал по преимуществу *Своим* (Ин. 8, 56), ветхозаветное прообразование исполнилось на *Агнце Божием,* взявшем на Себя грех мира (1, 29). Таким образом, замечает св. апостол, *Иисус, да освятит люди Своею Кровию, вне врат пострадати изволил* (Евр. 13, 12). На Голгофе утвержден был крест Христов – новый жертвенник (ст. 10), престол благодати (4, 16), «алтарь не храма, но всего мира» (святитель Лев Великий). Здесь, пред лицом неба и земли, в жертве всемирной *милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастася* (Пс. 84, 11); здесь открылись чудеса любви Божией, явившие миру в крайнем уничижении славу Божества: Начальника жизни (Деян. 3, 15) и жертва умилостивления (Рим. 3, 25), Господь славы (1 Кор. 2, 8) и Муж скорбей, презренный и умаленный пред людьми (Исх. 53, 3); Праведник (1 Пет. 3, 18), причтенный к злодеям и сделавшийся Ходатаем за преступников (Исх. 53, 12). В святейшем жертвоприношении Голгофском наш Искупитель, по выражению святителя Григория Богослова, был «Архиереем и жертвой», священнодействуя Себя Самого в умилостивительную жертву за грехи всего мира, или, как говорит святитель Иоанн Златоуст, «Один и Тот же был жертвою и Священником, – жертвой по плоти, Священником по духу; Один и Тот же приносил и был приносим по плоти». Искупительная сила жертвы Христовой, принесенной на Голгофе, так необъятно велика, что простирается на весь человеческий род и на все времена и удовлетворяет за все грехи. Господь «принесся единожды и довлеет навсегда» (святитель Иоанн Златоуст); жертва Его «все совершила и навсегда пребывает верной» (святитель Афанасий Александрийский), потому что, по учению святителя Кирилла Александрийского, «не мал был Умирающий за нас, не чувственное овча, не простой человек, не Ангел только, но вочеловечившийся Бог. Не таково было беззаконие грешников, какова правда Умершего за нас; не столько мы согрешили, сколько совершил правды положивший за нас душу – положивший, когда хотел, и паки приявший, когда восхотел».

Жертвоприношение Голгофское совершено на кресте, по толкованию святых отцов, для того, чтобы явить миру *широту и долготу и глубину и высоту любви Христовой,* превосходящей всякое разумение (Еф. 3, 18). Все, что совершилось на древе крестном, было «враче-

ванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас плод древа познания, безвременно и неблагоразумно вкушенный. Для сего древо за древо и руки за руку, руки, мужественно распростертые за руку невоздержно простертую, руки, пригвожденные за руку своевольную, руки, совокупляющие воедино концы мира за руку извергшую Адама. Для сего вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю» (святитель Григорий Богослов). Таким образом, «как грех вошел в мир посредством плода древесного, так и спасение – посредством древа крестного» (святитель Афанасий Александрийский). Чтобы *искупить нас от клятвы законныя* (Гал. 3, 13) и снять тяготевший на человечестве грех прародительский, надлежало Искупителю нашему *вознести грехи наши на теле Своем на древо* (1 Пет. 2, 24), сделаться за нас клятвою (Гал. 3, 13) и пригвоздить ее Собою ко кресту. Вид креста четверочастен, по разумению святого Симеона Солунского, «ради пригвожденного на нем Христа, Сына Божия, горнее и дольнее и все существующее сотворшего и содержащего, горнее соединившего с тем, что на земле, свыше нисшедшего долу, из долу же возвысившего нас горе, из ада воздвигшего и из земных соделавшего нас небесными, в Себе Самом все соединившего и концы мира созвавшего к поклонению истинному и живому Богу, высотой Божества и смирением воплощения все усвоившего Себе, высокостью славы и глубиной нищеты и смирения, и широтой милости и любви воссоздавшего нас». Возвысясь на кресте, на воздухе, по объяснению святителя Афанасия Александрийского, Христос показал победу над *князем власти воздушныя* (Еф. 2, 2) и, простирая руки Свои к народу непокорному (Исх. 65, 2), «одной рукой привлекал к Себе ветхий народ, а другой – званных из язычников и тех и других соединял в Себе». Святитель Григорий Нисский, толкуя слова апостола (Еф. 3, 18), говорит, что «он созерцал образ креста, который являет всепроницающую силу и промышление Явившегося на нем, и потому каждый рог назвал приличными именами: нижний – глубиной, верхний – высотой, а те, которые простираются поперек с той и другой стороны, долготой и широтой, чем ясно означается то, что нет ничего из существующего, что не было бы объято Божественным естеством, преНебесное ли то, преисподнее ли или горизонтально простирающееся во все стороны до пределов существующего. Ибо, присовокупляет святой отец, высотой апостол означает преНебесное, глубиной – преисподнее, а долготой и широтой – пределы того, что находится среди оных, содержимое вседержащей силой». Святитель Василий Великий видит в четверочастном составе креста указание на четыре страны света и говорит, что предпочтена крестная смерть для того, чтобы «все части мира приведены были ко спасению частями креста».

Смирив Себя *даже до смерти* (Флп. 2, 8), Господь избрал род смерти поноснейшей и мучительнейшей, чтобы еще яснее показать, какое неисчерпаемое *богатство славы* сокрыто *в тайне* домостроительства нашего спасения (Кол. 1, 27).

Распятие почиталось самой ужасной, жестокой и позорной казнью, к которой обыкновенно приговаривали разбойников, убийц, мятежников и преступных рабов, и мучения распятых были так велики, что можно сравнить их с муками адовыми, о которых упоминает Псалмопевец (Пс. 114, 3). Когда крестное шествие достигло Голгофы, исполнители казни занялись постановкой и укреплением креста Господня в средине, а по сторонам – двух крестов для приведенных с Господом разбойников. По обычаю, принятому у римлян, прежде утверждали в земле кресты, а потом уже поднимали осужденных и иногда привязывали, а чаще пригвождали к ним (Ин. 3, 14; 8, 28; 12, 32, 33). Во время этих приготовлений было выполнено наставление Соломона, которое, по крайней мере, для иудеев имело обязательную силу и особенно в случае, подобном настоящему: *дадите сикера сущим в печалех и вино пити сущим в болезнех, да забудут убожества и болезней не воспомянут ктому* (Притч. 31, 6, 7). Следуя этому правилу в отношении к больным и несчастным, сострадательные люди

еще ревностнее и охотнее исполняли его в отношении к осужденным на смерть. Они приносили на место казни вино, смешанное со смирной и другими ароматическими веществами, и давали пить его осужденному на смерть. От примеси благовоний вино приобретало остроту и горький вяжущий вкус и могло служить не только к утолению жажды и укреплению сил, но и к помрачению сознания и притуплению чувствительности к предстоящим ужасам смерти. Был принесен на Голгофу и полный сосуд уксуса (Ин. 19, 29), быть может, для потребностей самих распинателей, потому что римские воины обыкновенно утоляли свою жажду уксусом. И вот, как «бывает в беспорядочной толпе, где всякий делает свое» (блаженный Феофилакт), и как могло случиться на Голгофе, куда собралось множество народа, одни предлагали Божественному Страдальцу заготовленное вино со смирной, но Он, желая претерпеть жестокие мучения и смерть с полным и ясным сознанием, не принял этого пития; другие же, как бы спеша исполнить пророческое слово Псалмопевца: *даша в снедь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцта (*Пс. 68, 22), поднесли Господу сосуд с уксусом, смешанным с желчью, но Муж скорбей, взявший на Себя немощи и болезни всего человечества (Исх. 53, 3, 4), хотел претерпеть их, не уменьшая силы страданий, а посему, отведав питие, не пожелал пить.

Когда кресты были поставлены и утверждены в земле, исполнители приговора сняли с Господа Иисуса Христа одежды, приподняли Его на крест, распростерли руки Его и прибили гвоздями к дереву так же, как и ноги. Был, по счислению еврейскому, третий час дня. С Ним распяли двух злодеев разбойников, одного по правую, а другого по левую сторону. Это было сделано, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, к большему «поношению» Его, но на Самом деле послужило к большему «подтверждению истины». Злобные враги, неприметно для себя, исполнили древнее пророчество Исаии: *и со беззаконными вменися* (53, 12).

Судебный порядок римлян требовал, чтобы вина распинаемых была объявляема народу иногда через особого глашатая, который, предшествуя осужденному до места казни, возвещал ее вслух всех, или, что случалось чаще, посредством надписи на дощечке с обозначением имени, места происхождения и преступления казнимого. Такую дощечку обыкновенно несли перед осужденным на место казни или иногда вешали на него, и по распятии прикрепляли ко кресту над головой его, чтобы всякий мог видеть и читать сделанную на ней надпись. Пилат воспользовался этим обстоятельством, чтобы снова, и еще жесточе, уязвить первосвященников и членов синедриона: вина, за которую осужден Господь, выражена им в таких словах: *сей есть Иисус Назорей Царь иудейский.* Эта надпись была изображена на дощечке, укрепленной над головой Распятого, на трех языках: еврейском, греческом и римском, с той целью, чтобы не только палестинские евреи, но и чужестранцы, пришедшие на праздник Пасхи из дальних мест, могли читать и понимать ее. Первосвященники, прочитав надпись, сообразили, какой великий позор для них скрыт в кратких, но знаменательных словах. Они должны были ожидать, что иудеи прочтут надпись с негодованием на своих начальников, предавших имя Царя иудейского такому поруганию, а язычники – со злой насмешкой над ненавистным им народом. В крайнем смущении хитрые враги Христовы стали просить Пилата о перемене надписи: *не пиши: Царь иудейский, но яко сам рече: Царь есть иудейский.* В таком случае вина падала на Самого Господа: Он объявлялся самозванным обманщиком, а это неминуемо увеличило бы озлобление против Него во всех зрителях Голгофского события. По-видимому расчет был верный. Но Пилат, сделавший им столько уступок, на этот раз остался непреклонным и отвечал: *еже писах, писах*. И между тем, сам не ведая, он написал великую истину. «Пилат, – рассуждает один из учителей Церкви, – что написал, то написал; поелику Господь что сказал, то сказал. Он сказал: *Аз поставлен есмь Царь от Него над Сионом, горою святою Его* (Пс. 2, 6) сказал, что Ему должно пострадать, дабы *внити в славу Свою* (Лк. 24, 26), – и вот пригвоздившие его ко кресту сим самым, так сказать, возвели Его на престол; оставалось провозгласить нового Царя, и Пилат-язычник посредством трехязычной надписи торжественно провозглашает Его, вопреки властям иудейским, вслух всех народов:

пророческий символ событий, имевших вскоре последовать! Народ иудейский, продолжая отвергать иго Царства Христова, видел и доселе, к посрамлению своему, видит, как народ языческий, один за другим, признают распятого Иисуса своим Царем, Спасителем и Господом».

Итак, на Голгофе открылась пред всем миром тайна креста Христова, представленная предвечным советом Триипостасного Божества и до сего времени *сокровенная от век и родов* (Кол. 1, 26). *Агнец непорочный и пречистый,* предназначенный еще прежде создания мира (1 Пет. 1, 19, 20) в искупительную и умилостивительную жертву за грехи всего человечества (1 Ин. 2, 2) вознесен на крестный жертвенник. *Посреди земли* (Пс. 73, 12) водружено новое древо жизни. Язвы Господа, изливая четыре струи на землю, пораженную древним проклятием за грех прародителей (Быт. 3, 17), освящают ее и как бы уготовляют в жилище новозаветных чад второго Адама. Какое необычайное зрелище, не только для душ избранных, *чаявших избавления во Иерусалиме* (Лк. 2, 38), но и для самих Ангелов, с благоговейным трепетом окружавших крест, как престол *Господа славы* (1 Кор. 2, 8)!

Но в то время, когда на кресте совершалась тайна спасения падшего человечества, вокруг креста, у самых стоп Господа, враг нашего спасения напрягал все усилия к возбуждению самых лютых страстей в исчадиях тьмы и к уязвлению, так сказать, пяты победного *Семени жены* (Быт. 3, 15). Вслед за тем, как был утвержден крест и прикреплена к нему надпись, надлежало исполниться во всей точности древнему пророчеству царя Давида, который, в пламенных выражениях описывая страдания Мессии Христа на кресте, говорил о разделе риз Его: *разделиша ризы Моя себе и о одежди Моей меташа жребий* (Пс. 21, 19). Воины, окончив распятие, как бы в возмездие за свое дело, поспешили воспользоваться одеждами Господа. Кинув жребий, кому что взять, они разделили одежды между собою на четыре части. Оставалась нижняя одежда – хитон; особенность его состояла в том, что он был несшитый, но весь сверху донизу сотканный пречистыми руками Богоматери. Распинатели тотчас сообразили что «раздранный, он ни на что не был бы годен» (святитель Кирилл Александрийский), а поэтому пожалели раздирать его на части и сказали друг другу: *не предерем его, но метнем жребий о нем, кому будет.* Так и поступили, – и затем, выполняя принятый в подобных случаях порядок, сели на Голгофе на страже из предосторожности, чтобы распятые не были преждевременно сняты с крестов.

Все, что видел и слышал Божественный Искупитель наш с высоты креста Своего, увеличивало телесные страдания Его новыми тяжкими муками нравственными. На Голгофе, среди многолюдной толпы, присутствовали первосвященники с прочими членами синедриона: несмотря на приближение великого праздника, они хотели лично наблюсти за исполнением приговора, удовлетворить чувству мщения видом мучений умирающего Иисуса, наконец – отравить последние минуты Его злословием и насмешками. Народ стоял и безмолвно смотрел, но проходившие мимо останавливались и с видом крайнего пренебрежения кивали головами своими и говорили: *разоряяй церковь и треми деньми созидаяй! Спасися Сам: аще Сын еси Божий, сниди с креста.* Первосвященники с книжниками, старейшинами и фарисеями к насмешкам проходивших присоединили свои, еще более язвительные; иудейские начальники говорили друг другу: *иныя спасе, Себе ли не может спасти? – да спасет и Себе, аще Той есть Христос, Божий избранный, – аще Христос Царь Израилев есть, да снидет ныне со креста, да видим и веруем в Него; упова на Бога, да избавит ныне Его, аще хощет Ему, рече бо, яко Божий есмь Сын.* В жалком ослеплении они насмехались не над Распятым только, но произносили хулу на Самого Бога Отца, и при этом, сами не замечая, исполняли предсказание Царственного пророка Давида, который, задолго до события, описал позор страждущего Мессии теми же словами, какие они произносили: *вси видящии Мя поругашамися, глаголаша устнами, покиваша главою: упова на Господа, да избавит Его, да спасет Его, яко хощет Его* (Пс. 21, 8, 9). Несчастные в лице Христа распятого хулили сво-

его истинного Мессию и, отвергаясь Его, делались богоотступниками. Примеру иудейских начальников подражали и бывшие на страже римские воины. Эти грубые и простые люди, слыша вокруг одни только насмешки и не понимая смысла их, также подходили к Господу, подносили Ему уксус, как бы в знак сострадания к положению Его, и повторяли то, что слышали: *аще Ты еси Царь иудейск, спасися сам.*

Так, на Голгофе отовсюду слышались просьбы Распятому сойти с креста, спасти и избавить Себя от позорной смерти, но все эти просьбы были злой насмешкой, ясно высказанной врагами Христовыми и с их слов повторенной прочими. Лукавый род книжников и фарисеев и прежде несколько раз искал знамения с неба для удостоверения в Божественном достоинстве Христа-Спасителя, но каждый раз получал ответ, что *знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка* (Мф. 12, 39, 40; Мк. 8, 11; Лк. 11, 29, 30). Это новое искание знамения с креста не было ли последним усилием того же искусителя, который приступал к Господу в Самом начале Его служения (Мф. 4, 1–11; Лк. 4, 13)? Враг нашего спасения диавол видел, что Христос крестом разрушит владычество его (Ин. 14, 30; 16, 11), и домогался через своих погибельных сынов упразднить крест Христов (1 Кор. 1, 17). Но все вызовы тщетного безумия остались неудовлетворенными. Творить знамение для тех, которые, видев множество чудес Господа, не веровали в Него (Ин. 12, 37) и отвергли волю Божию о себе (Лк. 7, 30), было излишне и вполне бесполезно, потому что в них не было искреннего желания познать истину Христову. Вопреки суетным желаниям, Божественный Искупитель знал, что Он должен испить чашу страданий до дна (Мф. 20, 22), – ту чашу, которую подавал Ему Отец и Он сам принял добровольно (Мф. 26, 42; Ин. 10, 17–18). Многократно Он предсказывал о Своих страданиях и крестной смерти (Мф. 16, 21; 17, 12, 22–23; 20, 18–19; 26, 2; Мк. 8, 31; 9, 12; 31, 10, 33; Лк. 9, 22, 44; 13, 33; 17, 25; 21, 15–16; 24, 7), указывал частнейшие обстоятельства предстоящей кончины Своей, как то: предательство Иуды (Мф. 26, 21–25; Мк. 14, 18–21; Лк. 22, 21; Ин. 6, 70; 13, 18; 21, 26), отречение Петра (Мф. 26, 34; Мк. 14, 30; Лк. 22, 34; Ин. 13, 38), бегство учеников (Мф. 26, 31; Ин. 16, 32), смерть на кресте (Ин. 3, 14; 8, 28; 12, 32–33), погребение (Мф. 26, 12; Мк. 14, 8; Ин. 12, 7), говорил, что Он идет *по реченному* (Лк. 22, 22), *якоже есть писано о Нем* (Мф. 26, 24; Мк. 14, 21), и *ведый вся грядущая Нань* (Ин. 18, 4) еще накануне предвозвестил ученикам о скором отшествии Своем (14, 19; 16, 5, 16, 28; 17, 13). Мог ли сойти с креста Сын Человеческий, Который собственно и пришел на час сей (Ин. 12, 27), чтобы *дати душу Свою избавление за многих* (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45)? Нет, Он не сойдет с креста; все сказанное в Писании должно исполниться (Мф. 26, 54; Лк. 24, 26); Иерусалим, *не уразумевший времене посещения своего* (Лк. 19, 44), должен дополнить и превзойти богоубийством меру древних убийц пророков (Мф. 23, 32)! «Никакие порицания не уклонили от избранного пути милосердие Господа, восстановляющее падших, потому что Богу приносилась тогда особенная жертва, и убиение Христа, истинного Агнца, предсказанное за столько веков, переносило чад обетования в свободу веры; утверждался Новый Завет и Кровью Христовой вписывались наследники вечного Царствия; великий Архиерей входил во Святая святых и беспорочный Иерей чрез завесу Своей плоти проникал для умилостивления Бога; совершался переход от закона к Евангелию, от синагоги к Церкви, от множества жертв к одной – Божественной» (святитель Лев Великий).

Что чувствовала и думала чистейшая и святейшая душа Богочеловека, вознесенного на крест, среди жесточайших страданий, при виде глумления нечестивого соборища? Эти мысли и чувства, задолго до Голгофского события, Царственный псалмопевец Давид изобразил в пророчественных чертах от Лица самого распятого Страдальца. *Сонм лукавых одержаша Мя, ископаша руце Мои и нозе Мои, исчетоша вся кости Моя, тии же смотриша и презреша Мя (Пс. 21, 17–18). Уста грешнича и уста льстиваго на Мя отверзошася, – словесы ненавистными обыдоша Мя и брашася со Мною туне. Вместо еже любити Мя, оболгаху Мя, Аз же моляхся, и положиша на Мя злая за благая и ненависть за возлюбление Мое*

(108, 2–5). Чуждь бых братии Моей (68, 9). Одержаша Мя болезни смертныя, – предвариша Мя сети смертныя (17, 5–6). Еже сотворити волю Твою, Боже Мой, восхотех и закон Твой посреде чрева Моего (39, 9). Аз же молитвою Моею к Тебе, Боже: время благоволения, Боже, во множестве милости Твоем услыши Мя, во истине спасения Твоего (68, 14). Искупитель человечества, священнодействуя Себя на кресте в жертву за грехи всего мира, ни о чем ином не помышляет, как об исполнении предвечного совета Божия. Он рек, по слову пророческому: се прииду, *– в главизне книжне писано есть о Мне* (Пс. 39, 8), – и никакие ужасы, никакие язвы и страдания, никакая глубина уничижения не могли удержать Его от совершения принятого на Себя дела Божия (Ин. 4, 34). На кресте, среди молвы и шума страстей человеческих Он являет послушание *даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8). Не вопли и стоны на устах Страдальца, а умилительные слова молитвы всепрощения, в которой выразилась беспредельная любовь Его к самим распинателям, ко всему грешному человечеству. Он не только прощает врагов своих и распинателей в торжественную минуту смерти, не только покрывает забвением все, что они сделали Ему, но еще ходатайствует за них перед милосердием Отца Своего, просит о помиловании их, старается оправдать их. Он не замечает, что терпит от них, а только помнит и видит, что страждет за грехи их и всего человечества. Все, и прежде всех враги Христовы, должны были познать и уразуметь, что, по выражению епископа Игнатия Богоносца, «любовь распялась». «Не человеки на Голгофе ругаются Божию величеству: Божий Промысл посмевается буйству человеческому, без нарушения свободы заставляя его служить высочайшей Своей премудрости; не лукавые рабы прехитряют Господа: всеблагий Отец не щадит Сына, дабы не погубить рабов лукавых; не вражда земная уязвляет любовь небесную: небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертью любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. Таким образом то, чего не хотели, не могли, не знали, перед целым светом совершилось теми самыми, которые не хотели, не могли, не знали» (святитель Филарет Московский). Среди глубочайшего уничижения, среди величайших страданий, среди глумления и посмеяний неистовой толпы слепотствующих людей обнаруживаются, незримо для неверия и ощутимо для веры, величайшая слава креста и торжество любви Божией. Враги желают отравить насмешками последние минуты распятого Господа, – Он просит, чтобы смерть Его была благотворна и для них, прикрыв их грех неведения; они в безумии страсти готовы принять на себя и чад своих невинную кровь Его, – Он ходатайствует, чтобы кровь Его не вменилась им; они спешат довершить меру своего преступления, – Он старается уменьшить тяжесть его. *Отче!* – молился Распятый Отцу Небесному, *– отпусти им, не ведят бо, что творят. – Аще бо быша разумели, – говорит св. апостол, – не быша Господа славы распяли* (1 Кор. 2, 8); если бы веровали проповеди Евангелия, не о*тверглись бы от Святаго и Праведнаго* и не *убили бы Начальника жизни* (Деян. 3, 14–15). Но это было неведение произвольное и преступное, проистекавшее от крайнего ослепления ума и ожесточения сердца (Мф. 13, 13–15). Господь молит о прощении греха неведения. Так как в грехе неведения повинны не только распинатели Христа Спасителя, но и все иудеи, отвергшие своего Мессию и принимавшие большее или меньшее участие в смерти Его, а также и все неверующие Евангельскому слову, то и молитва всепрощения распространяется, по замечанию преподобного Иоанна Дамаскина, «на всех без изъятия – еллинов, иудеев, чужеземцев, варваров». Из нее не исключаются и те, которые, будучи просвещены христианством, вкусив дара небесного и сделавшись причастниками Духа Святаго, второе и притом вполне сознательно *распинают Сына Божия себе* (Евр. 6; 4–6), попирают Его, не почитают за святыню кровь завета и оскорбляют Духа благодати (10, 29). По выражению того же святого отца, Господь наш «изрек: *отпусти*, однажды, но слова Его на Самом деле исполняются всегда»; Он взывал сие не об одних врагах, но «о всяком народе, взывает всегда, и желающий приемлет отпущение». Так,

Небесный Учитель, давший заповедь о любви к врагам (Мф. 5, 44), в последние минуты жизни исполнил ее на деле самым совершенным образом.

Скоро к глумлению нечестивой толпы над Божественным Страдальцем присоединился один из распятых с Ним разбойников. Многие из смотревших на Голгофское позорище насмехались над Господом, одни по злобе и ожесточению сердца, другие по легкомыслию или из угодливости начальникам и старейшинам, но хула разбойника, томившегося в смертных муках, показывает, что сердце его совершенно окаменело во зле и не умягчилось даже подле Самого *Солнца правды* (Мал. 4, 2), ввиду открывающейся вечности. Без надежды на милосердие Божие, с отчаянием в душе, этот несчастный желал свободы для того, чтобы продолжать те же злые дела, за которые осужден, и, слыша вокруг распятого Господа насмешки, с яростным озлоблением повторял их и нагло требовал от Него чуда, преимущественно для своей же собственной пользы: *аще Ты еси Христос, спаси Себе и наю.* Это чудо, напрасно призываемое, не могло и не должно было совершиться по плану Божественного домостроительства, но в научение ожесточенного разбойника и в пример глумящимся врагам Господа совершилось дивное чудо милосердия Божия над другим распятым с Ним разбойником. Благодать Божия быстро, подобно молнии, озарила душу его, не потерявшую еще остатков добра, и мгновенно из врага сделала его другом Божиим. Пред потухающими очами его висел на кресте и страдал ни в чем неповинный Праведник, Который не только долготерпеливо переносил язвительные насмешки врагов Своих, но даже молился Отцу Небесному о прощении им греха неведения. При этом трогательном зрелище, разбойник, которого Святая Церковь называет в своих песнопениях «благоразумным», умилился душой и, сознав всю тяжесть своих грехов, обратился к своему злополучному товарищу со словами вразумления: *ни ли ты боишися Бога, яко в томже осужден еси? и мы убо в правду, достойная бо по делом наю восприемлева, Сей же ни единаго зла сотвори.* Благоразумный разбойник, обретенный милосердием Божиим на краю погибели, внезапно прозрел, исповедал в распятом Христе Господа, своего Спасителя и на все времена сделался примером самого искреннего, глубокого раскаяния, примиряющего с Богом. Оставив своего товарища собственной участи его, он устремил взор к Божественному Страдальцу и произнес навсегда памятные слова трогательной молитвы: *помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Си.* Расставаясь с землей и переходя в иной мир, он думал не о земном и мирском Царстве, искал не здешних выгод и преимуществ но, видя приближающуюся смерть, ужасался быть отверженным от общения со Христом в нескончаемой вечности. Он каялся и смиренно просил принять покаяние его, просил и веровал милосердию Спасителя, веровал и с любовью надеялся получить просимое. «Мое слово к Тебе, – как бы так он говорил Господу, – оставь сего хульника: помрачены очи ума его; помяни же меня. Не говорю: помяни дела мои, этого страшусь. Всякий человек бывает благорасположен к сопутнику, а я иду с Тобою на смерть. Помяни меня, сопутника Твоего. Не говорю же, помяни меня теперь, но когда придешь в Царствие Твое» (святитель Кирилл Александрийский). Сладостно было слышать человеколюбивому Господу покаянное слово благоразумного разбойника, вдруг «дивным превращением» изменившегося и сделавшегося первым «исповедником Христовым». Искупитель, *кровию* Своею *очищающий всякий грех* (1 Ин. 1, 7), обещал Своему исповеднику нечто большее и высшее того, чего он просил*: аминь глаголю тебе: днесь со Мною будеши в раи.* «Такое обещание, – по замечанию святителя Льва Великого, – превышает человеческие условия: оно дается не столько с древа крестного, сколько с престола могущества». Отверзая крестом двери рая, заключенные прародительским грехом, Господь изрек покаявшемуся разбойнику властное слово, уверяющее его в том, что Владыка рая и ада, Которому принадлежит *всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18), несомненно совершит обещанное, и притом весьма скоро, сегодня же. Так, по выражению церковной песни, «разбойник, издав на кресте малый глас, обрел великую веру, в одно мгновение спасен и первый вошел в райские врата». По дивному

строению Божию, он сделался первым плодом и начатком искупления, совершенного Господом на кресте.

Божественный Страдалец, склоняя взор Свой от благоразумного разбойника к подножию креста, среди шумной толпы Своих врагов, продолжавших глумления и насмешки, видел здесь тех, которых, несмотря на опасности, привлекла к Нему *крепкая яко смерть, любовь* (Песн. 8, 6). При кресте стояли Матерь Его, сестра Матери Мария Клеопова и Мария Магдалина; здесь же был и возлюбленный ученик Господа Иоанн. Это святое общество приблизилось к Распятому, чтобы принять последний взор Его, услышать и навсегда запечатлеть в сердце последнее, предсмертное слово Его. И среди немногих избранных, предстоявших у креста Христова и сострадавших Страждущему, Пресвятая Дева Богоматерь являлась в неизмеримой глубине скорби и, вместе с тем, во всей славе и величии Своих добродетелей. Не видно было Ее ни при славном преображении Сына Ее на Фаворе, ни при торжественном входе Его в Иерусалим, ни при других чудных событиях земной жизни Его, когда дивились учению (Ин. 7, 46) и делам Его (6, 14), но теперь Она стала как бы на страже у креста Его, стала «в духе, выше всеобщего страха, выше своей личной опасности, выше апостольского мужества» (святитель Филарет Московский). Во всей поразительной силе Она чувствовала теперь в душе Своей *оружие*, предсказанное праведным старцем Симеоном (Лк. 2, 35), страдала так, как никто никогда не страдал на земле, кроме Самого Распятого, но не слышно было ни рыданий, ни жалоб, ни стонов и терзании Той, Которая полагала Свою радость в Утехе Израилевой, хранила в сердце все слова Сына Своего как святыню (ст. 51), и теперь оставалась среди врагов Его в одиночестве и сиротстве. Пред очами Ее висел Сын Ее в муках смертных, презренный и умаленный паче всех сынов человеческих, изведавший все болезни и страдания (Ис. 53, 3). Еще несколько минут – и Она увидит бездыханное тело Его. Такое необычайное мужество, такая крепость духа Пресвятой Девы могут быть изъяснены, по замечанию святителя Филарета Московского, «не иным чем, как Ее глубокой преданностью судьбам Божиим, Ее верой в Божественную силу Своего Сына, известную Ей более всех из явных и тайных чудес всей земной жизни Его, Ее познанием Христовых тайн, которые всех ранее Она постигла и всех совершеннее соблюдала в сердце Своем. Вера, упование паче упования, любовь не естественная только, но верой возвышенная в духовную и Божественную, питали в ней внутренний животворный свет, которого не объяли тьма, и смерть, и ужасы Голгофские. Бездна Ее страданий не обуревала и не потопляла Ее, непрестанно упадая в столь же неизмеримую бездну Ее терпения, смирения, веры, надежды, безусловной преданности судьбам Божиим». Пресвятая Дева Богоматерь была та Жена, о Которой возвещено еще в раю, вскоре по грехопадении наших прародителей (Быт, 3, 15); теперь, когда Семя Ее искупительным жертвоприношением разрушало *дела диаволя* (1 Ин. 3, 8), где и находиться Ей, как не при кресте Сына Своего? Господь зрел скорбь Своей Матери, но знал также и то, что еще не время взять Ее в небесные обители, а посему, желая преподать Ей последнее утешение и указать некоторую замену наступающей утраты, с обычной любовью склонил взор к Матери и, с Нее перенося на Иоанна, стоявшего здесь же, сказал: *Жено, се сын Твой,* – потом, обратив взор опять к Матери, произнес: *се мати твоя!* Имя Матери Своей Он заключил в общем наименовании жены, кроме таинственного соотношения с древним обетованием, без сомнения, и по той причине, чтобы не дать повода Своим врагам причинить какое-либо зло оставляемой Им Матери. Последнее предсмертное завещание Божественного Страдальца состояло в том, чтобы Матерь и возлюбленный ученик Его не разлучались и по смерти Его, высказывая друг другу родственные расположения, – Иоанн сыновнее почтение и Пресвятая Дева материнюю любовь. По своему имущественному положению (Мф. 27, 56; Мк. 1, 20; 15, 41; Лк. 8, 3; Ин. 18, 15) ученик мог исполнить и в точности исполнил последнюю волю своего Учителя и Господа, и, как сам свидетельствует, *от того часа поят* Богоматерь *во* своязи – в свой дом и до самой блаженной кончины Ее доставлял Ей все необходимое

для жизни. Но торжественность минуты и высочайшая важность предсмертных слов Господа дают видеть в завещании Его глубочайший смысл. Оно есть, в лице Иоан на, духовное благодатное усыновление милосердой Матери всех верующих в Господа, *родившихся от Бога* (Ин. 1, 13) *водою и Духом* (3, 5), тех, которым Он дал власть быть чадами Божиими (1, 12) и которых не стыдился называть Своими братьями (Евр. 2, 11). Скоро, по вознесении Господа, апостолы были утешены общением с Богоматерью, которая сделалась, по выражению святителя Филарета Московского, «глубоким средоточием их единства» и восполняла для них лишение видимого общения с Божественным Учителем (Деян. 1, 14). Это святейшее сыновство, ощущаемое сердцем и оправдываемое благодатными опытами небесной помощи, навсегда будет служить для истинных чад Церкви сладостнейшим утешением в самые трудные минуты жизни.

Единственный в бытописании человеческом день, предвозвещенный древними пророками, приближался к полудню: было, по еврейскому счислению, около шестого часа. Враги Христовы, истощив весь запас клевет и насмешек, замолчали но в то время, как они безмолвствовали, заговорила неодушевленная природа: она исповедала, по изъяснению святителя Афанасия Александрийского, что «Страждущей в теле не просто есть человек, но Божий Сын Спаситель всех». Будет в той день, – предсказывали пророки, *– зайдет солнце в полудне и померкнет на земли в день свет, будет день един, и день той знаем будет Господеви, и не день, и не нощ, и при вечере, будет свет* (Ам. 8, 9; Зах. 14, 7). Вся тварь, по выражению церковных песнопений, «видя Господа висящаго на лобном месте, содрогалась в великом ужасе», и прежде других созданий солнце померкло, «скрыв и потаив лучи свои». Наступила среди ясного дня необыкновенная тьма, которая распространялась далеко за пределы Палестины и продолжалась от шести часов до девяти, т. е. по нашему счислению от двенадцати до трех пополудни.[5] Помрачение солнца у древних народов обыкновенно считалось страшным предзнаменованием какого-либо великого несчастья, а иудеям это явление казалось тем поразительнее, что в предсказаниях пророков очень часто оно представляется образом грозного посещения Божия (Ис. 13, 10; 24, 23; 50, 3; Иез. 32, 7; Иоил. 3, 15; Ам. 8, 9; Мих. 3, 6). Чудесное совпадение его с распятием Господа, неожиданность и продолжительность, и еще более окончание в минуту смерти Распятого, свидетельствовали, и притом достаточно внятно для людей, менее предупрежденных, что на Голгофе происходило событие необычайное, беспримерное. Здесь, в Таинственном мраке, оканчивалась земная жизнь Богочеловека, начавшаяся среди глубокой ночи в вертепе вифлеемском; здесь область темная (Лк. 22, 53) собрала у креста Господня своих мрачных служителей, и неправда людей совершала богоубийственное дело; здесь, под покровом тайны, приносилась искупительная жертва правде Божией за грехи человечества, и самая неодушевленная природа, ожидавшая совосстановления с падшим человеком (Рим. 8, 19–22), «соболезновала страданию Творца» (блаженный Феофилакт). Глаза присутствовавших невольно обращались к Распятому и, по замечанию св. евангелистов (Мф. 27, 54; Лк. 23, 47, 48), чудные события при распятии Господа сильно действовали и на стражей, и на собравшийся на Голгофу народ.

Необычайный мрак, как видимый знак гнева Божия на преступное человечество, покрывал землю. Среди этого мрака протекли еще три часа лютейших страданий Искупителя – телесных и душевных. *Един Ходатай Бога и человеков, давый Себе избавление за всех* (1 Тим. 2, 5, 6), сделался за нас клятвою (Гал. 3, 13) и в глубочайшем уничижении «принял на Себя наказание, которое мы должны были понести от Отца» (святитель Иоанн Златоуст). Он восхотел «истребить страсть страстью, упразднить смерть смертью, сокрушить оружие тем же оружием, и для сего человеческое чувство страдания сделал собственным, не переменяя

---

[5] В пересчете времени на привычную для нас «временную шкалу» необходимо учитывать прибавку в шесть часов. Так, 6 часов утра соответствуют 12 часам по современному исчислению.

естества Своего, но присвояя наши немощи и болезни (кроме греха)» (святитель Феодот Анкирский). *Ходатай Новаго Завета* (Евр. 9, 15), изливая на алтаре крестном Кровь Свою во оставление наших грехов и принося Себя Самого в жертву (ст. 28), страдал так, как никто не мог страдать, перенес то, чего не могли перенести ни все человечество совокупно, ни каждый человек порознь: крестом Своим, в неизмеримой и недомыслимой тяжести его, наш Искупитель без всякой помощи и утешения – земного и небесного, совершал величайшую тайну нашего искупления, *сокровенную от век и родов* (Кол. 1, 26), и совершал ее Един, *да явится лицу Божию о нас* – не с кровью прообразовательных жертв, *но Своею кровию, вечное искупление обретый* (Евр. 9, 12, 24). Среди смертного томления и ужаснейших мук, «изображая в Себе наше» (святитель Григорий Богослов) и «болезнуя не о Себе, но о нас» (святитель Афанасий Александрийский), Богочеловек возопил громким голосом, повторяя слова пророчественного псалма (21, 2), в котором изображены, задолго до события, главнейшие обстоятельства крестной смерти Его: Или, Или! лима савахфани, т. е. *Боже Мой, Боже Мой! вскую еси Мя оставил.* Мы были оставлены Богом, как *чада гнева* (Еф. 2, 3), согрешившия в своем прародителе (Рим. 5, 12), и за нас наш Ходатай был оставлен Отцом Своим, оставлен, «дабы нам не быть оставленными Богом, оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти, оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому, оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божия». Эти таинственные слова Господа, заключавшие в себе глубочайший смысл, некоторым из стоявших у креста дали новый повод к насмешкам. Они или не поняли восклицания Распятого, или притворились непонявшими, и так как между иудеями времени Иисуса Христа, на основании буквального толкования пророчества Малахии (3, 1, 4–5), было распространено верование, что пришествию Мессии будет предшествовать явление пророка Илии (Мф. 16, 14, 17; 17, 10–11; Мк. 8, 28; 9, 11–12), то, пользуясь созвучием имени Божия с именем пророка, враги Христовы говорили: *Илию глашает сей,* – «смотрите, да и на кресте, ввиду смерти, Он не отрекается от достоинства Мессии и призывает Своего Предтечу».

Божественный Страдалец, вися между небом и землей на позор Ангелов и человеков, был погружен в бездну истощания и с каждой минутой приближался к смерти. Не было в Нем целости от ног до главы: весь в ранах и язвах, измучен и окровавлен, осмеян, поруган и, по пророческому слову, *ни во что вменен* (Ис. 53, 2–3). К ужасным страданиям присоединилось новое нестерпимое мучение – жажда. Богочеловек дошел до крайней степени изнеможения: *крепость* Его, как предсказывал Царственный пророк, *изсше, яко скудель, и язык прильпе гортани* (Пс. 21, 16); жгучая боль разливалась по всем членам, и появилась томительная жажда, как предвестница близкой смерти. Доселе долготерпеливый Господь с незлобием и кротостью Агнца, ведомого на заклание, все допускал и переносил, что ни делали с Ним. Он не отверзал уст Своих для мольбы о пощаде и снисхождении к Себе (Ис. 53, 7), среди жестоких истязаний никому не угрожал (1 Пет. 2, 23) и не напоминал о долге человеколюбия. Всецело преданный делу искупления, Он как бы забывал человеческие потребности. И вот, теперь, готовясь положить жизнь Свою за падшего человека (Ин. 10, 15), Он в первый и последний раз, с креста Своего, просит у этого человека малого возмездия – глоток кислого питья: *жажду!* Болезненный вопль тронул окружавших Распятого, и они поспешили исполнить то, что задолго до события было предвозвещено Давидом: *даша в снедь Мою желчь и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. 68, 22). Вблизи стоял сосуд, полный уксуса. Один из воинов побежал, напоил губку уксусом и, наложив ее на трость иссопа, поднес к устам Его и давал Ему пить. И в то время как воин совершал великое дело милосердия к Умирающему, злобные враги Господа удерживали его и говорили: *остави, да видим, аще приидет Илия спасти Его – и сняти Его.* Они не только не хотели доставить Страждущему хотя малую отраду, хотя немного облегчить последние минуты Его, а напротив, желали скорейшей смерти Его. *Яко лев, восхищаяй и рыкаяй,* по изображению пророка-псалмопевца, враги

раскрыли на Него уста своя (Пс. 21, 14) и с нетерпением ждали, *когда умрет и погибнет имя Его* (40, 6).

Но в предсмертной жажде Искупителя нашего, под внешним покровом, сокрыт был таинственный смысл. Это – не просто телесная потребность, но некое высшее, духовное жаждание. Богочеловек жаждал нашего спасения, жаждал исполнить волю Отца Небесного и *совершить дело Его* (Ин. 4, 34); жаждал до дна испить ту чашу скорбей и страданий за грешный род человеческий, которой устрашалось человечество Его в саду Гефсиманском; жаждал удовлетворить за нас Божественному правосудию, искупить нас от греха и проклятия, разрушить державу смерти и ада; наконец, Он жаждал, чтобы ни одна черта из того, что было предсказано о Нем в святом Писании, не осталась неисполненной (Ин. 19, 28). Наступала великая минута *дня Христова* (Ин. 8, 56), которой жаждал наш Искупитель, жаждало все человечество. Крестное жертвоприношение окончено. Предвечное определение Триипос тасного Божества о спасении рода человеческого исполнено. Правда Божия удовлетворена. Гнев и осуждение, тяготевшие над падшим человеком, отменены. Пророчества сбылись, прообразования осуществились, обеты, данные патриархам, выполнены, кровь пролита до последней капли, синагога упразднена, Церковь основана. Спаситель, видя, что дело, которое Отец Небесный дал Ему исполнить на земле (Ин. 17, 4), совершено и что Ему *подобает внити в славу,* которую Он имел у Отца прежде бытия мира (Лк. 24, 26; Ин. 17, 5), сказал:

Совершишася! – и потом, возвысив голос, воскликнул: – *Отче, в руце Твои предаю дух Мой*! Это были последние слова на кресте Того, Кто, *Себе умалив и смирив, послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 7–8). За сим Он преклонил главу и испустил дух, предав его Богу Отцу. «Так умерло тело и произошло его разрешение, а Бог Слово непреложно был и в теле, и в душе, и в Себе Самом, сый в лоне Отчем, в показание Своей неизменяемости» (святитель Афанасий Александрийский).

Христос был распят и вознесен на Крест около 9 часов утра по современному исчислению (по еврейскому времени той эпохи шел 3-й час). Он страдал на кресте шесть часов и умер в 15 часов дня (по еврейскому времени в 9-м часу).

Помрачение солнца, продолжавшееся до самой смерти Господа, показывало всему миру, что на земле совершалось событие необычайное. Далеко от места распятия Иисуса Христа, в Александрии Египетской, эллинский ученый-мудрец Дионисий Ареопагит,[6] наблюдая трехчасовую тьму посреди дня, противоречащую всем астрономическим законам, воскликнул: «Или конец мира, или Сын Божий страждет!»

Как астролог, Дионисий знал, что естественное солнечное затмение бывает в новолуние. В тот же день, 14 нисана, когда праздновалась ветхозаветная Пасха, было полнолуние, Солнце и Луна стояли в противоположных концах от Земли, и потому естественным чередом Солнце никак не могло быть прикрыто тенью.

Другие знамения, последовавшие за смертью Его, свидетельствовали Иерусалиму и народу иудейскому, что Страдавший на кресте был Мессия, отвергнутый и пренебреженный

---

[6] Св. Дионисий Ареопагит происходил от благородных родителей-язычников, изучил всю эллинскую премудрость, занимал должность члена верховного суда (ареопага) в Афинах. Дионисий занимался астрономией, и в день распятия на крес те Иисуса Христа он видел, как внезапно померкло солнце.Когда апостол Павел проповедовал Христа в Афинском ареопаге, Дионисий уверовал во Христа, услышав о тьме, бывшей по всей земле при страданиях и крестной смерти Спасителя и которую он сам наблюдал. Вместе со своими домашними Дионисий принял крещение. Оставив дом и семейство, святой муж в течение трех лет пребывал с ап. Павлом. Во время гонения на христиан Дионисий был казнен за городом. По смерти своего угодника Бог явил чудо. Обезглавленное тело святого, по действию силы Божией, стало на ноги и, взяв в руки свою голову, прошло с ней до того места, где была устроена церковь. Отдав затем свою главу одной благочестивой женщине, по имени Катулла, оно упало на землю. Многие, видевшие сие чудо, уверовали во Христа. Тело святого Дионисия христиане погребли на том месте, где он отдал Катулле свою главу. Пострадал св. Дионисий на 90-м году своей жизни, в 96 г. по Р.Х.

ими. Когда Христос, *Ходатай Нового Завета* (Евр. 9, 15), *единем приношением совершил есть во веки освящаемых* (10, 14), и Своей Кровью утвердил Новый Завет (9, 12) для замены Ветхого (10, 9), внутренняя завеса Иерусалимского храма разодралась надвое, посередине, сверху донизу. Эта завеса отделяла святилище от Святого святых (Исх. 26, 31–33), куда мог входить для кропления жертвенной кровью один первосвященник, и притом однажды в год в день очищения (Лев. 16, 1–17). По принесении на кресте истинной жертвы Агнца Божия, принявшего на Себя грехи мира (Ин. 1, 29), ветхозаветные жертвы так же, как и весь прообразовательный закон, *сень имый грядущих благ, а не самый образ вещей* (Евр. 10, 1), теряли свое значение и уступали место закону благодати. Раздрание завесы, сделавшее неудобозримое зримым для всех, неприкосновенное и недоступное доступным, самым делом показало, что «Таинственное место, в которое повелено было входить одному первосвященнику, теперь открылось для всех, чтобы не было уже никакой разности в лицах там, где не осталось ни тени святости» (святитель Лев Великий). Это был последний образ Ветхого Завета, наглядно свидетельствовавший о том, что наступает новое служение Богу *духом и истиною, и не в Иерусалиме* только, а на всяком месте (Ин. 4, 21, 23), и что для новозаветных чад отверзается не Святое святых, а самое небо, куда Предтечей вниде Иисус (Евр. 6, 20), чтобы предстать пред лице Божие со Своей Кровью (9, 12, 24).

К этим чудным «знамениям власти» (святитель Иоанн Златоуст), с которыми умирал Божественный Искупитель, присоединились другие, не менее поразительные действия всемогущества Божия. Земля, обремененная неправдой людей, прияв в недра свои спасительный крест Христов, потряслась, и это землетрясение было так необыкновенно и отлично от подобных явлений природы, что, по замечанию святого евангелиста Матфея (27, 54), весьма сильно подействовало, вместе с другими чудесами, даже на ожестевшие сердца римских воинов, стерегших Иисуса. От страшного сотрясения земли расселись скалы гор; треснул и самый утес Голгофы, и доныне, во свидетельство всем векам и народам, сохраняет на себе эту трещину, на которую еще святитель Кирилл Иерусалимский в IV веке указывал, как на видный для всех памятник страданий Господа.[7] Отверзлись погребальные пещеры, которые, по обычаю иудеев (Ис. 22, 16), были высекаемы в недрах скалистых гор: тяжелые камни, заграждавшие входы их, от сотрясения отпали, а также и расселины, образовавшиеся вследствие колебания гор в стенах и сводах этих пещер, оставляли их открытыми. Это отверстие гробниц служило приготовлением к новому, еще большему чуду, показавшему, что «Пригвожденный есть Владыка земных и преисподних» (преподобный Исидор Пелусиот) и что сила искупительной смерти Его простирается на загробный мир: воскресли многие тела усопших святых – людей праведных, с верой *ожидавших спасение и избавления во Христе* (Лк. 2, 30, 38), и эти вестники иного мира после того, как Христос, Первенец из умерших, воскрес из мертвых (1 Кор. 15, 20), вышли из гробов, вошли в святой Иерусалим и явились многим, дабы, как замечает святитель Иоанн Златоуст, «сия действительность не сочтена была за мечтание». Явление воскресших живым свидетелям страданий и смерти Богочеловека, кроме обличения неверия саддукеев, говоривших, что нет Воскресения (Деян. 23, 8), должно было служить, с одной стороны, утешением и ободрением для *малого стада* верующих (Лк. 12, 32), остающихся среди мира, враждебного Евангелию (Ин. 16, 19), а с другой – загроб-

---

[7] О необычных тьме и землетрясении свидетельствуют не толь ко евангелисты. Так, языческий писатель II века Флегонт записал: «На четвертом году 202-й Олимпиады было затмение солнца, самое большое из всех известных того времени; в шестом часу дня была ночь, так что видны были на небе звезды». Тот же Флегонт говорит, что в то же время было сильное землетрясение в Вифинии и разрушило большую часть Никеи. Тертуллиан писал римскому сенату около 200 года по Р. Х. о затмении так: «Внезапно день исчез среди полудня. Это событие записано у вас и хранится в ваших архивах» (Апология, гл. 21). Мученик Лукиан говорил Никодимийскому префекту: «Солнце, увидев такое нечестие (убиение Господа), в полдень скрыло свет свой. Вы найдете это в ваших летописях».

ной, самой убедительной проповедью о покаянии – городу, *не уразумевшему времене посещения* своего (Лк. 19, 44), и народу, отвергшему своего Мессию.

Теперь, когда даже неодушевленная природа как бы сострадала Страдавшему на кресте, омрачалась и сотрясалась при виде умершего Искупителя, самые жестокие сердца умягчились и безумные крики злословия и клеветы смолкли. Римский сотник, стоявший напротив Распятого, слыша предсмертный вопль Его и видя помрачение солнца, землетрясение и все происходившее, прославил Бога и сказал: *воистинну человек сей праведный Сын бе Божий.* Вместе с ним и те воины, которые стерегли Господа, приведенные в великий страх знамениями, сопровождавшими кончину Его, говорили: *воистинну Божий Сын бе Сей.* Это исповедание, без сомнения, еще не было полным и сознательными признанием Божества Христова в том смысле, как оно возвещено Самим Господом; тем не менее, устами язычников говорило искреннее, глубокое чувство, которое впоследствии привело сотника и двух воинов к истинной и совершенной вере во Христа. Предание называет сотника Лонгином. Став очевидцем всех событий, совершившихся при крестных страданиях Христа, а затем землетрясения при Его Воскресении, и явления Ангела, отвалившего камень от входа в пещеру гроба Господня, Лонгин всецело уверовал во Христа с двумя присутствовавшими при этом воинами и сделался проповедником Воскресения Христова, возвестив все бывшее Пилату и первосвященникам иудейским. Когда же первосвященники, подкупив воинов, научили их утаить истину Воскресения Христова и хотели подкупить также и Лонгина, то он не только не согласился на это, но даже не пожелал молчать о том, чему был свидетелем. Лонгин с двумя воинами оставил военную службу, принял крещение от святых апостолов и удалился в Каппадокию, где обратил многих в христианство. Здесь же он был обезглавлен за имя Христово вместе со своими товарищами (память 16/29 октября).

Народная толпа, стекшаяся на Голгофское зрелище, также сильно поражена была тем, что происходило пред глазами ее. Во время нечестивого суда Пилата народ, возбужденный первосвященниками и старейшинами (Мф. 27, 20), требовал смерти Господа; когда же Божественный Страдалец был распят, то одна часть толпы, увлеченная примером начальников, вместе с ними насмехалась над Распятым, а другая стояла и смотрела (Лк. 23, 35). Но великие знамения и чудеса, окружившие Голгофское событие, сильно подействовали на людей, еще не утративших последних остатков добра и не ожесточившихся в зле. Они почувствовали своим простым сердцем, что совершилось страшное дело: все – и увлеченные, и равнодушные – прониклись жалостью и раскаянием, так что, по замечанию святого евангелиста, *вси пришедшии народи на позор сей, видяще бывающая, биюще перси своя возвращахуся.* Все, знавшие Господа, и многие благочестивые женщины, служившие Ему от своих имений и пришедшие с Ним из Галилеи в Иерусалим, стояли вдали и смотрели на все происходившее. Между зрительницами, желавшими видеть все до конца, святые евангелисты упоминают о Марии Магдалине, Марии Клеоповой, сестре Богоматери, матери Иакова младшего и Иоанна, и Саломии, матери Иакова бо льшего и Иоанна, сынов Зеведеевых. При виде креста и умершего на нем Господа Саломия могла с глубокой скорбью вспомнить о своем неразумном желании, когда она, незадолго перед сим, просила для своих сыновей почетных мест в земном Царстве Христовом (Мф. 20, 21). Теперь она видела ту чашу страданий и то крещение смерти, о которых Божественный Учитель говорил ей и сыновьям ее (ст. 22).

Седмица страданий совпала с седмицей творения. Равноденствие есть начало времени при творении, когда день и ночь были равны. Полная же луна была сотворена после равноденствия в четвертый день. В шестой день Бог сотворил человека. Время творения избирается временем обновления, именно: равноденствие, полная луна в 14-й день и день создания человека. В это же время Господь предал Себя на страдания: *Отче, пришел час* (Ин. 17, 1).

Спаситель страдал на Кресте в те самые часы, которые Адам провел от вкушения запретного плода до суда – от 6-го часа до 9-го: *Бе же час яко шестый, и тма бысть по всей*

земли, до часа девятаго (Лк. 23, 44). По-нашему, это время от 12 до 15 часов дня. Солнце в зените. Но внезапно оно меркнет и над головой начинает сверкать созвездие Овна. Адам хотел обожения, и Господь, как Богочеловек, как Новый Адам, пришел на землю, чтобы возвеличить человека. Со смертью Христа совершилось искупление, кончилась тьма греха и вновь засияло Солнце.

Не только Солнце и Луна, но и вся картина звездного неба при распятии была такая же, как при творении человека в шестой день миротворения – в пятницу.

Время воссоздания человека было избрано таким же, как и при творении. Здесь глава времени. При творении Солнце и Луна были созданы в 4-й день (среда), а человек – в 6-й день, пятницу. Здесь же при воссоздании человека Господь сводит к одному дню и Луну в фазе полноты, и пятницу, и Пасху иудейскую. Исходя из мысли о сосредоточении времени, можно предполагать, что и равноденствие было приурочено к этому же времени.

И получается, что первое время творения – равноденствие, и весь шестоднев миротворения сводятся воедино ко дню страданий Спасителя – пятнице, дню иудейской Пасхи.

На первом часе воспоминаются ведение Иисуса Христа из синедриона на суд к Пилату, мучения, которые претерпел Спаситель в претории. Тропарь первого часа: *«Заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой».*

В третий час Церковь молится, воспоминая восшествие Спасителя на крестные страдания. Это время распятия: *Бе же час третий, и распяша Его* (Мк. 15, 25).

В шестой час, когда крестными страданиями Спасителя людям дарована свобода от рабства диаволу, Церковь молится: *«Иже в шестый день же и час, на кресте пригвождей, в раи дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас».*

Господь Иисус Христос молился и предал дух Свой в руки Отца в девятый час (Мф. 27, 46–50). В этот же час Он был прободен в ребро копием, и из раны истекла кровь и вода. В девятый час Церковь в воспоминание предсмертных страданий и смерти Спасителя молится: *«Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас».*

Итак, в 1, 3, 6 и 9-й часы переживают искупительные часы Крестной Пятницы Иисуса Христа.

В тот день Пасха прообразовательная встретилась с Пасхой Истинной. Жертва принесена. Искупление совершилось. Адам освобожден от ада. Диавол посрамлен. Вечная смерть упразднена. Двери райские отверсты для всех. «Христос Воскресе!» – возвестили Ангелы Христовым последовательницам на заре восьмого дня (первого дня недели, следующего за субботой). И день этот раскрывает символ первого дня – дня творения, и дня восьмого – незаходимого, вечного Царствия Божия.

Снятие с креста и погребение
Мф. 27, 57–61; Мк. 15, 42–47; Лк. 23, 50–56; Ин. 19, 31–42

Вместе со смертью Божественного Искупителя на кресте смолкла потрясенная природа, как бы не желая нарушить покой Страдальца: тьма рассеялась, землетрясение прекратилось. Великий и священный день заклания *Пасхи нашей – Христа* (1 Кор. 5, 7) клонился к вечеру. Все спешили с Голгофы домой, чтобы приготовиться к вкушению Пасхи ветхозаветной. С закатом солнца начиналась суббота, которая и сама по себе была для иудеев праздником, а на этот раз, по причине совпадения с Пасхальными днями, составляла сугубый праздник, была, по выражению святого евангелиста, *днем великим* (Ин. 19, 31). Враги Христовы, не считавшие оскорблением для праздника совершенного ими богоубийства, теперь думали лишь о том, чтобы покончить с распятыми до наступления субботнего вечера. Строгие блюстители буквы закона помнили также древнюю заповедь, по которой тело повешенного на дереве должно быть в тот же день снято с дерева и погребено (Втор. 21, 23). С целью ускорить смерть распятых они решились совершить над ними новую казнь, которая, по римским обычаям, так же, как и распятие, считалась наказанием рабским. И вот неукротимые в своей злобе первосвященники и старейшины, не зная о смерти Господа, обратились к Пилату с просьбой о дозволении перебить у распятых голени и снять их с крестов. Римский правитель знал, что жизнь распятых продолжалась в страшных муках предсмертного томления иногда по несколько дней, а по сему просьба членов синедриона о сокращении жизни осужденных, не противоречившая ни римским, ни иудейским обычаям, не могла казаться странной. Пилат, по всей вероятности, находил ее даже очень уместной, потому что вид распятых на Голгофе, близ самых стен города, омрачил бы праздничное настроение ликующего народа, собравшегося в Иеру салим на Пасху из разных стран света. Правитель не только без затруднения дал свое согласие, но и послал на Лобное место воинов для приведения в исполнение просьбы синедриона.

Премудрость Божия, направлявшая, без нарушения личной свободы, к достижению Своих вечных целей желания и действия людей, устроила так, что распоряжением Пилата приводились в исполнение прообразование и пророчество о Мессии, неведомо не только для язычника, не знавшего закона, но и для самих *почивавших на законе* иудеев (Рим. 2, 17). Ветхозаветный Пасхальный агнец служил прообразованием *Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Пет. 1, 19). Если же относительно иудейского агнца было постановлено в законе Моисея, что кости его не должны быть сокрушаемы, а все остатки предаваемы огню (Исх. 12, 10, 46), то, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «в прообразе так было наперед ради истины, и совершеннее это исполнилось в настоящем случае». Совершившееся теперь на Христе пророчество: *воззрят Нань, Егоже прободоша,* находится в книге пророка Захарии (12, 10), где Мессия представляется пронзенным, а народ, при взгляде на пронзенного, скорбящим и плачущим. Зрители Голгофских событий, не ведая о пророчестве, исполнили его, когда, возвращаясь в город, били себя в грудь от великой скорби (Лк. 23, 48); исполнили другие иудеи, когда, взирая очами веры на Распятого и Пронзенного, принимали учение Евангелия; исполнит и весь остаток Израиля при всеобщем обращении народа ко Христу (Рим. 11, 26).

Когда воины достигли Голгофы, то взорам их представилось ужасное зрелище. Два разбойника, распятые по правую и левую сторону Христа Господа, показывали ясные признаки жизни, борющейся со смертью. Воины, исполняя данное им поручение перебили голени обоим преступникам и этой новой казнью потушили в них последние остатки жизни, но, взглянув на Иисуса, тотчас заметили, что Он уже умер: склоненная глава, мертвенная неподвижность тела – все свидетельствовало, что для великого Страдальца наступила смерть.

Язычники решились, неведомо для себя, последовать указанию Промысла Божия, направлявшего их к совершению знаменательного прообразования: они не перебили голеней распятого Господа, и лишь один из них, по грубой ли наглости или для окончательного удостоверения в смерти Иисуса Христа, пронзил Ему копьем бок. Пречистое тело осталось неподвижным, но из открытой раны тотчас истекла кровь и вода. Эта рана была глубокая, так что, по Воскресении Господь, для уверения Фомы, предлагал ему *вложить руку* в Свои *ребра* (Ин. 20, 27). По замечанию святителя Иоанна Златоуста, она могла служить впоследствии «основанием веры не для одного Фомы, но и для других подобных ему». А вместе с тем, по толкованию святого отца, «тут совершилось и неизреченное Таинство: не без значения и не случайно истекли источники крови и воды, но потому, что из них составлена Церковь; это знают посвященные в Таинства: водой они возрождаются, а Кровью и Плотью питаются». Это чудное событие заключавшее в себе глубокий таинственный смысл, не может быть объяснено каким-либо естественным образом и должно быть отнесено к силе и действию Божия всемогущества. Святой евангелист Иоанн был самовидцем-свидетелем того, что происходило в то время на Голгофе: предвидя со стороны неверующих сомнение или даже со стороны самих верующих колебание в истине, он усиленно удостоверяет, что свидетельство его истинно (Ин. 19, 35).

Наступал великий вечер Пасхальной субботы. Все спешили кончить свои дела, чтобы встретить праздник в том строгом покое, к которому фарисеи приучили народ. И вот, в то время как враги Христовы спешили к Пилату за тем, чтобы получить позволение сократить жизнь распятых, рассчитывая как можно скорее снять бездыханные тела с крестов и бросить их туда, куда обыкновенно бросали тела преступников, поспешил к правителю другой проситель, уже знавший о смерти Господа, совсем с иной целью. Это был знаменитый член синедриона (Мк. 15, 43) – Иосиф, родом из древнего города Рамы или, по тогдашнему произношению – Аримафеи (1 Цар. 1, 1; Мф. 2, 18). Он был человек богатый (Мф. 27, 57), и вместе с тем добрый и правдивый (Лк. 23, 50). Вместе с лучшими людьми того времени, *чаявшими избавления во Иерусалиме* (Лк. 2, 38), Иосиф и сам ожидал пришествия Мессии, открытия Царства Божия. Хотя чаяния его, по всей вероятности, не возвышались над понятиями народа, представлявшего Царство Мессии в земном и чувственном виде, но почтенный член синедриона и мудрый советник, чуждый односторонности своих товарищей, слепых приверженцев буквы и старческих *преданий* (Мк. 7, 3, 8), ревностно искал наставления в истине, разъяснения и просветления своих смутных чаяний. Жажда благочестивой души, требовавшая удовлетворения, сделала Иосифа *учеником Иисуса* (Ин. 19, 38; Мф. 27, 57). Но враги Христовы были так сильны и мстительны, что страх перед ними заставлял его скрывать свое искреннее расположение к благоговейно чтимому Иисусу: Иосиф был *тайным* учеником Его (Ин. 19, 38). В богоубийственном замысле синедриона против Иисуса Христа и в исполнении этого замысла он не принимал ни малейшего участия (Лк. 23, 51), «или потому что, не видя никаких средств спасти Невинного, не хотел быть свидетелем Его осуждения, или потому, что хитрость первосвященников нашла средство совершенно устранить его от сего дела»; когда же Господь умер на кресте, Иосиф, подобно другим тайным последователям Божественного Учителя почувствовал в себе особое дерзновение, желая вознаградить прежнюю осторожность явными знаками любви и почтения к смертным останкам Распятого. Он не страшился теперь подпасть преследованию со стороны первосвященников и соумышленников их, зорко следивших за приверженцами Распятого: удивительная перемена, которую можно объяснить тайным действием благодати Божией на сердце его! С твердой решимостью привести в исполнение великодушное намерение, Иосиф дерзнул войти в римскую преторию и обратился к Пилату с просьбой о дозволении снять с креста и предать погребению бездыханное тело своего Наставника. Для правителя, считавшего Распятого невинной жертвой злобы врагов, такая просьба не представляла ничего странного или

преступного, – он лишь удивился скорой смерти Господа и для удостоверения призвал сотника, стоявшего на страже у креста. *Аще уже умре?* – спросил его Пилат. Осведомившись от сотника о времени кончины, прокуратор повелел отдать тело Иосифу.

В заботах Иосифа об оказании последних почестей умершему Учителю принял участие другой тайный ученик Господа – Никодим. Хотя он и принадлежал к секте фарисеев и, подобно Иосифу, был членом верховного судилища иудейского (Ин. 3, 1), но глубокое чувство души правдивой давно уже влекло его к Божественному Учителю. Когда Господь, по вступлении в общественное служение, пришел в Иерусалим на первый праздник Пасхи, Никодим искал случая видеть Его и имел с Ним продолжительную ночную беседу о пути к спасению (Ин. 3, 1–21), и затем впоследствии вслух всего синедриона, спешившего осуждением Господа без особого рассмотрения дела, небоязненно произнес в защиту Его слово правды. Если он в последнее время суда над Учителем не выступил защитником Его, то, без сомнения, потому, что видел превозмогающую силу *темной области* врагов Его (Лк. 22, 53). Как член совета, он хорошо знал, что на этот раз никакие усилия не помогут спасти жизнь заранее осужденному (Ин. 11, 53), а посему оставался безмолвным зрителем их усилий погубить Невинного. Но такое малодушие, хотя и вынужденное обстоятельствами, не могло не тяготить доброй души. Никодим рад был случаю, давшему ему возможность выразить перед всеми глубокие чувства благоговейной любви и преданности умершему Наставнику. Впрочем, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, Иосиф и Никодим «все еще думали о Христе как о простом человеке»; понятия их, возвышавшиеся над понятиями народа однако же, не достигали той духовной выспренности веры во Христа как Сына Божия, которая стала отличительной чертой последователей Его лишь по Воскресении Его и сошествии Святаго Духа. А посему, действуя в простоте души, они устроили, по-человечески говоря, великолепное погребение. В то время как Иосиф, купив чистую плащаницу, пришел на Голгофу с дозволением правителя снять с креста тело Иисуса Христа, Никодим, следуя погребальным обычаям иудеев (Ин. 19, 40), принес туда «такие ароматы, которые преимущественно имели силу надолго сохранять тело и не давать ему скоро предаться тлению». Это был состав из смирны – благовонной смолы одного аравийского дерева, смешанной с алоем, высоко ценимым в древности индийским растением, отличавшимся сильным, чрезвычайно приятным запахом. Такой состав был употребляем при погребении и в жидком виде, и в порошке: им намащали тело умершего, посыпали погребальные пелены и то место в пещере, куда полагали покойного. Приношение Никодима соответствовало великому усердию его и составляло, по тогдашнему весу, около ста литров.

День клонился к вечеру, и благоговейные чтители Господа видели, что нужно было спешить, чтобы кончить обряды погребения до заката солнца. Они решились исполнить над бездыханным телом своего Наставника самое необходимое, – то, что требовалось общепринятыми у иудеев обычаями. По снятии тела с креста Иосиф и Никодим обвили его чистой плащаницей (Мф. 27, 59; Мк. 15, 46; Лк. 23, 53), руки и ноги обвернули пеленами с благовониями (Ин. 19, 40), а голову обвязали платком (Ин. 20, 7). В таком именно виде был положен в погребальной пещере и Лазарь, друг Христа, воскрешенный Им (Ин. 11, 44); в таком виде иудеи хоронили и всех своих усопших. Иерусалим был окружен погребальными пещерами, иссеченными в скалистых возвышенностях. Но краткость времени не позволяла благочестивым погребателям Христа думать о каком-либо отдаленном месте погребения. По соседству с Голгофой был сад, принадлежавший Иосифу, а в саду, в скале, был им приготовлен для себя новый гроб, в котором еще никто не был положен. В этой-то погребальной пещере, малого размера, иссеченной в скале, Иосиф и Никодим решились погребсти тело Господа Иисуса Христа. Близость ее к месту распятия давала возможность окончить последнее дело любви к Наставнику до наступления субботнего покоя, а принадлежность ее Иосифу позволяла надеяться на всегдашний невозбранный доступ к гробу Господа всех последователей

Его. Премудрость Божия устроила все так, что, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «Христос положен был в новом гробе, в котором никто прежде не был положен, чтобы Воскресение не могло быть приписано кому-либо другому вместе с Ним лежащему, чтобы ученики, по близости этого места, легко могли придти и быть зрителями случившегося, и чтобы свидетелями погребения были не только они, но и враги».

Положив обвязанное плащаницей и пеленами тело Господа на каменное ложе, которое обыкновенно устроялось в погребальной пещере, Иосиф и Никодим заградили вход в пещеру весьма большим камнем, таким, который трудно было бы сдвинуть с места даже соединенным силам нескольких человек (Мф. 27, 60; Мк. 16, 3–4).

За свою веру и любовь ко Господу Иосиф и Никодим претерпели гонения от иудеев и изгнаны были из сонмища. Иосифа бросили в ров, и спасен он был только силой Божией. А Никодима иудеи изгнали из города.

Свидетельницами погребения тела Господня были те благочестивые женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, которым, как бы в награду за их усердие, возвещена радость Воскресения прежде всех. Между ними святые евангелисты называют Марию Магдалину и Марию Иосиеву: они сидели против гроба и смотрели, где и как полагали бездыханное тело Учителя (Мф. 27, 61; Мк. 15, 47). Не простое любопытство удерживало их там, где скрывали дорогие для них останки; они хотели знать о месте погребения для того, чтобы и самим, по окончании покоя субботы, придти к гробу с вещественными знаками благоговейной любви к памяти Учителя – драгоценными благовонными мастями и помазать тело Его.

По совершении погребения и участники, и свидетельницы – все спешили по домам встретить великий праздник наступающей субботы, усугубленной совпадением с седмицей опресноков. Но с каким тяжелым чувством верные последователи и ученики Господа встречали теперь этот заветный праздник, напоминавший одно из величайших благодеяний Божиих предкам – чудесное изведение из египетского рабства! Иосиф и Никодим унесли домой в сердцах своих скорбь об утрате Того, Кого привыкли благоговейно чтить. Скорбь их увеличивалась представлением страданий и жестокой смерти, какие Господь Иисус Христос претерпел неповинно, не сделав никакого греха и преступления (1 Пет. 2, 22). В такой великой скорби некоторым утешением могло служить для них самое дело, совершенное ими в честь и память Божественного Страдальца. В глубине своей совести они должны были чувствовать удовлетворение, обыкновенно сопутствующее великим подвигам добродетели.

Ближайшие ученики Господа, неотступные свидетели Его дел и учения, до последнего времени не терявшие надежды на славное открытие земного Царства Мессии, теперь, скрываясь *страха ради иудейска* (Ин. 20, 19), событиями страшного дня были приведены в крайнее смущение. Тот, Кого они считали великим Чудотворцем, неуязвимым для злобы людей, умер позорной смертью! Все мечтательные ожидания земной славы для Него и для себя исчезли навсегда, оставляя в душе томительное чувство тоски. *Мы надеяхомся, яко Сей есть хотя избавити Израиля* (Лк. 24, 21), – так думали, без сомнения, не одни еммаусские путники. Все утешительные предсказания Господа о Своем Воскресении, уверения Его о скором свидании, высказанные на последней вечери, казались противоречащими ужасной действительности и были подавлены в душе свежими впечатлениями совсем другого рода. Устраняя мысль о Воскресении Учителя или же понимая предсказание Его так, как Марфа поняла слова его о Воскресении брата ее, т. е. об общем Воскресении в последний день мира (Ин. 11, 24), Христовы ученики не находили для себя отрады в прошедшем; в будущем они видели для себя новые опасности, в полной уверенности, что злые и могущественные враги Христовы, убив ненавистного Пророка галилейского, не оставят в покое учеников Его. Женщины, смотревшие где полагали тело Иисусово, возвратясь от гроба озаботились исполнением своего намерения, купили ароматы и приготовили благовония для нового намащения

тела Христова, потому что безграничной любви их к Учителю казалось, что не довольно почестей Ему оказано и что есть еще место и для их усердия.

Но что значила скорбь благочестивых душ, приверженных к Господу, в сравнении со скорбью Пренепорочной Матери Его? Теперь, согласно предречению праведного Симеона (Лк. 2, 35), душу Ее *прошло* самое острое *оружие*; теперь Она лишилась всего, что только было для Нее самого дорогого на свете. Все мысли Ее, все чувства чистого сердца, вращались около ужасной потери – и горькие слезы лились потоком из очей Ее. Святая Церковь в своих песнопениях в поразительных чертах изображает плач Честнейшей Херувимов и Славнейшей без сравнения Серафимов над гробом Сына и Господа.

«Где, Сыне Мой и Боже, благовещение древнее, еже Ми Гавриил глаголаше? Царя Тя, Сына и Бога вышняго нарицаеше; ныне же вижу Тя, свете Мой сладкий, нага и уязвлена мертвеца».

«Се свет Мой сладкий, надежда и живот Мой благий, Бог Мой угасе на кресте».

«Помышляю, Владыко, яко ктому сладкаго Твоего не услышу гласа, ни доброты лица Твоего узрю, якоже прежде раба Твоя, ибо зашел еси, Сыне мой, от очию Моею».

«Ныне Моего чаяния радости и веселия, Сына Моего и Господа, лишена бых, увы Мне, болезную сердцем».

«Едину надежду и живота, Владыко Сыне Мой и Боже, во очию свет раба Твоя имех, ныне же лишена бых Тебе, сладкое Мое чадо и любимое».

«Болезни, и скорби, и воздыхания обретоша Мя, увы Мне, видящи Тя, чадо Мое возлюбленное, нага, и уединена, и вонями помазана мертвеца».

«Мертва Тя зрю, Человеколюбче, оживившаго мертвыя и содержаща вся, уязвляюся люте утробою; хотела бых с Тобою умрети, не терплю бо без дыхания мертва Тя видети».

«Радость Мне николиже отселе прикоснется; свет Мой и радость Моя во гроб зайде, но не оставлю Его единаго, зде же умру и спогребуся Ему».

«Избавляяй болезни, ныне приими Мя с Собою, Сыне Мой и Боже, не остави Мене едину, уже бо жити не терплю, не видящи Тебе, сладкаго Моего света».

Богочеловек умерший и погребенный телом, но Божеством все исполняющий, внимал воплям и стенаниям Своей Пречистой Матери и таинственно вещал Ее сердцу: *«не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без Семене зачала еси Сына, возстану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовию Тя величающия».*

«О, како утаилася Тебе есть бездна щедрот! тварь бо Мою хотя спасти, изволих умрети, но и воскресну и Тебе возвеличу, яко Бог небесе и земли».

Седьмой день – Великая суббота

Стража у гроба
Мф. 27, 62–66

Вто время, как благочестивые души предавались неутешной печали о горестной потери Наставника и Господа своего, враги Христовы, продолжая преследовать жертву своей злобы даже во гробе, неведомо для себя самих, содействовали лишь исполнение судеб Божиих. Надлежало, чтобы для устранения всякого сомнения в истине смерти и Воскресения Христа Спасителя, те самые руки, которые убили Его, свидетельствовали и утвердили гроб Его печатью синедриона, а целость печати оградили достаточной стражей.

Все подробности погребения Христова, без сомнения, тотчас сделались известными Каиафе и клевретам его. Сильное впечатление, произведенное смертью Распятого на народ (Лк. 23, 48), участие, выказанное Божественному Страдальцу сердобольными женщинами (Мф. 27, 55–56; Мк. 15, 40–41; Лк. 23, 27), погребение Его двумя знатными членами синедриона вблизи города, в новом гробе, в саду, – все это возбуждало в мрачных душах подозрение, не дававшее им покоя даже в великий день праздника. Господь нередко предсказывал о Своем Воскресении – ученикам ясно (Мф. 16, 21; 17, 23; 20, 19), иудеям же прикровенно (Мф. 12, 39–40; Ин. 2, 19, 21). Враги Христовы теперь припомнили эти предсказания и, перетолковав так, как подсказывала им ожесточенная ненависть к Распятому, решились при содействии римского правителя принять самые надежные меры предосторожности. Они явились к Пилату и сказали: г*осподи, помянухом, яко льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы его нощию украдут Его и рекут людем: воста от мертвых, и будет последняя лесть горша первыя.* Весть о Воскресении они считали несравненно опаснее, чем слова Иисуса Христа о Себе, которым, по их предположению, теперь уже не могло быть веры, ввиду совершившихся событий. Римский правитель, признававший себя неповинным в смерти Господа, а свой приговор вынужденным настойчивостью иудеев и опасениями за общее спокойствие, и в настоящей раз, не отклоняя просьбы первосвященников и фарисеев, решился не принимать прямого участия в задуманной ими мере предосторожности. Он отвечал им: *имате кустодию, идите, утвердите якоже весте.* Он разумел тот отряд римского войска, который занимал замок Антония в соседстве с храмом и наблюдал за порядком и безопасностью в многочисленных притворах и пристройках святилища.

Суббота была днем покоя, в который, по закону Моисея, не позволено было выходить из места жительства и повелевалось каждому израильтянину оставаться у себя дома (Исх. 16, 29). Но позднейшими толкованиями иудейских законников это правило было несколько ослаблено и в случае нужды можно было отходить от городской черты не далее 2000 локтей. Сад Иосифа, в котором находилась погребальная пещера Господа, был в непосредственной близости Голгофы и городских стен (Ин. 19, 41–42), в расстоянии, не превышавшем так называемого «предела» субботы, или того пространства, которое обыкновенно называлось *субботным путем* (Деян. 1, 12). Это обстоятельство дало возможность членам синедриона, без нарушения субботних обычаев, привести в исполнение свое намерение. Взяв нужное число воинов, они пошли к месту погребения Иисуса Христа, внимательно осмотрели пещеру и приложили печать к камню, закрывавшему вход. Приведенная ими стража была надежной охраной гробовой пещеры и печати, потому что они хорошо знали, что, по римским законам, римские воины за измену долгу службы и небрежность при исполнении

обязанностей наказывались смертью. Воины стали у входа в пещеру на стражу. Теперь у Христовых врагов был двойной праздник, не только общий со всеми, но и свой – особенный: невинная жертва злобы их была замучена лютой смертью, бездыханное тело Христа погребено, гроб запечатан и огражден воинской стражей от всяких покушений учеников и последователей. Но в то время, как они услаждались в сердцах своих успехом богоубийственного дела, Всевышний в неисследимой премудрости Своей *посмеевался* (Пс. 2, 4) суетным усилиям их заключить и запечатать самосущую Истину в тесных пределах гроба. «Ложь везде и все делает против себя и как бы невольно защищаешь истину», – замечает святитель Иоанн Златоуст, – так и враги Христовы «против воли подвизались в пользу истины: если запечатан был гроб, то не было никакого обмана»; далее – «если бы одни воины запечатали, то иудеи могли бы сказать, хотя бы то было ложно и невероятно, что воины позволили унести тело и подали ученикам повод вымыслить весть о Воскресении. Теперь, когда сами утвердили гроб, не могут сказать сего: сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе со стражей, дабы таким образом быть обвинителями и обличителями самих себя».

Сошествие в ад
1 Пет. 3, 18–19

Теперь настало для Искупителя, совершившего наше искупление на кресте, то великое тридневное субботствование, о котором Он Сам говорил лукавому роду книжников и фарисеев: *якоже бе Иона во чреве китове три дни и три нощи, тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Мф. 12, 40). По изображению церковных песней, пребывание Господа во гробе и есть та благословенная суббота, день упокоения, когда Единородный Сын Божий, «субботствовав плотию, почил от всех дел Своих», воссозидая и обновляя падшее естество наше. Он был во гробе плотию, во аде с душою, как Бог, в раю с разбойником; и на престоле с Отцом и Духом, все исполняя, или, как выражается святитель Афанасий Александрийский, «умерло тело, и произошло его разрешение, а Бог Слово непреложно был и в теле, и в душе, и в Себе Самом, сый в лоне Отчем, в показание Своей неизменяемости. В том же зраке, который был в Нем подобен нашему, Он изобразил нашу смерть, чтобы в нем уготовать для нас и Воскресение, возвратив из ада душу и из гроба тело, чтобы явлением души в смерти уничтожить смерть, и погребением тела во гробе привести в бездействие тление, и из ада и из гроба явив бессмертие и нетление, в подобном нашему теле совершив нам путь и разрешив нас, содержимых в плену».

Сошествие Господа в ад святой апостол Петр полагает непосредственно вслед за смертью Его: *Христос, единою о гресех наших пострада, Праведник за неправедники, да приведет ны Богови, умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом, о немже и сущим в темнице духовом сошед проповеда* (1 Пет. 3, 18–19). В то время, как пречистое тело почивало во гробе под печатью синедриона, обоженная душа Христова сошла туда, куда сходили души всех земнородных, лишившихся за грех прародителей райского блаженства, – сошла в темницу духов, в ад, чтобы разрушить силу диавола в самой твердыне его и освободить узников, заключенных там от века. По мысли святого отца, «ад не вынес бы пришествия непокровенного Божества», а между тем – все должно было совершиться «по естеству и в самой действительности»: Христу, как человеку, не быть держиму смертью и, как Богу, разрушить державу смерти и ада. Неисследимая премудрость Божия устроила так, что *исконный человекоубийца* (Ин. 8, 44), *великий дракон, древний змий, нарицаемый диавол и сатана, льстяй вселенную всю* (Откр. 12, 9), по выражению святителя Григория Нисского, «схватил приманку плоти, но зацепился за уду Божества» и лишен пагубного владычества. Возвестив на земле радостное благовестие о спасении и пролив Свою кровь в умилостивительную жертву за грехи всего мира (1 Ин. 2, 2), Господь нисшел в ад душой Своей, чтобы и там проповедать победу над диаволом и освободить всех, с верой ожидавших Его пришествия.

Еще раньше Иоанн Креститель, «за истину пострадав», «благовестил еси и сущим во аде Бога, явльшагося плотию» (Тропарь). Пришел обетованный Мессия, всеми пророки чаемый Христос.

Господь сокрушил «вечныя вереи» ада и избавил от уз тех, которых, по замечанию святителя Афанасия Александрийского, «во время жизни их во плоти соблюл благодатью Своей в вере и благочестии». Хотя, как говорит святитель Филарет Мос ковский, «патриархи, пророки и праведники Ветхого Завета не были погружены в глубокой тьме, в которой погрязают неверующие и нечестивые, однако и не выходили из сени смертной, и не наслаждались полным светом: они имели семя света, т. е. веру во Христа грядущего, но только Его действительное к ним пришествие и прикосновение Божественного света Его могло засветить их светильники светом истинной небесной жизни».

Исполнились пламенные желания ветхозаветных праведников, умерших в вере, но не получивших обетований во время своей земной жизни, издали и в тени прообразов и веща-

ний пророческих зревших *день Христов* (Ин. 8, 56; Евр. 10, 1; 11, 13). Сколько прошло томительных веков ожидания для патриархов и пророков, заключенных в месте, откуда, казалось, не было выхода! Явившись среди узников преисподней, Христос, по изображению преподобного Ефрема Сирина, «видит Адама, обливающегося слезами; видит Авеля, покрытого кровью, как багряницей; видит Ноя, украшенного праведностью; видит Сима и Иафета, украшенных почтительностью к отцу; видит Авраама, увенчанного всякими добродетелями; видит Лота, подвизающегося в гостеприимстве; видит Исаака, цветущего постоянством; видит Иакова, сияющего терпением; видит Иова, подобного борцу, уготовавшемуся на ратоборство; видит Финееса, вооруженного копьем (Чис. 25, 7); видит Моисея, посвященного Божиими перстами. Приходит к Навину, и он окружен воинствами; подходит к Самуилу, и он блистает помазанием царей; идет к Давиду, и он погребен со псалтирью; приступает к Елисею, и он облечен в милоть. Исаия с радостью показывает главу, отделенную у него пилой. Иона славится спасением ниневитян, Иеремия умащен тиной из рва. Светозарны очи Иезекиилевы от страшных видений. На ногах Данииловых свежи еще лобзания львов. Тела бывших в пещи искрятся огнем. Дружина Маккавеев окружена орудиями мучений. Глава Крестителева сияет усекновением. Видит и святых жен, которые ни в чем не уступили мужам: видит Сарру, сияющую Авраамовской верой; видит Ревекку, процветающую благотворным напоением из водоноса; видит Рахиль, в браке сияющую целомудрием; видит матерь противоборных мучителю оплотов, остененную седмью сынами; видит всякого праведника, взирает на всякого пророка, – и проповедает: се Аз».

Ад, узрев, что «Человек, – как воспевает святая Церковь, – вещает в Себе Божество, Покрытый язвами – всемогущество, вострепетал при встрече с Ним и погиб от грозного взора». «К Адаму первому в самыя глубины преисподней сошел Адам вторый, обитающий в селениях горних» и «душа Его, разлучившись с плотию, могуществом Своим расторгла обои узы – смерти и ада». Владычество смерти и *имеющаго державу смерти – диавола* (Евр. 2, 14) над грешным человеческим родом окончилось: *Святый и Истинный, имеяй ключ Давидов, отверзаяй и никтоже затворит, затворяяй и никтоже отверзет* (Откр. 3, 7), открыл для верующих двери рая и неба, заключенные грехом прародителей и, как великий Первосвященник, принесший Себя в искупительную жертву, вошел в самое небо (Евр. 9, 24) в сопровождении искупленных Им.

Прославленное состояние Господа на земле

Богочеловек, приявший на Себя совершить предвечный совет Триипостасного Божества о спасении рода человеческого (Евр. 10, 9), испил до самого дна чашу искупительных страданий и смерти, – ту чашу, которой ужасалось человечество Его (Мф. 26, 37). *Единородный Сын, сый в лоне Отчи* (Ин. 1, 18), *Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв и образом обретеся, якоже человек* (Флп. 2, 6, 7); земная жизнь Его была совершенно свободным и произвольным самоуничижением, среди которого Божество Его просиявало лишь для душ верующих. Эта жизнь, в которой наш Подвигоположник (Евр. 12, 2) был *искушен по всяческим, по подобию, разве греха* (4, 15), закончилась на земле еще большим самоуничижением, когда Господь претерпел над Собою поругание от грешников (12, 3) и был послушным Божественному определению *даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8). Крестом Своим Он победил смерть в самом ужасном виде: смерть жестокую, потому что крайнее бесчеловечие не может измыслить более ужасных страданий; смерть позорную, потому что крест был орудием казни для тягчайших преступников; смерть медленную, потому что продолжительность крестных мучений измерялась томительными часами, наконец, – смерть безотрадную, потому что Господь наш Иисус Христос в минуту своей смерти был оставлен всеми и видел при кресте Своем только Матерь Свою и возлюбленного ученика. Он победил смерть, когда она, взяв все предосторожности, призвала к себе на помощь могущество сильных земли: гроб окружен надежной стражей, скреплен печатью, загражден тяжелым камнем. Божественный Мертвец оплакан, намащен ароматами, обвит плащаницей и положен на ложе смерти, как могло казаться, на покой обычный смертным. Все было сделано, что одним внушала благовонная любовь для того, чтобы дать могиле покой, и другим – ожесточенная злоба неверия для того, чтобы сохранить гроб в неприкосновенной целости. Здесь все было, что бывает у людей; не было только тления смерти, потому что еще Царственный пророк Давид предсказал о своем Потомке, что *плоть Его не увидит истления* (Пс. 15, 10; Деян. 2, 31). И в то время как плоть почивала в запечатанном гробе, душа Его нисходила в ад, и там Победитель смерти торжествовал победу и над *имущим державу смерти – диаволом* (Евр. 2, 14). Так, в самой высшей степени уничижения Искупителя проявилась Божественная слава Его: смертью Своей Он разрушил смерть и нисшествием в ад – силу диавола. Но еще яснее открылась Божественная слава Победителя смерти и ада, когда Он восстал от гроба, и это прославление Его святой апостол Павел ставит в непосредственную связь с уничижением Его: темже и Бог Его превознесе (по человечеству) *и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних* (Флп. 2, 9, 10).

Воскресением из мертвых Господь запечатлел Свое служение спасению людей: *аще Христос не воста,* говорит святой апостол Павел, *тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша* (1 Кор. 15, 14). Как Учитель богооткровенной истины – Он проповедал Евангелие; как Святейший святых – представил в Своей жизни пример высочайших добродетелей; как Первоисточник благодатных сил – совершил великие чудеса; как неповинный Страдалец, перенес страшные мучения и крестную смерть, – во всей славе Божественного Искупителя и неприступном величии Божества Он воссиял из гроба Воскресением Своим. Воскресший Господь, уверив всех, что Он жив, показал, что все обетования Его истинны, заповеди обязательны, искупительные заслуги действительны и что Он есть и пребудет Владыкой и Главой св. Церкви (Еф. 1, 22; Кол. 1, 18), *юже стяжа Кровию Своею* (Деян. 20, 28).

По Воскресении Господь оставался на земле сорок дней. Видимая общественная деятельность Его в отношении к иудеям окончилась смертью Его на кресте. Теперь, приняв власть на земле и на небе, Он уже должен был иметь ввиду не синедрион с фарисеями, а

целый мир, и для обращения его приготовить учеников Своих. Сей-то последней, великой цели посвящены были последние дни Его на земле, до вознесения на небо, как свидетельствуют о том последующие явления Его апостолам. «Если бы, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – Он надеялся привлечь иудеев к вере, то не отложил бы по Воскресении явиться также всем им», но Он не явился в славе Своей, потому что, по выражению святителя Филарета Московского, «сие для закосневших в неверии было бы бесполезно и послужило бы им только к большему ожесточению и тягчайшему осуждению». Упорствуя в своем неверии, и при явлении Воскресшего враги Христовы могли бы сказать: одни, что это – «привидение» (святитель Иоанн Златоуст); другие, что Явившийся или не умирал, или ожил не божественной силой. Для упорных врагов истины и для всей вселенной воскресший Господь воздвиг из среды Своих учеников целый сонм свидетелей-самовидцев (1 Ин. 1, 1–3), которые сотворили все роды чудес в удостоверение истины Воскресения и за нее положили свои души.

Христово тело по Воскресении было, по слову святого апостола, *тело славное* (Флп. 3, 21) и сообразно с этим состоянием получило некоторые особенные свойства, так, например, оно беспрепятственно проникало через вещественные преграды (Ин. 20, 19, 26) и делалось невидимым (Лк. 24, 31). По замечанию святителя Иоанна Златоуста, Господь «не постоянно и не так, как прежде, обращался с учениками (по Воскресении); это было не открытое присутствие, но некоторые знамения того, что Он присутствует; Он являлся им в другом виде, с другим голосом, в другом образе; часто, предстоя пред апостолами, не был узнаваем ими и не делал ничего человеческого, как это было прежде, показывая, что и тогда это делалось по снисхождению». Если же у св. евангелистов есть указание на то, что Он принимал пищу (Лк. 24, 41–43; Ин. 21, 5), то, без сомнения, как говорит тот же святой отец, «это происходило как-нибудь чудесно, не потому, чтобы естество (Христово) еще нуждалось в пище, но по снисхождению, для доказательства Воскресения». Такое обращение Воскресшего с учениками могло мало-помалу приучить их к разлуке с Ним, которая должна была вскоре последовать. В явлениях по Воскресении Он не представляется уже жителем земли, но скорее небожителем, который как бы медлит на земле для известной цели. Он дает видеть Себя лишь тогда, когда это необходимо для уверения в Воскресении, и лишь столько времени, сколько нужно. При этом нет и речи о местопребывании Его, путешествии, передвижении с места на место и других обстоятельствах, обычных людям. Воскресший являлся вдруг, мгновенно, и так же делался невидимым, и никто не знал, откуда Он пришел или куда пойдет. к этим поразительным видениям очами присоединялось внутреннее действие благодати Божией, которое вселяло в сердца верующих непоколебимое убеждение в великой истине христианства.

Воскресение
Деян. 2, 24–32; 10, 40–41

Вечером субботы окончился покой праздника и наступила ночь третьего дня после ужасного Голгофского события. Враги Христовы помнили, что нужно было именно в этот день усилить предосторожности для того, чтобы воспрепятствовать исполнению перетолкованного ими предсказания Распятого, а ученики Господа, устрашенные смертью Учителя, если и не забыли многократных и ясных предвещаний Его о Воскресении в третий день, то, без сомнения, недоумевали, как совершится это новое чудо всемогущества Божия. Трогательные слова прощальной беседы Спасителя еще звучали в ушах их; они надеялись, что в глубокой печали, постигшей их, будет ниспослано им утешение и что разлука с Учителем будет восполнена иным образом, и с этой надеждой обращали взоры свои вперед, ища в будущем разрешения своих недоумений. Третий день и для них, как видно из беседы еммаусских путников (Лк. 24, 21), был днем особенных ожиданий.

Сколько раз Господь ни предсказывал о Своем Воскресении ученикам со всей ясностью (Мф. 16, 21; 17, 23; 20, 19) и иудеям прикровенно (12, 39, 40; Ин. 2, 19, 21), всегда Он говорил, что это событие последует в третий день после страданий и смерти. Мог бы Он, по замечанию святителя Афанасия Александрийского, «и в самую минуту смерти воздвигнуть тело и показать снова живым, но прекрасно и предусмотрительно не соделал сего, потому что сказали бы, что тело вовсе не умирало или что коснулась его несовершенная смерть; и если бы смерть и Воскресение последовали в тот же промежуток времени, то, может быть, не явной соделалась бы слава нетления. Чтобы показать смерть в теле, – продолжает святой отец, – Слово воскресило его в третий день, но чтобы, воскреснув после долгого пребывания и совершенного истления во гробе, не подать случая к неверию, будто бы имеет на Себе уже не то, а иное тело, то, по сей самой причине, не более терпит трех дней и не длит ожидания слышавших, что сказано Им было о Воскресении, но пока слово звучало еще в слухе их, пока не отводили еще очей и не отрывались мыслью, пока живы еще были на земле, и на том же находились месте и умертвившие, и свидетельствующие о смерти Господня тела, Сам Божий Сын показал, что тело, в продолжение трех дней бывшее мертвым, бессмертно и нетленно». По счислению преподобного Исидора Пелусиота, Иисус Христос воскрес, согласно Своему предсказанию, в третий день, «коснувшись крайних дней и совершив (во гробе) весь средний вполне». В первый день Он пребывал в смерти от часа 9-го, когда испустил дух, – три часа, ибо час 9-й, по нынешнему времени, – три часа пополудни. Во второй день Господь весь день, то есть 24 часа, был мертв. В третий день – чуть больше шести часов, ибо воскрес чуть за полночь. Итак, в трехдневье тело Спасителя пребывало бездыханным в смерти чуть более 33 часов.

Победитель смерти и ада умер среди шумных, неистовых воплей врагов Своих, ввиду всего народа, на кресте, поставленном на Голгофе, – умер при чрезвычайных знамениях природы, свидетельствовавших о Божестве Распятого, а воскрес в безмолвии глубокого утра, среди общего покоя природы и людей, – восстал без всякого шума и смятения, облекая священнейшей тайной славнейшее явление Божества Своего. Око смертного не могло вынести *неприступного света* (1 Тим. 6, 16), в котором воскресший Искупитель в прославленном теле оставил ложе смерти. Излишни были земные свидетелиочевидцы той основной истины христианства (1 Кор. 15, 14), которую Господь благоволил утвердить на Себе Самом, зная, по выражению святителя Иоанна Златоуста, что «последующее затем время засвидетельствует ее явлениями Его и чудесным распространением на земле Евангелия». Он восстал, по выражению преподобного Исидора Пелусиота, «из запечатанного гроба», в то время, как «лежали (на гробе) печати и камень» (святитель Иоанн Златоуст), потому что прославленное тело Его

не могло быть удержано вещественными преградами (Ин. 20, 26). Как Сын Человеческий, Он воскрес *славою Отца* (Рим. 6, 4), действием Его всемогущей силы (Деян. 2, 24; 4, 15; Рим. 8, 11; 2 Кор. 13, 4), а как Сын Божий, превечное Слово и Творец мира, Сам возвратил обоженную душу Свою в прославленное тело, согласно с тем, что Он некогда говорил иудеям: *Аз душу Мою полагаю, да паки прииму ю; никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе; область имам положити ю и область имам паки прияти ю* (Ин. 10, 17–18). Смерть, владычествовшая над родом человеческим до крестного жертвоприношения (Рим. 5, 14, 17–18), ничего не могла отнять из тех Божественных совершенств, какие присущи тридневному Мертвецу, не умалила ни Его благости, ни премудрости, ни всемогущества, ни славы: все, что Он оставил на земле, во гробе, опять обрел, воспринял, просветил и прославил светом Воскресения. Теперь не Божество только, но и человечество Его сияет величием победы, власти и силы над миром видимым и невидимым, *на небеси и на земли* (Мф. 28, 18); терновый венец Его и крест блистают лучами вечной славы; страдания и язвы Его источают жизнь всему человечеству; к Божественным делам творения, промышления и мироуправления Он присовокупил великое дело нашего искупления. Победитель смерти и ада сделался для всех верующих *Начальником жизни* (Деян. 3, 15), *Начатком умерших* (1 Кор. 15, 20; Кол. 1, 18), *новым Адамом,* приводящим в жизнь вечную (1 Кор. 15, 22, 45, 47–48).

Римские воины зорко и бодро стояли на страже гроба Господня, с часу на час ожидая мнимых похитителей. Но похитителей не было, а того, что сокрыто от всего мира, погруженного в глубокий сон – духовный и телесный, воины не могли усмотреть. Они продолжали бы охранять гроб, лишенный Мертвеца, если бы премудрость Божия, как бы посмееваясь над мудростью человеческой, не обратила их в первых, хотя и невольных, вестников Воскресения. Величайшее чудо всемогущества Божия, совершившееся неощутимо для очей неверия, обнаружилось для воинов сильным сотрясением земли и явлением светотозарного вестника из другого мира. Это служение стихий и горных сил Погребенному внушительно говорило грубому чувству людей, видевших себя во всеоружии, что пред ними – сила высшая, могущество неземное, и что в этом случае земные средства защиты или нападения вполне бессильны. Ангел, сошедший с небес, при великом землетрясении, приступил к гробу, отвалил камень от двери гроба и сел на нем. Отваление камня, ненужное для Господа уже воскресшего, было необходимо для стражи, которая должна была удостовериться в Воскресении стрегомого мертвеца собственными глазами, а также и для последователей Господа, особенно же святых жен, чтобы и они могли скорее увериться в том, что напрасно ищут Живого между мертвыми. «Ангелу поручено было, – по выражению преподобного Исидора Пелусиота, – уверить ищущих, что Господь восстал, а не украден». Вид его был, как молния, и одежда была, как снег. Явление светоносного вестника из другого мира, среди ночной мглы, привело стражей в ужас: они затрепетали и, забыв все – и себя, и место, и дело, им вверенное стали как мертвые. Земные стражи у гроба Господня кончили свою стражбу и должны были уступить место стражам небесным – светоносным вестникам всерадостного Воскресения.

У иудеев очень точное определение весеннего равноденствия и полнолуния для совершения праздника Пасхи. И Православная Церковь для определения дня Воскресения Господня – Пасхи Христовой – тоже вычисляет, подобно иудеям, эти весенние дни. Христос Бог предал Себя на крестные страдания в пятницу, когда иудеи праздновали Пасху, а затем, мертвый, пребывал во гробе три дня. (Части дня вменены за целые дни.)

В первый день недели, по привычному счету – в воскресенье (это тот день, когда Бог сотворил свет; *день един* – сказано у Моисея), Господь воскрес. Поэтому христиане празднуют Пасху после весеннего равноденствия, после за сим полнолуния, в первый воскресный день после еврейской Пасхи.[8]

---

[8] Для определения дня православной Пасхи мы соблюдаем равноденствие, 14-й день Луны и трехдневье – пятницу,

Пасха ветхая – избавление от временного рабства, а новая Пасха избавляет от вечной погибели и смерти.

Если праздновать Пасху в один день с иудеями, то искажается, забывается Евангелие. В день полнолуния, когда праздновалась Пасха ветхая, Господь был распят. Второй день – день пребывания во гробе. А третий день – Воскресный день.

субботу, воскресенье. Принимаем для празднования Пасхи равноденствие, отыскивая 14-й день после него и отсюда отсчитывая пятницу, субботу и день Господень. Если случится, что 14-й день Луны прежде равноденствия, то мы оставляем его и ищем другой 14-й день Луны, и не берем раньше весеннего равноденствия.

Явления Господа

Первое
Мф. 28, 1–10; Лк. 24, 1–9

Святые жены-мироносицы первые услышали радостную весть о Воскресении Господа и первые узрели Его, «вкусив, – по замечанию святителя Григория Богослова, – Христова вкушения в уврачевание прежнего», потому что «Еве, которая пала первая, первой надлежало приветствовать Христа и возвестить ученикам».

В вечер же субботный (Мф. 28, 1) – было чуть-чуть за полночь, когда еще рассвета не намечалось, – пошли ко гробу Мария Магдалина с Марией Иаковлевой. Мария Иаковлева – это была Богородица, а названа так по имени старшего сына Иосифа Обручника Иакова. Матерь Божия, более всех удрученная скорбью, не могла переждать всю ночь после субботы и, найдя споспешницу Себе в лице Марии Магдалины, тотчас в поздний вечер субботы пошла ко гробу – не с благовониями (для этого еще не настало время), но только посмотреть.

Им неизвестно было, что гроб запечатан и около него поставлена стража. Единственное, что их тревожило: кто отвалит нам камень от дверей гроба? Когда же жены подошли ко гробу, то Ангел, обращаясь к ним, сказал: *не бойтеся вы, вем бо, яко Иисуса распятого ищете. Несть зде: воста бо, якоже рече* (Мф. 28, 5–6).

Это был Архангел Гавриил. Он отвалил камень от гроба и предстал Божией Матери. Пречистая Богородица, приняв от Господа ангельское благовестие о рождении Сына Божия, первая услышала и благовестие о Воскресении Его. Она прежде всех увидела Его воскресшим, и «веселилася еси Всенепорочная». В этот момент Архангел Гавриил осознал, что перед ним стоит Та, Которая выше его, и прославил Матерь Божию как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, ибо Она послужила тайне Боговоплощения. В Ней открылась глубина и высота Божией премудрости непостижимой. И воспевает Святая Церковь: «Радуйся, высота неудобовосходимая человеческим и помыслами; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскима очима».

Пресвятая Богородица и Мария Магдалина со страхом и радостью поспешили возвестить апостолам, что Господь воскрес. И на пути их встретил Сам Воскресший Спаситель и утешил их, сказав: *Радуйтеся*, – ради Девы Богородицы. Они же, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. И Господь не запретил им прикасаться (потому что они видели Его в первый раз), но, напротив, ободрил их словами: *Не бойтеся: идите, возвестите братии Моей, да идут в Галилею, и ту Мя видят* (Мф. 28, 10).

Сам Воскресший посылает святых жен к апостолам с тем, чтобы предупредить их и приготовить к самоличному удостоверению в великой истине. Господь Иисус Христос хотел, чтобы радость Воскресения достигла, в известной последовательности, но возможно скорее, тех, которых Он возлюбил в мире и возлюбил до конца (Ин. 13, 1) и которых теперь не стыдится называть Своими *братьями* (Евр. 2, 11).

Но, услышав о Воскресении Иисуса Христа, ученики проявили сомнение, маловерие. Дева Богородица, непоколебимо уверенная в Воскресении Сына Своего, с ними не спорила и ко гробу больше не ходила.

А Мария Магдалина всю ночь провела в бдении и в хождении ко гробу Господню.

Сомнение учеников понудило ее пригласить еще некоторых жен. Зело рано, то есть задолго до рассвета, Мария со своими спутницами приходит ко гробу. Камень уже был отвален – и тела Господа они не нашли (где же его было и найти?). Пока они недоумевали между

собою, перед ними явились два мужа – святые Ангелы – в блистающих одеждах. Ангелы с порицанием обратились к женам: *Что ищете Живаго с мертвыми? Несть зде, но воста* (Лк. 24, 5–6). Этот приход жен ко гробу не был первым. Они уже слышали от самолично видевших Господа о Его Воскресении и не поверили, потому и упрекают их теперь Ангелы. *Помяните*, – говорят они, – *якоже глагола вам, еще сый в Галилеи, глаголя, яко подобает Сыну человеческому предану быти в руце человек грешник, и пропяту быти, и в третий день воскреснути. И помянуша глаголы Его* (Лк. 24, 6–8).

Вернувшись опять, эти жены вместе с Марией Магдалиной возвестили ученикам о всем происшедшем, причем Магдалина видела гроб дважды, а остальные – единожды. И *явишася пред* учениками *яка лжа глаголы их, и не вероваху им* (ст. 11).

Второе
Ин. 20, 1–18; Мк. 16, 1–9

Мария Магдалина, пламеневшая, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «самой нежной любовью к Учителю», скорбела, что ученики даже и теперь не поверили ни ей, ни бывшим с ней, что и Петр, хотя и пошел ко гробу, но не вошел в него удостовериться в происшедшем. И с наступлением утра, как говорит евангелист Иоанн Богослов, *еще сущей тьме* (Ин. 20, 1), когда было еще темно, она в третий раз одна пришла ко гробу. Видя, что камень также отвален, Мария тотчас, не теряя ни одной минуты, побежала с этой вестью к апостолам Петру и Иоанну.

Мария Магдалина, прибежав к апостолам Петру и Иоанну, с безутешной скорбью спешила передать им, что она нашла гроб пустым: *взяша Господа от гроба*, – говорила она, – *и не вем, где положиша Его.* Она обратилась к этим двум апостолам, без сомнения, потому что они были довереннейшие ученики Господа (Мф. 17, 1; Мк. 14, 33), связанные, как видно, узами взаимной дружбы (Ин. 13, 23, 24; 18, 15, 16; Деян. 3, 1) и пользовавшиеся особым влиянием среди святого общества учеников Христовых (8, 14). Апостолы, услышав ужасную весть, тотчас же побежали ко гробу, чтобы своими глазами удостовериться в похищении тела Учителя. Мария последовала за ними.

Иоанн, влекомый любовью к своему Учителю, спешил увидеть, что случилось, и прибежал скорее Петра. Приблизившись к входу пещеры, Иоанн наклонился и, взглянув туда, где находилось тело Иисусово, заметил, что тела в пещере нет, а лежат одни погребальные пелены. В тяжком раздумье возлюбленный ученик Христов остановился у входа и не вошел в пещеру, ожидая Петра. Скоро прибежал и этот ученик Господа и тотчас вошел в погребальную пещеру: осмотрев внутренность пещеры, он также увидел одни пелены лежащие и плат, который был на главе Господа, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте. Тогда вошел в пещеру и другой ученик, увидел то же, что и Петр, т. е. пелены и плат. Вид погребальных пелен, и особенно свитого и лежащего в другом месте головного плата давал понять, что произошло не похищение тела Христова, а что-то другое. «В самом деле, – изъясняет святитель Иоанн Златоуст, – если бы кто перенес тело (Христово в другое место), то сделал бы это не обнажая его, равно как если бы кто украл его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять плат, свить его и положить на другом месте, но взял бы тело в том виде, в каком оно лежало. Потому-то евангелист предварительно и сказал, что при погребении Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеивает пелены к телу». Ученики медлили и удивлялись. *Не убо ведяху Писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути* (Ин. 20, 9). Светозарные вестники Воскресения – Ангелы – не явили им своего лика, без сомнения, по особому устроению Божию, по которому апостолы должны были увериться в Воскресении явлением Самого Воскресшего, для того, чтобы быть свидетелямисамовидцами великой истины для всей вселенной (1 Ин. 1, 1; Деян. 10, 41–42).

Идоста же паки к себе ученика, не поверив Воскресению. Даже и Марию, несмотря на то, что она столько видела и слышала, они привели в сомнение. Она осталась у гроба и плакала. Безутешны были ее слезы: в горькой утрате горячо любимого Наставника она рассчитывала иметь хотя малую отраду – посещать гроб Его, – теперь и эта отрада отнята у нее. В слезах она решилась взглянуть на то место, где лежало тело Иисусово, и наклонилась в пещеру. И вот, чего не видели ученики, то узрела Мария – двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у главы и другого у ног ложа Христова. Самая одежда их, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «показывала уже великую радость и веселие», и, видя их в светлых одеждах, Мария «могла воспрянуть от скорби и утешиться». Впрочем, Ангелы сначала ничего не говорят ей о Воскресении, – она возводится к этой истине мало-помалу;

видит лица, более обыкновенного светлые, видит одежды блестящие и слышит голос участия. Ангелы говорят ей: *жено, что плачешися?*

Ни неожиданность явления светлых Ангелов, ни самый вид их, казалось, мало соответствовавший месту плача и скорби – гробовой пещере, ничто не удивило и не смутило Марии, всецело занятой мыслью о горестной утрате, она поспешила объяснить им причину своих слез почти теми же словами, какими известила апостолов о похищении тела Господня: *взяша Господа моего, и не вем, где положиша Его.*

Затем обернувшись, так как Ангелы встали при появлении Господа, и увидев Его, она не узнала Его. Почему не узнала? Потому, что Господь после Воскресения уже был облечен нетленным телом и не был узнаваем, кроме тех, кому Он хотел отрыться. И на Его вопрос: *Жено, что плачеши? Кого ищеши?* – она отвечала так же, как и Ангелам. Подумав, что это садовник того сада, в котором был гроб, она говорит Ему: *Господи, аще ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его, и аз возму Его* (ст. 15).

Очевидно, Мария отвечала так потому, что она и сама поколебалась в своем убеждении и признала мнение апостолов более основательным, чем свое. Теперь она, действительно, была убеждена в том, что тело кем-либо взято из гроба. Иисус, видевший сердце ее, как Бог, с упреком воскликнул к ней: *Марие!* Когда же она узнала Его голос (ведь она видела Его уже второй раз) и упала опять, как и в первый раз, к Его ногам, то не была уже принята Им так благосклонно, как тогда, но отстранена Им со словами: *Не прикасайся Мне!* При первом Своем явлении Он беспрепятственно позволил женам касаться Его ног и целовать их, чтобы посредством осязания еще более, чем зрением и слухом, удостоверить их, что Он – распятый и погребенный – воскрес. А теперь Он уже отстраняет от Себя Магдалину; после столь сильного удостоверения отступившись от своего убеждения, она слышит: *Не прикасайся Мне, не убо взыдох ко Отцу Моему.* В этих словах содержится и упрек за ее неверие, и возбуждение ума ее напоминанием об Отце Небесном и убеждением не думать, что Он есть только то, что она видит, т. е. человек, воскресший из мертвых, но что Он есть и Бог, как истинный Сын Божий, ради нас вочеловечившийся. *Рцы,* – говорит, – *братии Моей, восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (ст. 17).

Магдалина идет к ученикам и уже с полной уверенностью и решительностью объявляет им, что видела Господа. Вместе с радостной вестью о Воскресении Господа Мария передала ученикам Его и другую, также радостную весть о скором отшествии Его к Отцу. О Своем отшествии к Отцу Он уже говорил ученикам в последней беседе, как о величайшем благе для них (Ин. 14, 2, 3; 16, 17), радостнейшем событии (14, 28), за которым должно последовать пришествие к ним Утешителя Духа (16, 7). Теперь приближается исполнение этого обетования, а посему Господь, приготовляя учеников к грядущим событиям, напоминает им через женублаговестницу слова Своей прощальной беседы. Искупив верующих Своими спасительными страданиями и крестной смертью, Господь дал им власть быть *чадами Божиими* (Ин. 1, 12; Рим. 8, 16, 17; Гал. 3, 26; 4, 7; Еф. 1, 5), а посему и в обращении к Марии назвал учеников Своих *братиями* (ср. Евр. 2, 17), имеющими того же Отца Небесного. Впрочем, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, эти слова «сказаны Господом по восприятии плоти, так как и восшествие свойственно только плоти»; притом в самых выражениях *Моему* и *вашему*, по замечанию святителя Кирилла Иерусалимского, сокрыта следующая мысль: «иначе Он Мой Отец, по естеству, и иначе ваш, по присвоению; иначе Бог Мне, как приискреннему и Единородному Сыну, а иначе – вам, как созданиям».

Четвертое путешествие ко гробу жен-мироносиц описал евангелист Марк. То, что описанное Марком путешествие есть именно четвертое, – показывает время. Ведь один только Марк пишет, что жены пришли на гроб, когда воссияло солнце. *Мария Магдалина* с другими женами, имевшими приготовленные благовония, *минувшей субботе, заутра во едину от суббот приидоша на гроб возсиявшу солнцу* (Мк. 26, 1–2). Ради чего Магдалина, уже

три раза побывав на гробе, опять идет туда с другими женщинами, причем те несут миро и благовония и думают, что найдут тело во гробе? После третьего боговидения, будучи совершенно уверена в Воскресении Господа и громко засвидетельствовав пред учениками, что она видела Господа, Мария Магдалина более уже не сомневалась. Но когда она увидела Марию, мать Иакова младшего и Иосии, и Саломию и других женщин, идущих ко гробу с благовониями, и узнала, что они желают идти на восходе солнца, пошла и она вместе с ними, не как сомневающаяся, но как руководительница, и с радостью о том, что много раз видит гроб пустым и ад – лишенным добычи. Другие же жены, хотя, возможно, и слышали, но обстоятельных сведений не имели. Конечно, они-то и *глаголаху к себе,* как говорит евангелист, *кто отвалит нам камень от дверий гроба? и воззревше, видеша, яко отвален бе камень: бе бо велий зело* (ст. 3–4). *Вшедше во гробе видеша юношу седяща в десных, одеяна во одежду белу, и ужасошася* (ст. 5). А он не упрекал их, потому что знал, что они пришли в первый раз. Не упрекнул он и Магдалину, так как по ее радостному лицу он видел, что не сомнение о Воскресении Господа побудило ее опять придти ко гробу, но радость и восхищение о случившемся. Потому не только не упрекнул их, но и ободрил их от страха, сказав: *Не ужасайтеся! Иисуса ищите Назарянина распятаго? Воста, несть зде: се место, идеже положиша Его. Но идите рцыте ученику Его и Петрови, яко варяет вы в Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вам* (ст. 6, 7). *И изшедше жены бежаша от гроба, имяше же их трепет и ужас, и никому же ничтоже реша: бояхубося* (ст. 8). Как видно, за исключением Марии Магдалины, это были другие женщины, отличные от первых, и это посещение гроба нужно отличать от трех описанных другими евангелистами.

Итак, жены-мироносицы в числе первых познали Воскресение Христа.

По рассказу евангелиста Матфея, Мария Магдалина и Мария, называемая Иаковлею, – Богородица – одни пришли ко гробу поздно в субботу, до рассвета дня Господня, то есть при окончании субботы. По сказанию же Луки, Мария Магдалина опять пошла вместе с Иоанной и Марией Иаковлевой (не Богородицей, а матерью Иакова младшего и Иосии) и некоторыми другими. Эти жены уже ранним утром пришли ко гробу. У Иоанна же изображено путешествие одной Марии Магдалины, и не ранним утром, а утром – впрочем, когда была еще тьма. С ней были и апостолы Петр и Иоанн. По Марку же, опять ходила Магдалина, – эта мужественная, четыре раза подвизавшаяся жена, – и Мария, мать Иакова младшего и Иосии (Богородица именовалась матерью Иакова старшего). Была с ними и Саломия и некоторые другие в это четвертое путешествие. Они пришли ко гробу уже на восходе солнца.

Евангелисты упоминают пять Марий:

1) Мария Магдалина, из которой Господь изгнал семь бесов, – почему она и была столь ревностной, в благодарность за такое благодеяние;

2) Мария Иаковля – под таким наименованием известна Богородица. Так как по причине величия и невероятности чуда истина бессеменного рождения не могла сразу обнаружиться (иначе Дева подвергалась бы опасности быть побитой камнями, если бы только распространился слух, что Христос не был сыном Иосифа), ради этого в глазах всех она считалась женою Иосифа и, следовательно, была матерью Иакова, сына Иосифа;

3) Третья же Мария есть мать Иакова младшего и Иосии, о которой упоминает святой апостол Марк;

4) Мария, сестра Марфы и Лазаря (Ин. 11, 2);

5) Мария Клеопова, жена Клеопы, или Алфея, младшего брата Иосифа Обручника.

Среди мироносиц евангелисты называют еще Саломию, дочь Иосифа Обручника, мать Иоанна и Иакова Зеведеевых; Иоанну, супругу Хузы, домоправителя царя Ирода; Марфу, сестру Лазаря; Сусанну, *и иныя множайшия бяху,* служащие Христу и ученикам Его *от имений своих* (Лк. 8, 3).

Жены сии суть свидетели неложные и первые Воскресения, «естество немощное мужество победи, яко намерение милостивное Богу угоди» (Стихира). Они «Воскресение проповедаша, и многия догматы сказаша, во уверение и извещение истинного Воскресения Христова» (Синаксарь).

Как первая благовестница Христова Воскресения, святая Мария Магдалина признана Церковью равноапостольной. В этом благовестии – главное событие ее жизни, начало апостольского служения. Мария Магдалина пребывала с Пресвятой Богородицей и апостолами и была деятельной споспешницей первых успехов распространения христианской веры сначала в Иерусалиме. Затем проповедовала и по другим странам, всюду возвещая небесную благодать, радость и спасение всем, уверовавшим в Спасителя мира Христа Воскресшего.

С апостольской ревностью и самоотвержением проповедовала Мария Магдалина Евангельское учение в Италии. В Риме она явилась к императору Тиверию (14–37) и поднесла ему, по общепринятому восточному обычаю, яйцо, окрашенное в красный цвет, сказав при этом: «Христос Воскрес!» Возбудив любопытство подозрительного императора, святая мироносица начала свою проповедь о учении Христа Спасителя, рассказала о жизни, чудесах, распятии и Воскресении Иисуса Христа. Прямым, простодушным изложением несправедливого суда над Иисусом Христом озлобленных членов иерусалимского синедриона и попустительства при этом малодушного правителя Иудеи Пилата к осуждению на распятие Невинного она навлекла на них гнев императора.

В преклонном возрасте мироносица пришла в Ефес к апостолу Иоанну Богослову и здесь вскоре мирно скончалась. Погребена была в пещере, где впоследствии Господь явил чудо на семи ефесских отроках.

Третие
Мф. 28, 11–15; Мк. 16, 10, 11; Лк. 24, 10–12, 34; 1 Кор. 15, 5

Когда святые мироносицы, возвратившись от гроба, рассказали одиннадцати апостолам и прочим, бывшим с ними, о том, что они видели и слышали, то слова их показались ученикам Господа пустыми и не заслуживающими веры. Когда также и Мария Магдалина возвестила им – плачущим и рыдающим, что Господь жив и что она видела Его, то и ей не поверили. Впрочем, Петр, уже бывший у гроба с Иоанном и видевший в пещере погребальные пелены, встал и опять побежал к гробу, чтобы еще раз взглянуть на опустевшее ложе Христово. И в этот раз, наклонившись к входному отверстию пещеры, он увидел то же, что и прежде, – одни пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему. Но все сомнения и колебания Петра окончились полным убеждением в истине Воскресения, когда Господь явился ему прежде других учеников, предваряя общее уверение апостолов.

Между тем как радостная весть о Воскресении Христовом распространялась в среде верующих, враги Христовы старались заглушить и извратить святую истину. Римские воины, устрашенные явлением Ангела и землетрясением, убежали в город, и некоторые из них пришли к первосвященникам и рассказали все, чему были свидетелями у гроба Христова. Они хорошо знали, какое жестокое наказание угрожало им за небрежность в исполнении обязанностей службы (ср. Деян. 12, 19), если бы правитель осведомился о самовольном оставлении порученного им поста, а посему спешили предупредить начальников иудейских, надеясь найти в них защиту себе от кары закона. Дело показалось настолько важным, что составилось собрание синедриона. Неизвестно, как члены синедриона объясняли себе известие, принесенное стражами: действием ли темных сил, по прежнему примеру фарисеев, приписывавших чудеса Христовы силе веельзевула, князя бесовского (Мф. 12, 24), или же обманом стражей, сговорившихся с последователями Распятого, но они боялись, чтобы удивительное событие не получило огласки в городе, наполненном богомольцами из разных стран света именно в том виде, в каком передавали его воины, стерегшие гроб. Не входя в ближайшее исследование дела из опасения, как бы не встретить новых затруднений и не подать повода к говору народной толпы, первосвященники и старейшины решились извратить и подавить неприятную для них весть теми же устами, которые принесли ее. Для вернейшего достижения своей цели они обратились к знакомому средству и, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «купив кровь Христа, когда Он был жив, по распятии и Воскресении Его опять деньгами же старались подорвать истину Воскресения». Дав воинам довольно денег и обнадежив полной безнаказанностью, члены синедриона просили их распространить заведомо ложное известие: *рцыте, яко ученицы Его нощию пришедше украдоша Его, нам спящим, и аще сие услышано будет у игемона, мы утолим его и вас безпечальны сотворим.* Вымысел врагов Христовых, подсказанный ими воинам, с первого раза давал понять свою внутреннюю несостоятельность. «Смотри, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом клеветать; теперь же, напротив, они все так делали, как будто стараясь заградить свои уста». Как могли ученики отважиться на похищение тела Христова, охраняемого стражей, когда для самого мужественного из них был страшен голос служанки (Мф. 26, 69–72) и когда все они при виде вооруженной толпы, незадолго перед сим, бежали (Мк. 14, 50)? Возможно ли также, чтобы они похитили тело Христово тайно, ночью, во время сна стражи? Как они могли приблизиться к гробу, разломать печать, отвалить огромный камень от дверей пещеры,

войти туда и взять тело, не разбудив стражей, если не всех, то хотя бы одного воина? Если бы даже им удалось совершить невозможное – войти в погребальную пещеру незаметно и неощутимо для воинов, находившихся у входа, разве стали бы они медлить там, и вместо того, чтобы поспешно унести тело, снимать с него плотно прилипшие пелены и платок с головы и укладывать эти вещи в известном порядке (Ин. 20, 6, 7)? Наконец, если стражи спали, то могли ли они знать и свидетельствовать о том, чего не видели? Эти несообразности, очевидные сами по себе, вызывали ряд новых недоумений. Стражи обязаны были бодрствовать и стеречь тело, а допустив похищение и выказав крайнюю оплошность, подлежали строгому наказанию: отчего же, вместо наказания, их оставили в покое и даже наградили? Да и сами похитители должны были бы подлежать еще большему наказанию: отчего же молчат о них, отчего не отыскали их, не судили, не наказали? Так враги Христовы, вместо того, чтобы беспристрастным исследованием обнаружить истину, в ослеплении злобы и ожесточении неверия старались затмить дело Божие грубым соплетением лжи и обмана.

Воины взяли деньги и поступили так, как были научены. Слух этот пронесся между иудеями, так что многие из них и до сего времени этому верят.

Казалось, можно ли верить такой нелепости? «Можно, – говорит святитель Филарет, – потому что закоснелый в неверии ум, как ночная птица, видит только во тьме неверия, любит только свои грезы и убегает от света истины, который жжет ему глаза».

Пилат, узнав о путешествии жен-мироносиц, тоже встревожился. Боясь разоблачений христианами его противозаконных действий, он отправил императору Тиверию донесение о Христе, свидетельствуя о Его благодетельной жизни и чудотворениях. Замечательны так называемые Акты Пилата императору Тиверию о жизни, осуждении на смерть, Воскресении Христа и Его чудесах. Пилат утверждал, что, проверяя обвинения иудеев, он не нашел в Иисусе Христе никакой вины; много подвизался избавить Его от рук крамольных иудеев, но не мог достигнуть Его избавления и отдал Иисуса на их волю из-за народного крика и обвинения иудеями его самого. А когда по распятии совершились страшные знамения в природе и много людей умерших воскресло и на третий день Иисус Воскрес, Пилат, как свидетель, объятый великим страхом, сообщал державному кесарю обо всем содеянном с Иисусом Христом, Который стал предметом веры как Бог.

Иустин, Евсевий и другие древние историки пишут, что после таких свидетельств со стороны римского правителя Иудеи и со стороны почитателей Христа Спасителя, император Тиверий, по преданию, сам уверовал во Христа и предложил Римскому Сенату причислить Иисуса Христа к лику римских богов, но Сенат не согласился только потому, что сам не исследовал этого дела и сам не одобрил Христа. И даже тогда, когда Сенат отверг такое его предложение, Тиверий царским указом грозил наказывать всякого, кто осмелился бы оскорблять верующих в Иисуса Христа.

Но Пилат не избежал опасности, которой страшился. Через четыре года после этого он был вызван в Рим из-за жалоб, поданных иудеями. Пилат лишен был власти и сослан в Галлию, в город Виенну, где, по одному преданию, удрученный угрызениями совести и отчаянием, он сам лишил себя жизни. По другому же преданию, Пилат раскаялся, обратился с молитвою ко Христу и был Спасителем прощен, в знак чего по отсечении головы его она была принята Ангелом.

Незадолго до казни Христа в Иудее должны были чеканить монету с большим изображением кесаря с одной стороны и с малым профилем Пилата – с другой. В день суда, когда жена правителя умоляла его не выносить смертный приговор Праведнику, она задала вопрос мужу: «Чем ты искупишь свою вину на земле, если окажется, что осужденный тобой действительно Сын Божий, а не преступник?» Пилат ответил ей: «Если Он Сын Божий, то Он воскреснет, и тогда первое, что я сделаю, будет запрещение чеканить мое изображение на монетах, пока я жив». Так писал биограф Пилата – ученый грек Гермидий. И когда было уста-

новлено, что Христос воскрес, Пилат действительно запретил изображать себя на монетах. Это сообщение Гермидия полностью подтверждается: из римской нумизматики известно, что после казни Спасителя в Иерусалиме были изготовлены монеты с изображением кесаря; на обратной стороне монет профиля Пилата нет.

Основанием отрицающих Воскресение Христово служит, как говорят, отсутствие свидетельств о Воскресении. Как же в действительности обстоит дело?

Лабиритиос в момент Воскресения Христова оказался со своими чиновниками недалеко от места захоронения Христа. Они ясно видели падение камня, закрывавшего гроб, и поднявшуюся над этим местом небывало ярко сияющую фигуру. Лабиритиос вместе со своими спутниками и сторожами бросились сообщать об этом властям.

Грек Гермидий занимал официальную должность биографа правителя Иудеи. До самого распятия он считал Христа обманщиком. Поэтому он по собственной инициативе отправился в ночь под Воскресение ко гробу, надеясь убедиться в том, что Христос не воскреснет и тело Его навсегда останется в земле. Но вышло иначе. «Приблизившись ко гробу, – пишет Гермидий, – мы видели в слабом свете ранней зари стражу у гроба: два человека сидели, остальные лежали на земле, было очень тихо. Мы шли медленно и нас обогнала стража, шедшая ко гробу сменить ту, которая находилась там с вечера. Потом вдруг стало очень светло. Мы не могли понять, откуда этот свет. Но вскоре увидели, что он исходит от движущегося сверху сияющего облака.

Оно спустилось ко гробу и над землей там показался Человек, как бы весь светящийся. Затем раздался удар грома, но не на небе, а на земле. От этого удара находившаяся стража в ужасе вскочила, а потом упала. В это время к гробу справа от нас по тропинке спускалась женщина, и она вдруг закричала: “Открылась! Открылась!” и в этот миг нам стало видно, что действительно очень большой камень, лежащий на гробе, как бы сам собой поднялся и открыл гроб. Мы очень испугались. Через некоторое время свет над гробом исчез, стало тихо, как обыкновенно. Когда мы приблизились к гробу, оказалось, что там уже нет тела погребенного человека».

Сириец Эйшу, известный врач, близкий к Пилату и лечивший его, относился к числу наиболее выдающихся людей своего времени. Виднейший медик и натуралист, пользовавшийся широчайшей популярностью на Востоке, а потом и в Риме, он оставил произведения, которые составили целую эпоху в науке. Важно то, при каких обстоятельствах Эйшу наблюдал описанное им. По поручению Пилата он с вечера накануне Воскресения находился вблизи гроба с пятью своими помощниками, которые всегда сопутствовали ему. Он был свидетелем погребения Христа. В субботу он дважды осматривал гроб, а вечером, по приказанию Пилата, отправился сюда с помощниками и должен был провести здесь ночь. Зная о пророчествах относительно Воскресения Христа, Эйшу и его помощники-медики интересовались этим с точки зрения естествоиспытателей. Поэтому все связанное с Христом и Его смертью они тщательно исследовали. В ночь под Воскресение они бодрствовали по очереди. С вечера его помощники легли спать, но задолго до Воскресения проснулись и возобновили наблюдения за происходящим в природе. «Мы все – врачи, стража и остальные, – пишет Эйшу, – были здоровы, бодры, чувствовали себя так, как всегда. У нас не было никаких предчувствий. Мы совершенно не верили, что умерший может воскреснуть. Но Он действительно воскрес, и все мы видели это собственными глазами». Далее следует описание Воскресения…

Один из крупнейших в мире знатоков античности академик В. П. Вузескул говорил: «Воскресение Христа подтверждено историческими данными с такой несомненностью, как существование Ивана Грозного и Петра Великого… Если отрицать Воскресение Христа, то нужно отрицать (причем с гораздо большим основанием) существование Пилата, Юлия Цезаря, Нерона…»

Это только небольшая часть источников, где говорится, что Христос действительно воскрес.

Для краткости ограничимся лишь перечнем других источников: Епифаний Африкан, Евсевий Египетский, Сардоний Панидор, Ипполит Македонянин, Аммион Александрийский, Сабелли Грек, Исаакий Иерусалимский, Константин Кирский и другие. Это только те, кто жил во время Христа, причем находился в Иерусалиме или в непосредственной близости от него; они явились очевидцами самого Воскресения или неопровержимых фактов, подтверждающих его.

Чрезвычайно показательно, что ряд свидетельств мы находим у еврейских авторов того времени, хотя вполне понятно, что евреи склонны всячески замалчивать факт Воскресения. Среди еврейских писателей того времени, прямо говоривших о Воскресении, находим таких надежных авторов, как Уриста Гамиянин, Гапон Месопотамский, Шербум-Отоэ, Ферман из Сарепты, Манакия-врач, Навин, Миферкант.

Миферкант был одним из членов синедриона, казначеем. Именно из его рук Иуда получил за предательство 30 сребреников. И когда после Воскресения Христа среди иудеев поднялась тревога, Миферкант был первым из членов синедриона, прибывших на место для расследования, и убедился, что Воскресение свершилось. Ему пришлось быть у гроба Господня почти перед самым моментом Воскресения. Он прибыл сюда для оплаты стражи, стоявшей у гроба. Выплатив деньги, он ушел, стража осталась до конца смены. Но не успел Миферкант далеко отойти, как громадный камень был отброшен неведомой силой. Возвратясь назад ко гробу, Миферкант еще успел увидеть исчезающее сиянье над гробом. Все это им описано в сочинении «О правителях Палестины», которое принадлежит к числу наиболее ценных и правдивых источников из истории Палестины.

Историк Иосиф Флавий свидетельствует: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к Кресту. Но те, кто раньше любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по Его имени» («Иудейские древности»; 18, 3:3).

В общей сложности, по подсчетам крупнейшего знатока римской исторической литературы академика Петушина, число вполне надеждых свидетельств о Воскресении превышает 210, по современным подсчетам это число еще больше – около 230, ибо к данным Петушина нужно добавить еще те исторические памятники, которые были обнаружены после выхода его работы.

После некоторых важнейших открытий факт Воскресения признал к концу своей жизни никто иной, как Фридрих Энгельс: «Новейшие каппадокийские открытия обязывают изменить наш взгляд на некоторые немногие, но важнейшие события мировой истории. И то, что казалось ранее достойным внимания только мифологов, должно будет привлечь внимание и историков. Новые документы, покоряющие скептиков своей убедительностью, говорят в пользу наибольшего из чудес в истории, о возвращении к жизни Того, Кто был лишен ее на Голгофе». Правда, эти строки Энгельса неизвестны у нас – они ни разу не переводились на русский язык в изданиях К. Маркса и Ф. Энгельса.

Христиане имеют неопровержимое доказательство страданий и смерти Спасителя. Это – святая Плащаница, или льняной полотняной покров с отпечатком израненного Тела Христа, покров, которым Он был обернут при погребении.

По истечении 33 часов гроб, в котором Господь был положен, нашли пустым и увидели *только пелены лежащие* (Лк. 24, 12). Эти пелены и есть Плащаница. Христос Сам сложил Свои плат (сударь) и пелены.

Плащаницу называют «пятым Евангелием»: на ней нет ни одного признака, ни одной черты, которые противоречили бы евангельскому повествованию о страданиях, крестной смерти и Воскресении Распятого Христа Спасителя, но она многое детализирует, раскрывает, помогает глубже понять и пережить Голгофский подвиг Сына Божия.

Плащаница – это величайшая святыня всего христианского мира.

Плащаница сделана из дорогой ткани, называвшейся в древнем мире «дамаск». После I в. такие ткани, как свидетельствуют тканеведы, уже не изготовлялись. Ее мог купить Иосиф Аримафейский, который был богат, в знак своего глубокого уважения и любви ко Христу и завернуть в нее тело Учителя. Еще в XIII веке, по свидетельству Николая Мезарита, Плащаница источала ароматы.

Святую Плащаницу хранил у себя апостол Петр. После смерти Петра ее бережно в течение трех веков хранили христиане. В 436 г. В Константинополе, во Влахерне, построили церковь Пресвятой Богородицы и там поместили святую Плащаницу. В 635–850 гг. Плащаница опять была в Иерусалиме. После иконоборчества Плащаница около 1093 г. возвратилась в Константинополь. В монастыре Пресвятой Девы Влахернской Плащаница каждую пятницу выносили и поднимали для поклонения так, что всем мирянам был виден лик Господа.

С 1578 г. (по другим источникам, с 1694 г.) святую Плащаницу поместили в Турине в соборе святого Иоанна Предтечи навсегда.

28 мая 1898 г. итальянский фотограф Секондо Пиа стал проявлять снимок, сделанный с Плащаницы и вместо ожидаемого негатива увидел отчетливый и потрясающий по своей мощи, величию и благородству образ, который, как он сразу понял, не мог быть не чем иным, как образом распятого и положенного во гроб Иисуса Христа.

Вскоре снимки Туринской Плащаницы были опубликованы во многих странах мира.

В процессе исследований ученые доказали: образ на святой Плащанице – нерукотворен. Всем научным миром признается подлинность святой Плащаницы.

Возникла даже новая наука, связанная с изучением Плащаницы. Тщательным изучением этой святыни занимаются и христиане, и мусульмане, и евреи, и агностики, и даже атеисты, ибо Плащаница – откровение Божие и зрительное повествование о Евангелии, о страданиях Христа Спасителя. Было три международных конгресса ученых: в 1976 г. В США (в Альбукерке), в 1977 г. в Лондоне, в 1978 г. в Турине, в работе которых участвовало 300 верующих и неверующих ученых разных специальностей, христиане разных конфессий, а также мусульмане и атеисты, причем неверующие в процессе исследований становились глубоко верующими.

В 1976 г. изображение на Плащанице сфотографировано электронно-компьютерной аппаратурой, тогда оно оказалось трехмерно и выявилось подлинное человеческое тело. Плат на голове Иисуса был как повязка, поддерживающая нижнюю челюсть и завязанная на голове. Тело не было вынуто из Плащаницы человеческими средствами, так как следы крови остались нетронутыми и являются анатомически точными, начиная от головы, затем на суставах рук, на боку, на ногах. Если бы Плащаница была снята обыкновенным образом, как говорили купленные за деньги воины, эти следы крови были бы стертыми или подверглись бы уничтожению. Иисус восстал из мертвых – таковы были заявления ученых.

Отпечатки тела прекрасного золотистокоричневого оттенка имеют все характерные свойства точного фотографического негатива. Все анатомические и физиологические подробности так научно точны и детальны, как могут быть только фотографии.

Раны поразительно реальны во всех своих деталях: на висках и на лбу коричневые пятна – сгустки запекшихся капель крови. Они создают форму венца (терновый венец Спасителя). Капля над левой бровью несколько продолговатая: кровь текла из раны, затем запеклась на коже. Такая капля всегда принимает форму мисочки: красные тельца закрепляются с боков, а внутри капли остается «серум» – жидкость, которая сильнее испаряется, и по мере этого процесса поверхность капли вгибается. Это место и отпечаталось на Плащанице с идеальной точностью, как более светлое. Здесь следует заметить, что никогда, нигде ни одни художник не додумался именно так естественно изобразить каплю крови. Капля на Плащанице была суха задолго до смерти, часов за 12, судя по цвету и форме ее отпечатка (бичевание было за сутки до смерти).

На груди (на Плащанице – слева, значит на теле – справа) пятно от раны между ребер, окружностью в 4,5 см. К нему снизу примыкает другое пятно, имеющее вид потекшей крови. Потекла она, когда человек, получивший рану, был в стоячем положении (вертикально). Струя крови, очень обильная, имеет идеально натуральное очертание и дала ясный отпечаток на Плащанице.

На левой руке рана и большой сгусток крови (правой руки не видно, на ней лежала левая). Оба запястья темные, так как обильно орошены кровью от сквозных ран. Кровь стекала по рукам по направлению к локтям. Гвоздь был вбит не посредине ладони, как принято изображать, но выше, в центре запястья, между костей.

Раны на ногах видны обе. Очертания их очень четки, так как кровь их запеклась задолго до прикосновения полотна. В одном месте края кровяного пятна зубчатые, т. е. жидкость разошлась по ниткам полотна обильнее; на этом месте пятно светлее. Это пятно от сукровицы («серум»), которая вытекла из раны при снятии тела: обсохшая рана была потревожена освобождением от гвоздя.

Вдоль всей спины и таза расположены раны от бичевания. Они одна около другой, длиной каждая в 3 см. В центре удара раны чернее, ибо там были раны глубже и крови больше. По краям пятна светлее – там была сукровица, которая текла долго, ибо раны раздражались одеждой и медленно сохли. Этими ранами усеяна вся спина, поясница и ниже. Всего их 18. Они нанесены особым бичом, употреблявшимся римлянами, – «флягрум», состоящим из нескольких концов веревок с большими и тяжелыми металлическими пуговицами на концах.

На правом плече – широкая полоса – след от тяжелого креста, который Спаситель нес на Голгофу. Вес перекладины, как считают, был 32 кг.

Лицо изувечено: перебита носовая кость, опухла левая щека и рассечена скула. И в то же время на лице Царственная ясность и покой – лицо неповторимое в мире. Трудно себе представить, ибо это слишком было бы неправдоподобно, чтобы это было тело не Иисуса Христа. Кто же другой в истории, при всех описанных обстоятельствах и признаках, мог иметь такие же раны, так же умереть распятым на кресте, в ту же эпоху, среди того же народа, чтобы его не успели обмыть и помазать, чтобы Плащаница все же была приготовлена, чтобы кто-либо другой имел такое изумительно-прекрасное единственное в мире лицо, кто бы так же, как Христос, оставался бы не более 2–3 дней на Плащанице, ибо в противном случае не было бы вообще изображения на полотне, так как тление (уже не испарения) уничтожило бы ясные пятна и очертания на нем?

Тело Иисуса было положено на одной части полотна и через голову покрыто другой частью. Отпечаток человеческого тела в 1 м 78 (79) см являл на Плащанице облик Человека величественного и Царственного, в пропорциях телосложения истинно безупречных.

Поразительным является сходство лика Спасителя с Туринской Плащаницы с ликом Пантократора из монастыря святой Екатерины на Синае. Эта икона является едва ли не самым ранним из известных «портретных» изображений Христа и, уж конечно, самым реалистическим из них. Синайский Пантократор VI в. – поразительный лик, настолько реаль-

ный, что кажется, он был написан совсем недавно, по крайней мере, в XIX в. Но еще поразительнее тот факт, что фотография Иисуса (а как иначе назвать фотолик Туринской Плащаницы?), если использовать компьютерную технику, полностью совмещается с ликом Синайского Христа! Исследователями отмечено 45 мест совпадения лика Спасителя с Плащаницы и лика Синайского Пантократора.

Определена была и группа крови Христа – она оказалась I. А кровь I группы можно переливать любому человеку. Маленький факт, но имеет глубокое мистическое значение, ведь уже две тысячи лет Церковь питает нас Кровью Спасителя!

На ткани сохранилась пыльца растений, произраставших только в Палестине, а сама ткань изготовлена давно утраченным способом, применявшимся на Ближнем Востоке во времена Христа. На глазах у Спасителя обнаружили отпечатки редчайших монет (их по обычаю клали на глаза покойным), которые были в ходу в Иудее только при Понтии Пилате.

Аномально высокая радиоактивность есть следствие сверхъестественного акта Воскресения. Плащаница свидетельствует о моменте Воскресения Спасителя, говорит о превращении тела Христа в момент Его возвращения к жизни в светоносный объект, т. е. о некоей вспышке. Евангелисты не видели ее, поэтому ничего о ней не говорят, но незадолго до этого Христос явил Иоанну, Петру и Иакову на Фаворской горе светоносное Преображение. Преображение было лишь прообразом Воскресения, но апостолы все равно пали в ужасе на землю. Если бы они увидели само Воскресение, им не остаться в живых, поэтому Бог уберег их от того, чтобы стать зрителями этого космического акта, потрясшего вселенную.

Хотя Фаворский свет нематериален, он воздействует на материю – иначе глаза учеников его бы не восприняли, – поэтому при той интенсивности, какая должна была характеризовать вспышку от Воскресения, он мог произвести эффект ядерного взрыва, и первым предметом, который подвергся этому эффекту, была Плащаница, обвернутая вокруг светящегося и воскресающего тела.

На самой Голгофе, от креста Господа в 50 шагах была могила-гробница Иосифа Аримафейского. Там и положили Иисуса ради пятницы иудейской, потому что гроб был близко. Тело Спасителя было не омыто и не обвито. По кодексу еврейского права, полагалось омовение тела, бритье головы и бороды, много благовоний, но за недостатком времени обычаи многие нельзя было соблюсти. Никодим принес состав из смирны и алоя. Так едва поспели, завернув тело в Плащаницу, совершить первую половину иудейского обряда погребения.

В первый же день недели ко гробу спешили жены-мироносицы с ароматами, чтобы закончить умащения, однако они нашли гроб пустым.

Вторая часть погребения иудейского так и осталась неисполненной. Особо, бережно сложенная, лежала чудная Плащаница, убедившая святого Иоанна Богослова в Воскресении. И тело не могло быть украдено, ибо пелены лежали сложены и сохранили следы мук, бичеваний, распятия, которые видны и теперь. Лик Спасителя сохранил несказанное величие – Божественная природа проявляется в распятом человеческом теле. И это нам, грешным и неверным, свидетельство о подлинном Воскресении Христа Спасителя.

В 1995 году информационная газета «Всемирные новости» (№ 12) опубликовала заметку «Шокирующая новость потрясла мир! Туринская Плащаница ожила!» Таким и было заключение экспертов, приглашенных для изучения бесценной религиозной реликвии Туринского кафедрального собора в Италии после того, как Плащаница стала изменяться. С каждым днем изображение становилось все более четким, краски – ярче, а структура лица – более плотной, более живой. Вплоть до недавнего времени эта реликвия оставалась неизменной в течение почти 2000 лет, с тех пор, как в нее было завернуто тело Христа. Но вот заметили, что Плащаница начала трансформироваться во что-то более реальное, трепещущее. Как будто стала оживать. Сбитые с толку эксперты говорили, что не могут объяснить недавних изменений в ткани. Они исследовали нити и различные метки на Плащанице при

помощи мощного микроскопа и компьютерной фотографии и не обнаружили никакой разницы в химическом составе реликвии. Тем не менее они отмечали, что по мере проявления изображения лика похоже, что ткань под этим изображением меняется, становясь более прочной, гибкой и менее изношенной. Но пока наука не может объяснить изменения. Хранители Плащаницы считают, что изменения происходят не без Божественного Промышления в доказательство ее истинности и святости.

Святая Плащаница служит проповедью и доказывает несомненность страстей Христовых и Его славное Воскресение. Она открывает нам любовь Христову – душу Господь положил за грехи наши, и воскрес, и даровал путь восхождения к небу.

Четвертое
Мк. 16, 12, 13; Лк. 24, 13–35

Прошла первая половина дня, ознаменованного Воскресением Христовым. Святые мироносицы уже убедились в радостном событии явлением Ангелов и Самого Воскресшего, но из апостолов только один Петр, которому среди дня являлся Господь, оставил всякое сомнение и утвердился в вере. Прочие апостолы продолжали колебаться между страхом и радостью и не спешили веровать. Впрочем, весть о Воскресении, достигшая в течение дня до слуха всех апостолов, служила для них достаточным приготовлением к вере. Сам Воскресший, видя душевное состояние Своих учеников и применяясь к мере приемлемости их, рассеивал недоумения и сомнения их и насаждал в них веру. При сем, чтобы приготовить для вселенной вполне убежденных и непоколебимых провозвестников святой истины, Он не поражал апостолов неприступной славой Божества, не желал быстрой, внезапной перемены мыслей и убеждений, но приводил к вере последовательно и постепенно, внутренним действием благодати, возжигавшей священный огнь в умах и сердцах.

Два ученика шли в Еммаус, селение, отстоявшее от Иерусалима стадий на шестьдесят. Это были – один Клеопа, по всей вероятности, муж Марии, сестры Богоматери (Ин. 19, 25), а другой, по древнему преданию, сам евангелист Лука, – оба из числа семидесяти учеников. Дорогой они разговаривали между собою о событиях последних дней и о той дивной вести, которую слышали в городе. Погруженные в тяжелые думы и горестные воспоминания, ученики едва приметили, как к ним приблизился какой-то Незнакомец и пошел с ними. Этот Спутник был Сам Господь, но ученики не узнали Его, потому что, по выражению святого евангелиста, *очи ею держастеся, да Его не познаета,* – как бы видя не видели. Притом Иисус Христос явился им инем образом (Мк. 16, 12), не в том, в каком они привыкли Его видеть, и сделал это по снисхождению к немощи учеников, не могших вдруг принять радость внезапного явления. Еммаусские путники, без дальнейших расспросов, приняли Незнакомца, присоединившегося к ним, за прозелита, ходившего в Иерусалим на праздник Пасхи и теперь спешившего домой. Чудный Странник спросил учеников: *что суть словеса сия, о нихже стязаетася к себе идуще и есте дряхла?* Путники, занятые судьбой Учителя, окончившего жизнь на кресте, были удивлены этим вопросом: им казалось, что последние события в Иерусалиме должны быть известны всем и что теперь, когда все это совершилось так недавно, и речи не может быть ни о чем другом. Клеопа поспешил ответить Спутнику с выражением горького упрека: *Ты ли един пришлец еси во Иерусалиме и не уведел еси бывших в нем во дни сия? – Киих?* – опять спросил Незнакомец: небесный Врач, желавший исцелить душевную скорбь учеников и просветить их ум, обуреваемый сомнениями, желал, чтобы страждущие сами раскрыли пред Ним раны своего сердца и приняли духовное врачевство со всей готовностью. Удовлетворяя любопытству Незнакомца, путники повторили ему то, что было постоянным предметом их дум и разговоров, причиной того грустного состояния, в каком видел их Спутник: *яже о Иисусе Назарянине, иже бысть муж Пророк, силен делом и словом пред Богом и всеми людьми; како предаша Его архиереи и князи наши на осуждение смерти и распяша Его.* Тяжело было вспоминать о том, как поступили первосвященники и начальники с неповинным Иисусом, не сделавшим никакого зла и между тем обнаружившим и в словах, и делах, необычайную, благотворную силу, но эта скорбь увеличивалась еще горечью обманутых ожиданий: *мы же надеяхомся, яко Сей есть хотя избавити Израиля, но и над всеми сими, третий сей день есть днесь, отнелиже сия быша.* Надежда на открытие славного земного Царства Мессии, которую еммаусские путники разделяли со многими своими соотечественниками (Мф. 20, 21; Деян. 1, 6), исчезла при виде крестной смерти Иисуса Христа и казалась навсегда и безвозвратно погребенной вместе с Голгофским Страдальцем,

и между тем к удивлению в этот третий день произошло при гробе нечто чудное, требующее дальнейших разъяснений: *жены некия от нас ужасиша ны,* – продолжали путники, – *бывшия рано у гроба, и не обретше телесе Его, приидоша глаголюще, яко и явление Ангел видеша, иже глаголют Его жива. И идоша нецыи от нас ко гробу и обретоша тако, якоже и жены реша, Самого же не видеша.* В бесхитростном рассказе своем путники не умолчали и о том, что служило к обвинению их самих в малодушии и маловерии. Почему бы не дать больше веры свидетельству святых мироносиц, особенно если оно подтверждено еще другим несомненным свидетельством? Зачем не обратиться к писаниям пророков для разъяснения мрачных мыслей и тревожных чувств? Для чего спешить из Иерусалима, унося тяжелый камень на сердце? Но, читая в сердцах еммаусских путников, Всеведущий зрел, что ученики недуговали не тем упорным и ожесточенным неверием, в котором люди, имея очи, не видят, имея уши, не слышат, и сердцем отказываются уразуметь и обратиться (Ис. 6, 9, 10): они были окружены лишь мглой сомнения и недоумений, которая могла рассеяться от одного луча *Солнца правды* (Мал. 4, 2); они лишь медлили веровать, не спешили привести себе на память, собрать воедино и согласовать с событиями те предсказания, которые рассеяны по всему Писанию; они нуждались в руководителе, который устранил бы сомнения их и привел к истине. И этот Руководитель – Сам Господь – теперь с ними! *О, несмысленная и косная сердцем, еже веровати о всех, яже глаголаша пророцы,* – так начал свою речь Незнакомец: Он видел, что собеседники Его заслуживая упрек, который мог возбудить их мысль и чувство, – *не сия ли подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою?* Дивный Спутник, продолжая путь, стал изъяснять им все, сказанное о Христе в Писании; показал, как еще закон Моисея в образных учреждениях представлял именно страждущего и прославляемого Мессию; напомнил, как последующие пророки развили и дополнили прежние откровения новыми, более ясными чертами. Чудный Странник говорил так, что слова Его проливали истинную отраду и сладостное утешение в измученные души слушателей: сердца их, согреваемые огнем благодати, горели и трепетали от радостного восторга. Еммаусские путники слушали и не могли довольно наслушаться. После сего, и пророчества, и самые события, разъясненные Спутником, представились им в истинном свете. Дивный Собеседник ясно показывал в Себе нечто необычайное, но глаза их по-прежнему были удержаны (Лк. 24, 16) – и они не могли узнать Господа.

Путники приблизились к Еммаусу. Чудный Незнакомец, прощаясь, сделал вид, что хочет идти дальше. Но Лука и Клеопа, чувствуя какое-то тайное, непреодолимое влечение к Собеседнику, стали усиленно просить Его остановиться на ночь в этом селении, и, удерживая Его, говорили: *облязи с нама, яко к вечеру есть и приклонился есть день.* Тяжело было им расстаться с человеком, который дорогой говорил так поучительно и выказал в себе такое глубокое знание всего, относящегося к предмету их тайных дум. Они ожидали, что, быть может, на ночлеге Незнакомец скажет об Иисусе много такого, чего не успел высказать дорогой. Видя возрождающуюся веру учеников, Господь остался с ними для того, чтобы докончить уверение их в радостной истине Воскресения.

Вошли в дом, возлегли за столом, для вечери предложен был путникам хлеб. По обычаю, старший между собеседниками произносил благословение над хлебом, преломлял и подавал соучастникам вечери. Следуя этому обычаю, Незнакомец взял хлеб, благословил, преломил и подал ученикам – так, как делал Иисус. Лука и Клеопа пристально взглянули на своего Собеседника: голос, вид, движения – Иисуса! И эти руки, на которых видны глубокие язвы – Иисуса! Глаза у них открылись, и они узнали Господа. Но Воскресший, утвердив в сердцах их веру и духовным прозрением, и чувственным видением, мгновенно сделался невидим.

Ученики остались одни и в радостном восторге стали припоминать все обстоятельства явления Господа: как Он подошел к ним на пути, как говорил и изъяснял Писание, как вну-

треннее чувство давало им понять, что это был не простой Спутник: *не сердце, ли наше горя бе в нас,* – говорили ученики друг другу, – *егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама Писания?* Все это было так чудно и многозначительно, что они решились как можно скорее, поделиться своей радостью с другими апостолами и, тотчас же встав, спешно пошли в Иерусалим.

Был уже поздний вечер, когда Лука и Клеопа возвратились в Иерусалим. Радостная весть о Воскресении Учителя в течение дня сделалась известной каждому из учеников. Апостолы, кроме одного, а также и прочие верующие, собрались в той самой горнице, в которой, по вознесении Господа на небо, пребывали *единодушно в молитве и молении* в ожидании сошествия Утешителя – Духа Святаго (Деян. 1, 13, 14). Сюда пришли еммаусские путники и были встречены уверением, что Господь истинно воскрес и явился Петру. Петр присутствовал в собрании и мог сам свидетельствовать о себе. Общая радость еще более увеличилась, когда Лука и Клеопа рассказали о происшедшем на пути и как Господь был узнан ими в преломлении хлеба.

Пятое
Лк. 24, 36–48; Ин. 30, 19–23

Святое собрание благоговейно внимало повествованию еммаусских путников: все это было так чудно, и вместе с тем так радостно. Памятно было обещание Господа, высказанное в прощальной беседе: *паки узрю вы и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас* (Ин. 16, 22). И вот наступило это вожделенное время. Христос, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «возбудив в них желание видеть Его тем, что они уже знали о Воскресении Его, в тот же день, по наступлении вечера, когда они горели желанием видеть Его и были одержимы страхом (от чего еще более усиливалось их желание), предстал пред ними, и притом чудесным образом». Он поспешил явиться в самый день Воскресения, чтобы «положить основание святому дню Господнему, в замену ветхозаветной субботы, которой настал конец» (святитель Иоанн Златоуст).

Из опасения внезапного нападения иудеев, возбужденных удивительными слухами, распространившимися по городу, двери дома, где находились апостолы, были крепко заперты. И вдруг Сам Господь стал посреди их и, упокоивая мятущиеся мысли их, преподал им *мир Божий, превосходяй всяк ум* (Флп. 4, 7): *мир вам!* Это приветствие, бывшее в употреблении у иудеев (1 Цар. 25, 6), имело теперь в устах Господа особый знаменательный смысл. Хотя Он уже в прощальной беседе преподал Своим ученикам истинный *мир,* не такой, какой дает мир (Ин. 14, 27), но в последние дни разные обстоятельства привели апостолов и прочих верующих в крайнее беспокойство и смущение. Скорбь о потери Учителя, чувство беспомощного одиночества, страх от иудеев, недоумения и сомнения относительно Учителя, все это лежало тяжелым бременем на душах их. Внезапное явление Воскресшего, прошедшего сквозь затворенные двери, еще более увеличило общее беспокойство: присутствующие подумали, что перед ними дух. Сердцеведец читал мысли их, видел и в наружных движениях испуг, и присоединил к преподанному миру еще слова ободрения и уверения: *что смущени есте и почто помышления входят в сердца ваша? Видите руце Мои и нозе Мои то сам Аз есмь: осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща.* Сказав это, Он показал им руки, ноги и ребра Свои, где ясно видны были страшные язвы. Ученики обрадовались, увидев Господа, но самая радость их была так велика, что они боялись отдаться ей во всей полноте. Когда прошел первый восторг, опять появились в душах их тени неверия и сомнения. И можно ли удивляться этому, или даже осуждать тех, кого Христос не осудил? «Ученики увидели дело дивное и необычайное, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – увидели воскресшим Перворожденного из мертвых, а такие величайшие чудеса обыкновенно сначала поражают, пока со временем не утвердятся в душах верующих».

С премудрой постепенностью Господь привел будущих провозвестников основной истины христианства (1 Кор. 15, 14) к совершенной вере. Желая уверить их в истинном и действительном Воскресении, Он спросил: *имате ли что снедно зде?* Вас «не убеждают ни ребра, ни раны, – как бы так Он говорил, – пусть же, по крайней мере, убедит трапеза». Подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда, и, взяв, ел пред ними, т. е. по объяснению святых отцов, «вкушал пищу, не имея Сам в ней нужды и потребляя едомое некоторой Божественной силой, с той целью, чтобы исправить немощь учеников». Иного, более наглядного и решительного доказательства нельзя было представить для убеждения учеников в том, что перед ними теперь не призрак, а действительно воскресшей Господь в Своем теле, которое висело на кресте и было погребено.

Для окончательного успокоения учеников Иисус Христос указал им на то, что все совершившееся произошло так, как и должно было произойти по плану Божественного

домостроительства, от вечности предопределенному. Он напомнил им, что страдания и крестная смерть Его многократно были предсказаны Им самим со всей ясностью (Мф. 16, 21; 17, 22–23; 20, 18–19) и должны были последовать, как завершение всего написанного о Нем в книгах Ветхого Завета: *сия суть словеса, яже глаголах к вам еще сый с вами, яко подобает скончатися всем написанным в законе Моисеове и пророцех и псалмех о Мне.* Прежде, когда Господь на пути в Иерусалим предупреждал учеников о Своих страданиях, смерти и Воскресении, *тии ничесоже от сих разумеша, и бе глагол сей сокровен от них и не разумеваху глаголемых* (Лк. 18, 34), то теперь воскресший Господь, приготовляя проповедников Евангелия для всего мира и как бы предваряя совершительное действие Святаго Духа (Ин. 14, 26), отверз им ум к уразумению Писаний. Ученики Христовы силой благодати были приведены в такое состояние умственного озарения, что могли припомнить все забытое и уразуметь все неясное в Писании о Христе и совершенном Им искуплении. *Тако писано есть,* – продолжал Господь, – *и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути от мертвых в третий день, и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима. Вы же есте свидетелие сим.* Ученики Христовы, постоянно сопутствуя своему Учителю, видели и слышали то, что желали видеть и слышать пророки и праведники Ветхого Завета – и не видели, и не слышали (Мф. 13, 17), Впоследствии апостолы указывали на это свидетельство самовидцев, как на несомненное доказательство истины (1 Ин. 1, 1).

Среди беседы Воскресшего с учениками настала священнейшая минута, когда *Посланник* Отца Небесного (Евр. 3, 1), *Архиерей Великий, прошедший небеса* (4, 14), зная скорое отшествие Свое к Отцу, передал дело Своего служения спасению людей продолжателям Его – святым апостолам. *Мир вам!* – сказал Господь еще раз, – *якоже посла Мя Отец и Аз посылаю вы,* – и, дунув на них, присовокупил: – *приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся.* Вот та власть ключей Царства Небесного, которую Спаситель обетовал в лице Петра всем апостолам и их преемникам (Мф. 16, 19). Таинственное дуновение не только служило видимым знаком сообщения Святаго Духа и посвящения в дело служения, но также имело глубокий смысл восстановления в человеке образа Божия, помраченного грехом. По мысли святителя Кирилла Иерусалимского, «это вторичное дуновение, потому что первоначальное не было уже действенно, по причине произвольных грехов». «Дух – естество Божественное, неизреченное, из неизреченных уст явившееся, неизреченно через дуновение сообщено человеку и в телесном образе опять Им через дуновение восстановлено, ибо, – продолжает святитель Василий Великий, – надлежало согласоваться между собою первоначальному обновлению и нынешнему возобновлению». Христос «запечатлел, дунув, как не иный с Вдунувшим жизнь вначале (Быт. 2, 7), но Тот же самый» (святитель Василий Великий). Прияв Духа Святаго – теперь предначинательно и вскоре потом совершительно, ученики должны были выйти на проповедь Евангелия во всеоружии духовной власти, с полномочием вязать и решить совесть людей, для того чтобы, заглаждая источную причину распрей и вражды – грехи, и восстановляя в душах образ Божий, поселять между людьми тот мир, который Господь принес на землю (Еф. 2, 14–18; Кол. 1, 20–22) и теперь преподал им как необходимое напутствие.

Явление Господа послужило к совершенному уверению апостолов в истине Воскресения а заключительные слова беседы указали им на предстоящее им служение. Впрочем, по намерению Господа, это служение должно было начаться не вдруг, а после того, как святые апостолы будут окончательно приготовлены к делу проповеди еще другими явлениями и беседами о Царствии Божием в течение сорока дней (Деян. 1, 3) и облекутся *силою свыше* сошествием Утешителя – Духа Святаго (Лк. 24, 49).

Шестое
Ин. 20, 24–31

День Воскресения окончился уверением в радостном событии апостолов и с ними других верующих, бывших в собрании. Но один апостол – Фома, иначе называемый Близнецом (Ин. 11, 16; 20, 24; 21, 2), не присутствовал в этом собрании и не видел Господа. Неизвестно, что было причиной отсутствия его, но то несомненно, что все совершилось, по выражению церковной песни, «смотрительно», т. е. по устроению Промысла Божия, приготовлявшего новое, неотразимое по силе убеждения, доказательство истины Воскресения. Отличаясь стремительностью чувства (11, 16) и крайней пытливостью ума (14, 5), этот ученик в сонме апостолов был наиболее склонен к сомнению в том, в чем еще не убедился собственным опытом. События последних дней, расстроившие все мечты о земном Царстве Мессии (ср. Лк. 24, 21), а также удивительные вести, распространившиеся в св. обществе учеников, побудили его – не спешить и искать самого прочного, непоколебимого, личного удостоверения в Воскресении Господа. Когда другие апостолы, желая поделиться с ним своей радостью, сказали: *видехом Господа, он отвечал: еще не вижу на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры*. Это неверие, стремившееся к несомненной, твердой и непоколебимой вере, было, по изъяснению церковных песней, «неверие доброе»: оно порождало веру и, уверив всех, утверждало в ней. А так как, по словам святителя Иоанна Златоуста, «Фома искал себе большего удостоверения, то Христос не отказал ему в этом», и явился не тотчас, а спустя восемь дней для того, чтобы «Фома, внимая в течение этого времени убеждениям учеников и слыша одно и то же, воспламенился большим желанием и сделался более твердым в вере на будущее время».

После восьми дней в том же доме опять было собрание учеников, в котором присутствовал Фома. Как и прежде из опасения иудеев, двери были заперты. Пришел Иисус, стал посреди и сказал: *мир вам!* Всеведущий знал душевный недуг Фомы, видел также искреннее стремление его к истине, а посему, наказав малое неверие кратким лишением радости, позволил ему, по замечанию святителя Филарета Московского, «собственными, так сказать, руками взять радость Воскресения из живоносных ран воскресшего тела». *Принеси перст твой семо и виждь руце Мои,* – сказал Господь недугующему неверием апостолу, вполне согласно с желанием, выраженным им, – *принеси руку твою и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен.* «Тело столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенные двери, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – очевидно, чуждо было всякой дебелости, но Христос показывает его таким для того, чтобы уверить в Воскресении и научить, что именно был распят и не другой воскрес вместо Его». Фома осязает Воскресшего «десницею любопытною», и это не простое, только внешнее осязание, но живое прикосновение «к открытым, так сказать, устиям внутреннего источника жизни» (святитель Филарет Московский), воскрешает в жизнь веры полуумерщвленного неверием апостола. *Господь мой и Бог мой!* – воскликнул Фома в радостном восторге. Отвечая ему, Господь в поучение всем родам и векам высказал закон нравственного Царства Божия, по которому «чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры» (святитель Иоанн Златоуст), и, не одобряя в верующих искания очевидных, удостоверяющих доказательств, дал преимущество вере, которая их не требует: *яко видев Мя веровал еси: блажени не видевшии, и веровавше*. В лике апостольском был один ученик, которому уже принадлежала полнота веры: это апостол Иоанн. Вошедши в гроб, он увидел отсутствие тела Христова и лежащие пелены, и тотчас в глубине любящего сердца ощутил, что жив Возлюбленный (Ин. 20, 8). «Кажется, можно видеть, – говорит святитель Филарет Московский, – как Господь взором укорения взирает на Фому и глаголет: *видев Мя веровал еси*, потом обращает взор одобрения на Иоанна, и хотя не открыто к его имени, но

тем не менее внятно к его сердцу продолжает: – *блажени не видевшии, и веровавше».* Прочие апостолы заслужив, еще прежде упрек Господа в неверии и жестокосердии (Мк. 16, 14), также утвердились в вере видением Воскресшего (Лк. 24, 30–48), а посему слово, сказанное Фоме, косвенно относилось и к ним, относится и ко всем, ищущим наглядных и очевидных знамений веры.

Повествование об этом явлении Господа святой евангелист заключает общим замечанием о делах Христовых во время земной жизни Его: *многа же и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книгах сих. Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе, живот имате во имя Его.*

Седьмое
Ин. 21, 1—24

Впрощальной беседе с учениками накануне дня страдания и смерти, между другими утешительными обетованиями, Господь предупреждал что по Воскресении Своем опять увидит их в Галилее (Мф. 26, 32), а в самый день Воскресения Ангел, обращаясь к святым мироносицам с радостной вестью, послал их сказать апостолам, что Воскресший предварит их в Галилее (28, 7). В этой стране Божественный Учитель провел тридцать лет Своей жизни до явления миру, а также – почти все время Своего открытого служения; там Он совершил большую часть Своих поразительных чудес, там произнес большую часть Своих бесед и притчей, там из местных жителей, простых и добрых сердцем, избрал сначала двенадцать и потом семьдесят учеников, там нашел большую часть Своих последователей. Города и селения Галилеи, равнины, горы и озеро Геннисаретское служили местом проповеди Его. Воскресший желал явить знамения Своего Воскресения также и в этой стране, сначала малому числу ближайших учеников, а потом – множеству верующих.

Праздничные дни кончились, и дальнейшее пребывание учеников в Иерусалиме могло бы привлечь внимание врагов Христовых. Апостолы не имели еще ни полномочия от Господа, ни дерзновения выступить свидетелями Воскресения Его, а посему в ожидании будущих указаний своего Учителя, решились возвратиться на родину. Уверенность, что Господь и Учитель их жив, хотя и не пребывает и не ходит с ними, как прежде, служила для них, после всего испытанного, радостным ободрением в настоящем и надежным залогом исполнения обетований Его в будущем. Если теперь Петр, Иаков и Иоанн могли припомнить и передать другим обстоятельства славного Преображения Господня (Мф. 17, 9), то без сомнения, это событие представлялось им, в связи с последующими новым подтверждением и объяснением Божества Христова. Апостолы уносили на родину в сердцах своих веру, хотя не вполне еще чуждую мечтательных ожиданий (Деян. 1, 6), но более чистую и более твердую, которую вскоре просветительное действие Святаго Духа очистило от всяких земных примесей и возвело в полноту совершенства. Вскоре по возвращении в Галилею Петр, Фома, называемый Близнецом, Нафанаил из Каны Галилейской, Иаков и Иоанн, сыны Зеведеевы, и еще двое других учеников пришли на берега Геннисарет скаго озера, памятного многократными посещениями Господа. До призвания своего к апостольству они занимались рыболовством (Мф. 4, 18, 21; Мк. 1, 16, 19; Лк. 5, 5, 10) и любили свое занятие, которое, по всей вероятности, служило для них главным источником пропитания. Хотя, оставив, по слову Господа (Мф. 4, 19), сети и другие принадлежности рыболовства, они следовали за Ним по городам и селениям, приготовляясь быть *ловцами человеков*, но теперь, ввиду Геннисаретскаго озера, невольно обратились к прежним привычкам. Петр сказал апостолам: *иду рыбы ловити. – Идем и мы с тобою,* – отвечали ему. Все они пошли, сели в лодку и, отплыв от берега, целую ночь трудились, закидывая сети в разных местах, и ничего не поймали.

Когда настало утро и утомленные труженики хотели прекратить бесплодную работу, вдруг они увидели на берегу человека. Это был Иисус, но, по всей вероятности, в ином образе, как и при других явлениях (Мк. 16, 12), и ученики не узнали Его. Он, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «не тотчас обнаруживает Себя, а сначала вступает в разговор совершенно по-человечески, как бы намереваясь что-нибудь купить у них». *Дети, еда что снедно имате?* – спросил Незнакомец. *Ни!* – отвечали Ему ученики. Тогда Незнакомец уверенным голосом человека, знающего дело, сказал им: *ввержите мрежу одесную страну корабля и обрящете.* Лишь только они сделали это, сеть наполнилась множеством рыбы – до того, что невозможно было вытащить ее. При виде этой чудной ловитвы, после безуспешной ночной, ученики могли припомнить другую подобную, обильную ловлю рыбы, и также

после ночи, проведенной в бесплодных усилиях (Лк. 5, 5, 6). Сам Господь сравнивал Царство Свое с неводом, закинутым в море (Мф. 13, 47), а посему та и другая ловля служила для апостолов образом многоплодной деятельности их, – одна при начале апостольства их, а другая при предстоящем исшествии их на всемирную проповедь. Иоанн, возлюбленный ученик Господа, любящим сердцем первый ощутил присутствие Учителя, и, взглянув на берег, сказал Петру: *Господь есть*. Как только Петр и Иоанн узнали Господа, тотчас же обнаружили свои особенности, по выражению святого отца, «тот был пламеннее, а этот возвышеннее; тот стремительнее, а этот проницательнее; Иоанн первый узнал Иисуса, а Петр первый пошел к Нему», – опоясался по чреслам одеждой (ибо был наг), бросился в море и приплыл к берегу. Лодка была недалеко от берега, в расстоянии около 200 локтей. Ученики, оставшиеся в ней, вместе с Иоанном, заметили, что лов удачен, и поплыли к берегу, таща за собой сеть, наполненную рыбой.

Между тем Господь, уже узнанный двумя апостолами, стоял на берегу. Ученики, по выходе из лодки, увидели разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. Они смутно догадывались, что Незнакомец не простой человек, случайно лишь появившийся на берегу, но эта догадка тотчас же перешла в полную уверенность, что перед ними – Сам Воскресший. *Принесите от рыб, яже ясте ныне,* – сказал Господь, побуждая их, так сказать, осязать совершившееся чудо и вдуматься в него. Петр пошел и вытащил на землю сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три. Обильный улов, после безуспешных трудов в течение целой ночи, привел учеников в изумление, еще более увеличившееся тем обстоятельством, что, при таком множестве рыбы, сеть не прорвалась. Господь, утвердив чудом веру учеников, пригласил их к соучастию в трапезе: *приидите, обедуйте*. Теперь все узнали своего Учителя и никто не смел спросить Его: *Ты кто еси?* – потому что все были уверены, что это Господь. При этом явлении Воскресшего они, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, «уже не имели своей обычной смелости, не дерзали, как прежде, и не обращались к Нему с речью, но в молчании, с великим страхом и благоговением сидели и смотрели на Него».

Апостолы, следуя зову Господа, расположились вокруг разведенного огня. Тогда Иисус Христос подошел к ним, взял хлеб, разломил и подал им; разделил также и рыбу. Этот разведенный огонь не напоминал ли Петру тот огонь, около которого он трижды отрекся от Христа (Ин. 18, 18)? Думал ли падший по самонадеянности апостол, что теперь настает время окончательного восстановления его в апостольство? Во время трапезы Господь спросил Петра: *Симоне Ионин, любиши ли Мя паче сих?* Словами: *паче сих* ясно указывалось на горделивое уверение его, кончившееся падением: *аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогдаже соблажнюся* (Мф. 26, 33).

Признав свой грех и оплакав его тотчас по падении горькими слезами, апостол уже не дерзнул ставить свою любовь выше любви других учеников, не осмелился даже сравнивать с ней, а просто и смиренно отвечал: *ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя.* И на это смиренное исповедание Господь изрек апостолу: *паси агнцы Моя*, – «агнцами, – по изъяснению святителя Василия Великого, – назвал новорожденных в вере». После краткого молчания, Господь спросил его в другой раз: *Симоне Ионин, любиши ли Мя? – Ей, Господи,* – отвечал апостол, – *Ты веси, яко люблю Тя. – Паси овцы Моя*, – рек ему Господь, поручая не только вскормление духовной пищей еще слабых и не утвердившихся в вере новорожденных членов Церкви, но и пасение всего стада, всех членов Церкви, в совершенном духовном возрасте, которых и прежде неоднократно Господь уподоблял овцам стада (Мф. 18, 12–14; Ин. 10, 1–14). Третий вопрос Господа: *Симоне Ионин, любиши ли Мя?* – опечалил Петра; он подумал, что Господь сомневается в искренности любви его, а посему, ссылаясь на всеведение Его, снова и с особенной силой засвидетельствовал о своей любви: *Господи, Ты вся веси: Ты веси, яко люблю Тя. – Паси овцы Моя,* – опять сказал Господь, окончательно восстано-

вляя падшего в апостольском чине. «Троекратным удостоверением о любви ко Христу, – по выражению святителя Филарета Московского, – заглаждалось троекратное отречение от Христа: это была кроткая епитимия покаявшемуся и разрешаемому Петру». После того, как Воскресший, хотя и не вполне открыто для других учеников, но совершенно вразумительно для самого Петра, загладил грех малодушного отречения его новым торжественным исповеданием и уверением любви к Себе, совесть апостола могла окончательно успокоиться.

По восстановлении Петра в апостольстве Господь открыл ему также и то, что ожидает его в конце апостольского подвига. *Аминь, аминь глаголю тебе: егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси; егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет и ведет, аможе не хощеши.* Святой евангелист замечает, что этой иносказательной речью Господь давал разуметь, *коею смертию* Петр *прославит Бога* (Ин. 21, 19). Насильственная мученическая смерть застигнет его в те годы, когда со старцем, ослабевшим под бременем лет, делают что хотят. (Мученическая смерть постигла апостола Петра в Риме, во время гонения Нерона в 67 году от Р. Х. Он был распят на кресте головою вниз.) Старческая слабость, для большей наглядности, представлена в противоположности с деятельностью человека молодого, крепкого силами, который идет куда хочет и делает, что хочет. Эти живописные образы, взятые прямо из жизни, были вполне понятны ученикам. *Иди по Мне,* – присовокупил Господь, как бы возобновляя для апостола то призвание (Мф. 4, 19), от которого он уклонился своим отречением. Это приглашение к последованию было уже последним, решительным словом восстановления Петра в апостольском достоинстве.

Петр встал и последовал за Господом, выражая в этом видимом действии свое твердое намерение идти за Учителем, хотя бы и на такую же смерть, какую Он Сам претерпел. Но, обратясь, апостол увидел, что и другой ученик, влекомый любовью к Учителю, Иоанн, идет за ним. Заботясь и о судьбе этого ученика, Петр дерзнул спросить Господа: *Господи, сей же что?* – т. е. что ожидает его в будущем? «не пойдет ли и он одним с нами путем?» Такая бесцельная и совершенно излишняя пытливость, желавшая проникнуть в сокровенные судьбы Божии, была и Господу неугодна, и для самого Петра бесполезна. На неуместный вопрос последовал ответ, внушавший апостолу ограничить свое любопытство лишь тем, что ему уже открыто, Господь сказал: *аще хощу, да той пребывает, дондеже прииду, что к тебе? ты по Мне гряди,* – «тебе поручено дело, заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся» (святитель Иоанн Златоуст); что же касается Иоанна, то «если бы Я захотел, чтобы ученик тот оставался жив всегда, даже до Второго пришествия Моего, что тебе до того? Ты следуй за Мной по пути страданий и смерти, а у него может быть и другой путь». Когда эти слова, сказанные Господом условно, впоследствии сделались известными между верующими, то некоторые поняли их в прямом смысле и думали, что ученик тот совсем не умрет. Долгая жизнь Иоанна могла служить некоторым подтверждением такого предположения, но сам евангелист, уже в преклонных годах, нашел нужным опровергнуть молву, возникшую по недоразумению (Ин. 21, 23).

Восьмое и девятое
Мф. 28, 16–20; 1 Кор. 15, 6–7

За частными явлениями Воскресшего святым женам и апостолам последовало торжественное явление большому собранию верующих, о котором Он Сам предсказывал ученикам еще до Своей смерти (Мф. 26, 82). На это явление Ангел указывал мироносицам, внушая им возвестить ученикам, что окончательное удостоверение в Воскресении Христовом они получат в Галилее (28, 7). До сего времени видели Воскресшего лишь ближайшие ученики Его и несколько благочестивых жен: ни семьдесят учеников, ни другие верующие еще не лицезрели своего Учителя и довольствовались свидетельством самовидцев. Чтобы удовлетворить общему желанию верующих и не оставить ни малейшего предлога к неверию для нетвердых в вере, Воскресший избрал местом явления одну галилейскую гору, куда повелел идти одиннадцати ученикам (28, 16). В Галилее Господь совершил большую часть чудес и там же, во время Своего открытого служения, почти постоянно проповедовал Свое учение, приходя в Иудею и Иерусалим лишь на великие праздники, а посему в Галилее было верующих в Него более, чем где-либо, более таких, которые видели Господа, говорили с Ним, ходили с Ним или даже на себе испытали Его чудодейственную силу. Из числа самовидцев Господа на указанную гору собралось более пятисот, в ожидании явления Воскресшего.

Господь явился не только для уверения множества Своих последователей, но и для того, чтобы на месте Своей проповеди дать святым апостолам полномочие на всемирную проповедь, положить таинственное «основание» Своей Церкви заповедью о крещении и укрепить верующих обетованием Своего вечного сопребывания. Для апостолов, видевших Воскресшего и собравшихся на гору по повелению Его, явление Его не было неожиданным, а посему они поклонились Явившемуся, но в большом числе пришедших сюда галилеян нашлись и такие, которые при необычайном видении Того, Кого не считали уже между живыми, усомнились. Впрочем, вскоре это мимолетное сомнение уступило место живому, твердому убеждению в великой истине, так что святой апостол Павел, перечисляя свидетелей явления Воскресшего, указывает и на *пятьсот братий,* из которых в то время большая часть была еще в живых, а некоторые уже почили (1 Кор. 15, 6).

Приблизившись к святым апостолам, Воскресший в немногих словах, исполненных поразительного величия, указал им на великое назначение их, как проповедников Евангелия и строителей таин Божиих (1 Кор. 4, 1): *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли, шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам: и се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века, аминь.* Выражением: *дадеся* Господь указывает, с одной стороны, на вечное Сыновство Свое, а с другой – на восприятое Им человеческое естество (кроме греха): «поелику Он Сын, – замечает святитель Афанасий Александрийский, – то от Отца имеет все, что имел у Себя вечно и что именует Себя приявшим» и, по Божеству Своему всегда имея всякую власть на небе и на земле, Он по Воскресении называет Себя получившим такую же власть и по человечеству. Как Искупитель, принесший Себя в умилостивительную жертву за грехи *всего мира* (1 Ин. 2, 2), Он уже не ограничивает проповедь Евангелия тесными пределами Иудеи или Галилеи, но повелевает апостолам идти и научить все народы, запечатлевая веру их Таинственным крещением, без которого невозможно *внити в Царствие Боже* (Ин. 3, 5), наставляя соблюдать заповеди Его во свидетельство истинной, живой веры (14, 21, 23; Иак. 2, 14; 1 Ин. 3, 18). При исполнении этого святого дела среди языческого, враждебного мира апостолам угрожали опасности всякого рода и мученическая смерть, а посему Господь ободряет их обетованием Своей благодатной помощи, и притом не на краткое только время, но до *скончания века*. Так как, замечает блаженный Феофилакт, «апостолы имели жить не до кончины века»,

то и должно заключить, «что обещание Господа быть с ними относится не к ним одним но и ко всем вообще ученикам Его, т. е. ко всем верующим в Него и хранящим заповеди».

Апостолы, по заповеди своего Учителя, вскоре выступив на всемирную проповедь, испытали непобедимую силу обетованного им благодатного сопребывания Его. Он Сам, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «предшествуя им, уничтожал препятствия, Сам уравнивал все и делал трудное легким. Прежде все дышало войной, все было исполнено утесов и пропастей, и негде было ни поставить ноги, ни остановиться, все пристани были закрыты, все домы заперты, уши всех заграждены, но как скоро апостолы вышли и стали проповедовать, то разрушили все преграды врагов, так что слушатели отдавали души свои и подвергались бесчисленным опасностям за проповеданное». Просвещенные Святым Духом, неученые и простые рыбари заградили уста философам и как бы на крыльях обтекли всю вселенную, посевая в ней слово благочестия, исторгая терния, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малая численность ни простота их, ни строгость (возвещаемых ими) повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям, не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности.

Торжественное явление Воскресшего одиннадцати апостолам и великому собору верующих оставило глубокое впечатление во всех свидетелях. По рассеянии учеников Господа на проповедь Евангелия в разные страны света эти многочисленные свидетели, без сомнения, весьма много могли содействовать распространению и утверждению христианства на Самом месте Христовой проповеди. Все они были известны первенствующей Церкви, так что апостол Павел, ссылаясь на них как на очевидцев, знал, что одни из них живы, а другие уже почили (1 Кор. 15, 6).

После этого явления Иисус Христос явился также апостолу Иакову, по мнению святителя Иоан на Златоуста, брату Господню, которого, по преданию, «Он Сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме».

Так, в продолжение сорока дней, от дня Воскресения до дня вознесения на небо, Господь являлся *свидетелем, преднареченным от Бога,* особенно же апостолам, пред которыми *постави Себе жива по страдании Своем, во мнозех истинных знамениих, глаголя им яже о Царствии Божии, повелевая проповедати людем и засвидетельствовати, яко Той есть нареченный от Бога* Искупитель, *Судия живым и мертвым* (Деян. 1, 3, 10, 41–42).

Вознесение
Мк. 16, 15–20; Лк. 24, 49–53; Деян. 1, 4–12

Наступил сороковой день по Воскресении Господа. Апостолы опять собрались в Иерусалим. Приближалось время исполнения обетований, данных ученикам Господом накануне дня страдания и смерти (Ин. 14, 16, 17, 26; 15, 26). Апостолы, прежде исшествия на всемирную проповедь, должны были принять совершительное действие Святаго Духа Утешителя. В явлении этого Божественного Утешителя они могли найти для себя замену своего Учителя (14, 26), утешение в разлуке с Ним (16, 7), освящение на великое служение Церкви (Еф. 4, 11–13), окончательное просвещение Богооткровенной истиной (Ин. 15, 26) и наконец ту *силу свыше* (Лк. 24, 49), которая была необходима для преодоления всех трудностей и препятствий, предстоявших им в деле проповеди. Господь сказал им: *от Иерусалима не отлучатися, но ждати обетования Отча, еже слышасте от Мене. – И се Аз послю обетование Отца Моего на вы, вы же седите во граде Иерусалимсте, дондеже облечетеся силою свыше, – яко Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым не по многех сих днех.*

Но эти торжественные слова Господа о сошествии Святаго Духа через несколько дней и повеление не отлучаться из Иерусалима до облечения силою свыше, возбудили прежние чаяния и надежды, так что даже в эти последние часы видимого пребывания на земле Спасителя ученики Его не могли освободиться от тех честолюбивых расчетов, которые, составляя отголосок общих народных ожиданий чувственного Царства Мессии, проявлялись иногда в избраннейших учениках (Мк. 10, 37). *Господи, аще в лето сие,* – спрашивали они, – *устрояеши Царствие Израилево?* – оставляя просветительному действию Святаго Духа очистить и возвысить умы и сердца, еще тяготевшие к земле, Господь заповедал апостолам, всецело предавшись воле Отца Небесного, исполнить, при помощи благодати Святаго Духа, дело Евангельской проповеди, не только в Иудее и Самарии, но даже до края земли. Вводя мечтательные мысли в пределы, поставленные высшей Божественной волей, Господь отвечал им: *несть ваше разумети времени и лета, яже Отец положи во Своей власти, но приимите силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели во Иерусалиме же, и во всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли.* Изрекая заключительные наставления, Господь опять дал апостолам полномочие на великое дело всемирной проповеди и в ободрение и утешение будущих проповедников указал на чудную, присущую вере силу, которая будет содействовать распространению и утверждению Евангелия: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари: иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы изженут, языки возглаголют новы, змия возмут, аще и что смертно испиют, не вредит их, на недужныя руки возложат и здрави будут.*

Господь сказал все, что было нужно для утешения учеников в предстоящей разлуки с Ними. Но к утешительным словам Он присоединил не менее утешительное действие, наглядно, ощутительно для очей их показавшее, что отшествие Его от них есть славное восхождение к Отцу Небесному, возвещенное апостолам еще в самый день Воскресения (Ин. 20, 17). Без сомнения, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «Он мог вознестись невидимо, но как свидетелями Своего Воскресения Он имел очевидцев апостолов, то сделал их же очевидцами и Своего вознесения» для того, чтобы еще более утвердить их веру.

После беседы с учениками Господь вывел апостолов из Иерусалима на гору Елеонскую, до Вифании, и, подняв руки Свои, благословил их тем благословением, которое мог преподать Сам Искупитель: оно почило не на одних апостолах, но перешло на преемников их, действовало и будет действовать и во всех верующих – в роды родов, до скончания века.

И когда благословлял их, поднялся в глазах их, стал отдаляться от них и возноситься на небо, «не при помощи кого-нибудь, ведшего Его, но, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – Сам шел этим путем». Он восходил выше и выше, и облако скрыло Его из вида их. Этот новый образ отшествия, когда Господь не просто удалился или сделался невидимыми, а, восходя превыше облаков, престал быть видим по причине безмерной высоты, показался свидетелям вознесения необычайным. Они поклонились возносившемуся Господу – и не могли отвести очей от чудного зрелища. Здесь же присутствовала и Пресвятая Дева Богоматерь, Которую церковные песнопения представляют свидетельницей вознесения Господня: как Мать, Она во время страданий Сына болезновала более всех а теперь Ей более всех «подобало, при виде славы плоти Его, насладиться преимущественною радостию». Взирая вместе с апостолами на восходящего на небо Сына и Господа Своего и постигая совершение всего чудного, что хранилось в сердце Ее о Сыне Ее (Лк. 2, 19, 51), Она «возвеличила» Его не только любовью, но и верой в Божество Его.

Это отшествие Господа на небо было, само по себе, вожделенным и радостным окончанием земного дела Его. Но какое лишение должно было ощутить святое общество присных Христу, и в себе и вокруг себя, по удалении на небо Учителя! в утешение им Господь послал к ним Своих небесных вестников с новой вестью. Когда они смотрели на небо, вдруг предстали им два мужа в белой одежде, которые, пробудив их от бездейственного изумления, изъяснили, что отшествие Господа есть видимое сокрытие Его до предопределенного дня и часа (Мф. 24, 36): *мужие галилейские, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо,* – приидет так же «нечаянно и непредвиденно», так же «явно и торжественно», так же «на облаке и с телом».

Божественный Искупитель, совершив наше искупление в состоянии крайнего самоуничижения (Флп. 2, 7–8), восшел в превечную *славу Свою* с прославленным человечеством (Ин. 17, 5; Лк. 24, 26), восшел *превыше всех небес* (Еф. 4, 10), *превыше всякаго начальства и власти и силы и господства, и всякаго имене именуемаго не точию в веце сем, но и во грядущем* (1, 21), и вместе с тем, по выражению церковных песнопений, «падшее естество наше, взяв на рамо, таинственно вознес превыше Ангелов, всякаго начала и власти, привел к Отцу Своему и почтил соседением с Ним». Святой евангелист Марк, как бы проникая взором в самое небо вслед за восходящим Господом, говорит, что Он, по вознесении, *седе одесную Бога* (16, 19). *Это седение одесную Бога Отца,* по согласному толкованию святых отцов, означает «равночестность с Отцом», которую «Сын Божий, как Бог и единосущный Отцу, имеет прежде веков, и в которой, воплотившись в последние времена, восседит и телесно, по прославлении плоти Его» (преподобный Иоанн Дамаскин). Таково славное, недомыслимое для самих небесных сил (1 Пет. 1, 12), заключение спасительной жизни на земле Господа нашего Иисуса Христа. Исполнив дело искупления рода человеческого, Он, по словам святителя Иоанна Златоуста, «принес Отцу начатки естества нашего, а Отец столько был доволен даром, как по достоинству Принесшего, так и по чистоте принесенного что принял дар собственными руками, положил его подле Себя и сказал: *седи одесную Мене* (Пс. 109, 1). Какой природе Бог сказал: *седи одесную Мене?* Той самой, которая некогда слышала: *земля еси и в землю отъидеши* (Быт. 3, 19). Недовольно было ей возвыситься над небесами, недовольно было стать наряду с Ангелами, не была ли бы и сия честь чрезвычайна? – но она превзошла Ангелов, превысила Архангелов, оставила за собой Херувимов, вознеслась выше Серафимов, миновала Начальства, и не прежде остановилась, как достигши престола Господня. Превыше всей той высоты Христос вознес нашу природу». «Удивишася, – по изображению святой Церкви, – чини Ангельстии, зряще на престоле посаждено Отчи отпадшее естество человеческое, затвореное в преисподних земли».

Свидетели вознесения Господня, утешенные обетованием скорого сошествия Святаго Духа и видением Божественной славы своего Учителя, возвратились в Иерусалим с великой радостью.

Суть же и ина многа, – так заключает Евангелие святой Иоанн Богослов (21, 25), – яже сотвори Иисус, яже аще бы по единому писана быша, ни Самому мню всему миру вместити пишемых книг. Аминь.